

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

178

ПАМЯТНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

178

ПАМЯТНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1984

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь), Н. Н. ГУРИНА,
А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ,
Р. М. МУНЧАЕВ, В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

В. Б. КОВАЛЕВСКАЯ, В. В. КРОПОТКИН

СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

Н. Л. ЧЛЕНОВА

ИРАНСКИЕ ПРОТОТИПЫ
«СКИФСКИХ ОЛЕНЕЙ»

В литературе уже отмечалось, что распространение популярного сюжета скифского звериного стиля — оленя — связано со скифо-сакской этнической общностью, что местом сложения этого образа является обширная территория между Курдистаном и Восточным Казахстаном, а прототипы двух основных поз оленя — с подогнутыми ногами и стоящего — следует искать в памятниках Ирана и Месопотамии II и III тысячелетий до н. э.¹ В настоящей статье рассматриваются ближневосточные и иранские прототипы «скифских оленей».

Многие авторы указывали на определенное сходство «скифских оленей» с золотыми оленями на короне Шуб-Ад из царского некрополя Ура². Последние показаны в позе с подогнутыми ногами, близкой к известной в скифском искусстве. Однако здесь изображен не благородный олень, как на скифских памятниках, а лань (*Dama mesopotamica Brooke*). Вообще на Ближнем Востоке в основном изображали лань (*Dama mesopotamica* и *Dama dama L.*), которая водится в этих районах³. Изображения благородных оленей на Ближнем Востоке очень редки и ограничены почти исключительно Малой Азией (Аладжа Уйюк, среди хеттских и сирохеттских изображений, III—I тысячелетия до н. э.)⁴, Кавказом и Ираном, где и водится благородный олень (в Иране — по южному побережью Каспийского моря, в Западном Иране пределы распространения благородного оленя неизвестны)⁵. Понятно, что именно в этих районах можно ожидать находки изображений оленя, наиболее близких к скифским.

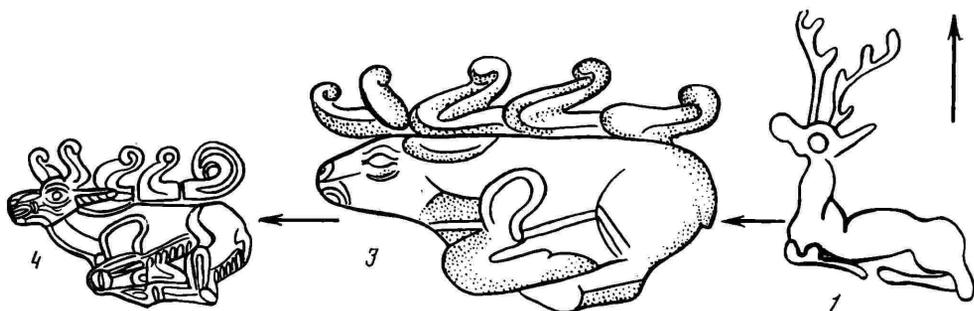
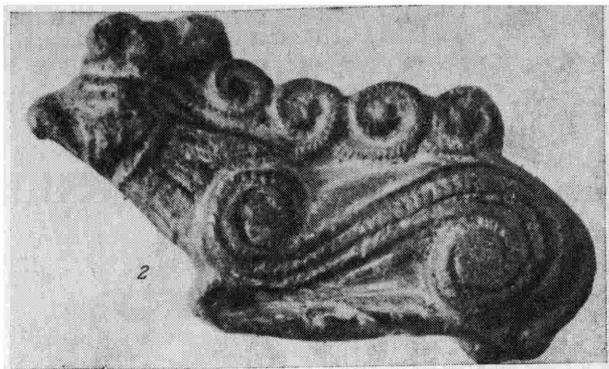
Действительно, в Иране известно несколько таких изображений. Бляшка в виде оленя была найдена в 30-х годах в Луристане, близ Харсина, в местности «Сагванд» (рис. 1, 2). Лопатка и бедро оленя украшены рельефной двойной спиралью, отростки рогов переданы также в виде спиралей. А. Годар назвал ее поясной пряжкой и считал скифской или подражающей скифской, изготовленной в эпоху господства скифов в Мидии⁶. К близкому выводу пришел В. Г. Луконин⁷. Датировать эту случайную находку трудно. Ее близкое сходство со «скифскими оленями» несомненно. Однако ни на одной из бляшек-оленей европейских степей нет двойной спирали на туловище (такие спирали изредка встречаются на фигурках животных кобанской культуры — например, из Балымского клада)⁸.

Возможно, эта бляшка действительно выполнена под скифским влиянием. Это предположение в какой-то мере подкрепляется и тем, что местность, где она найдена, называется «Сагванд», что означает скорее всего «сакская крепость»⁹.

Однако подобные же изображения, уже совсем не отличимые от скифских, найдены и в составе известного клада (погребения?) из Зивие в Курдистане, на обломке золотого пояса (рис. 1, 3); эти олени окаймлены ветками «священных деревьев», такими же, как из Кармир-блуря,

Рис. 1. Схема происхождения «скифских оленей» с головой, вытянутой вперед

1 — сиро-хеттская печать (по: G. Contepau); 2 — Луристан, близ Харсина (по: A. Godard, 1938); 3 — Зивие (по: R. Ghirshman); 4 — Келермес (по М. И. Артамонову)

Закима, Ани-Пемзы и Топрак-кале близ Вана. Исследователи считали находку из Зивие памятником маннейского, мидийского или скифского искусства и соответственно датировали ее временем от IX до начала VI в. до н. э.¹⁰ В. Г. Луконин называет эти изображения «скифской цитатой» в искусстве древнего Ирана, но стиль, представленный в Зивие, считает еще не сложившимся, предшествующим скифскому искусству, и замечает: «Парадоксально то обстоятельство, что подлинно иранский пласт искусства движется в направлении, обратном движению иранских племен»¹¹. Нам представляется, что ничего парадоксального в этом явлении нет. Скифский звериный стиль не сложился в Северном Причерноморье, а восходит к искусству Древнего Востока. Вопрос заключается только в том, когда и каким образом этот стиль попал оттуда в Скифию и на какой территории представлены самые близкие его прототипы. П. Амандри писал, что если мотив «скифского оленя» не изобретен скифами, то непохоже, что он проник в Иран с какими-то индоевропейскими племенами во время их миграции туда¹². Но если при датировке Зивие скифскую эпоху все же исключить нельзя, то другие иранские изображения, близкие к «скифским оленям», несомненно старше их.

Мы имеем в виду два изображения на клинках бронзовых кинжалов. Первое — олень с подогнутыми ногами на кинжале, происходящем «с гор Загроса» (рис. 2, 4)¹³. Сходство со «скифскими оленями» проявляется в почковидной фигуре на лопатке — у некоторых «скифских оленей» здесь помещали голову хищной птицы (например, у оленя из Гаршиново, Болгария)¹⁴. Две ветви рогов, расположенные по обе стороны головы, изредка встречаются у «скифских оленей» Северного Причерноморья (рис. 2, 7)¹⁵, но особенно характерны для «скифских оленей» Северного Кавказа (Майкоп, Семибратние курганы в Прикубанье, кобанские олени — рис. 2, 6)¹⁶. Загросский олень отличается от «скифских» более длинным хвостом и шеей, а главное — совершенно иным изображением рогов: отростки их не S-видные, как у «скифских оленей», а полулунные, и покрыты насечками, на концах рогов — нечто вроде трилистника. Все это заставляет подозревать, что на загросском кинжа-

ле изображен не благородный олень, а лань. Дата этого изображения по А. Годару — 1000—900 гг. до н. э. К сожалению, рисунка и описания самого кинжала А. Годар не привел. По-видимому, это один из типов ближневосточных кинжалов. Поэтому рассматриваемое изображение заведомо старше скифской эпохи.

Второе изображение оленя с подогнутыми ногами происходит из Луристана и издано П. Кальмейером¹⁷. На лопатке, как и у загросского оленя, имеется значок, но не в виде почки, а в виде спирали (рис. 2, 5). Рога оленя заканчиваются лопатками, характерными для лани. На клинке есть еще две змеи, а на краях ручки — рыбы. Змей на луристанских кинжалах помещали неоднократно. Точно такая же змея имеется на клинке подобного кинжала из Луристана, а выше — профильное изображение козла, стоящего на задних ногах (как на известных луристанских «штандартах»)¹⁸. Видимо, композиция «змея и какое-то животное выше нее» была типична для луристанских кинжалов, и олень вполне мог войти в эту композицию. Рассматриваемый кинжал подробно описан П. Кальмейером и отнесен к группе 56Е — кинжалов с веерным навершием. Они надежно датируются XIII—XII вв. до н. э.¹⁹

Итак, иранские оленя на клинках кинжалов безусловно относятся ко времени, предшествующему скифскому. Из «скифских оленей» они ближе всего напоминают оленей с Северного Кавказа — из Семибратних курганов (рис. 2, 6) и, в меньшей степени, кобанских, среди которых нередки изображения с повернутой назад головой и рогами по обе стороны головы. Напрашивается мысль, что упомянутые северокавказские изображения восходят к луристанским и проникли на Северный Кавказ через Главный Кавказский хребет. Дата Семибратних курганов (V в. до н. э. — по К. Шефольду, вторая половина V в. до н. э. — по А. К. Корови-

Рис. 2. Схема происхождения «скифских оленей» с головой, повернутой назад

1 — Ур (по: L. Woolley); 2, 3 — фрагменты оттисков печатей Керкук (митаннийских): 2 — по: Н. Frankfort, 3 — по: W. H. Ward; 4, 5 — изображения на клинках кинжалов: 4 — горы Загрос (по: A. Godard, 1962), 5 — Луристан (по: P. Calmeyer); 6 — Семибратний курган 4 (по М. И. Артамонову); 7 — Кривоуково близ д. Журовка б. Киевской губ., курган CD (по М. И. Артамонову)

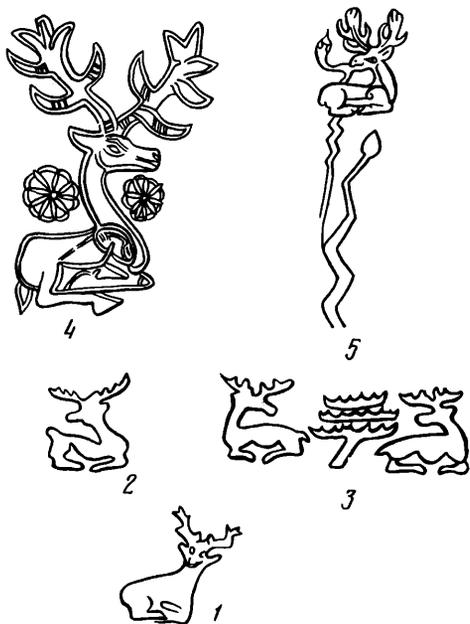

Рис. 3. Оттиск печати 2-й сирийской, или митаннийской, группы (по: Н. Frankfort)

ной²⁰) и кобанских оленей (VI—V вв. до н. э.²¹) допускает такое предположение. Однако в Закавказье «скифские олени» как будто вообще неизвестны: бронзовые скульптуры оленей из Казбекского клада, Лчашена и Толорса, сходные со скульптурами из Аладжа Уйюк²², типологически очень далеки от «скифских оленей» и их прототипами быть не могут. Каким путем изображения оленей с подогнутыми ногами из Луристана попали на Северный Кавказ, пока еще не ясно. Тем не менее, типологически северокавказские олени с подогнутыми ногами, рогами по обе стороны головы и иногда с повернутой назад головой восходят к луристанским изображениям на клинках кинжалов. Луристанские же изображения имеют точные ближневосточные прототипы. Уже упоминалось, что на обоих луристанских кинжалах показан не благородный олень, как в «Сагванде» и Зивие, а лань, как на более древних ближневосточных предметах. Территория Ирана, таким образом, как бы смыкает древние ближневосточные изображения лани, распространенные главным образом к западу от Ирана, и более поздние изображения благородного оленя у скифов. Вполне вероятно, что именно на территории Ирана (Луристана) и сложился образ «скифского оленя», натурой для которого первоначально была лань, а в более северных районах (Курдистан) стал служить благородный олень.

Иконографически луристанские олени на кинжалах восходят к изображениям на печатях Керкук (XV—XII вв. до н. э.), где олени также показаны с подогнутыми ногами, рогами по обе стороны головы и повернутой назад головой. Они входят в состав композиций: помещены по обе стороны «священного дерева» (так, что их морды обращены к дереву), иногда вместе с козлами, крылатыми сфинксами (рис. 3) или возле какого-то антропоморфного божества вместе со львами, козлами и фантастическими существами²³. Все это обычные для Ближнего Востока композиции. Олени изредка входят в них, ничем не выделяясь среди других животных. В свою очередь, изображения оленей на печатях типа Керкук восходят к упомянутым золотым оленям-ланим на короне Шуб-Ад III тысячелетия до н. э. (рис. 2, 1), также помещенным по сторонам «священных деревьев» вместе с бородатыми быками, баранами и козлами²⁴, и к эпохе Джемдет-Наср, как уже отмечал П. Амандри. Таким образом, рассматриваемый вариант «скифского оленя» с подогнутыми ногами и рогами по обе стороны головы восходит через искусство Луристана и печати Керкук к III и даже рубежу IV—III тысячелетий до н. э. на Ближнем Востоке (рис. 2).

Но та же ближневосточная схема «олени и другие животные у священных деревьев», лишь несколько видоизмененная, представлена и на поясе из Зивие: здесь олени и козлы помещены в фигурных рамках из ветвей «священного дерева». Это позволяет думать, что и олени из Зивие по происхождению являются вариантом не «скифского оленя», принесенного с севера скифами, а одного из прототипов «скифского оленя», распространенных на Ближнем Востоке. Можно построить схему, демонстрирующую происхождение варианта «скифских оленей» с подогнутыми ногами и вытянутой вперед головой от оленей из Зивие и еще более ранних ближневосточных оленей (рис. 1).

Последний вариант «скифских оленей», который следует здесь рассмотреть, — это стоящие олени с задранной вверх мордой и вскинутым крупом. Этот вариант известен по изображениям на северокавказских сосудах из Нальчика, Ставрополя, Лугового могильника и поселения Бештау²⁵. Фрагмент сосуда с головой оленя был найден в Моздокском могильнике. Эти изображения, датируемые VII—VI вв. до н. э., довольно разнообразны, в частности, по-разному показаны рога. Кроме позы, объединяет их еще и то, что все они «идут» по сосуду против часовой стрелки, а туловища их заштрихованы различными способами.

В последнее время стало известно еще несколько северокавказских сосудов с изображениями оленей. Один из них — разбитый кувшин с черной лощеной поверхностью (форма, типичная для керамики скифской

эпохи на Северном Кавказе) — хранится в Пятигорском музее без инвентарного номера (рис. 4, 1). По данным В. И. Козенковой, он происходит из Моздокского могильника. На сохранившейся части сосуда процарапаны сильно стилизованные фигуры оленей с вскинутыми крупами, очень длинными шеями и задранными вверх мордами. Их поза, несомненно, восходит к позе скифских оленей «на цыпочках», но сильно искажена: сохранившаяся нога второго оленя вытянута вперед почти горизонтально. Рога оленей — в виде лопастей, шеи заштрихованы косой сеткой, туловища покрыты квадратами и косыми линиями. Всего на сосуде было, видимо, три или четыре оленя. Под ногами их — три неправильных прямоугольника, покрытых заштрихованными квадратами или треугольниками (рис. 4, 2). Что они означают, трудно сказать. Олени на сосуде из Нальчика скачут среди заштрихованных треугольников, несомненно, обозначающих горы²⁶. По аналогии можно предполагать, что прямоугольники под ногами оленей на сосуде из Моздока изображают поля. Орнамент, покрывающий «поля» и туловища оленей на этом сосуде, — заштрихованные треугольники и квадраты, чередующиеся в шахматном порядке с незаштрихованными, — типичны для орнамента каменномоетских сосудов Северного Кавказа VIII—VII и VII в. до н. э. (рис. 4, 3—5)²⁷. Однако сама фигура оленя, криволинейная и довольно вычурная, никаких прототипов в кавказских памятниках не находит.

Другой сосуд, в форме кружки с ручкой, сохранившийся частично, также хранится в Пятигорском музее. По данным В. Е. Виноградова, он происходит из Отрадненского могильника²⁸. Сосуд черный лощеный, в его верхней части процарапаны фигуры трех оленей — двух самок и одного самца, идущих против часовой стрелки. Фигуры сильно геометризваны, морды прямоугольные, уши в виде двух прямых черточек, рога гребенчатые, туловища покрыты насечками, рисунки были затерты белой пастой. Под ногами оленей располагаются равнобедренные треугольники, обращенные вершинами то вверх, то вниз и заполненные насечками (рис. 5, 6, 7). Возможно, что они изображают горы. Форма сосуда типична для северокавказских памятников VII—VI вв. до н. э. Олени на этом сосуде по манере изображения сильно отличаются от предыдущих и вряд ли могут быть без натяжки отнесены к «скифским оленям». Их геометризванные туловища, головы, шеи, уши и ноги очень похожи на те же детали рисунка лошади на сосуде из Кисловодского могильника (рис. 5, 5)²⁹. Вообще изображения животных для каменномоетской керамики мало характерны. Северокавказским оленям на сосудах скифской эпохи есть и иранская параллель — гравированное изображение двух оленей, идущих против часовой стрелки, на происходящем из Амлаша (Северный Иран) темно-сером трипode с носиком, высоким узким горлом и ручкой (рис. 5, 3)³⁰. Высота сосуда 18,5 см, диаметр горла 5 см. Олень изображен идущим, тело его заштриховано косыми полосами, шея вытянута вперед, рога гребенчатые, в виде тонкой ветви с отходящими вверх отростками (рис. 5, 4). На другой стороне сосуда — такой же олень. Сосуд найден случайно. Л. Ванден-Берге датирует его 1000—800 гг. до н. э. Сосуды с носиками подобной формы (но без такого узкого высокого горла), как и триподы, характерны для эпохи Гасанлу IV в Северном Иране (1000—800 гг. до н. э.)³¹. Эту дату, по-видимому, можно еще несколько уточнить: сосуд с таким же носиком, как у амлашского, найден в могиле 8 могильника Хурвин (Северный Иран) вместе с сосудом с длинным носиком-сливом, типичным для Сиалка B³², что позволяет синхронизировать рассматриваемый сосуд из Амлаша как с Гасанлу IV, так и с Сиалком B, и датировать его временем около VIII в. до н. э., так как, по данным Р. Дайсона, Сиалк B синхронен концу периода Гасанлу IV³³.

Таким образом, и северокавказские олени на сосудах находят иранский прототип, относящийся к предскифской эпохе. Причем по манере изображения олень с амлашского сосуда — как бы промежуточный между ставропольскими и нальчикскими оленями, с одной стороны, и отраднен-

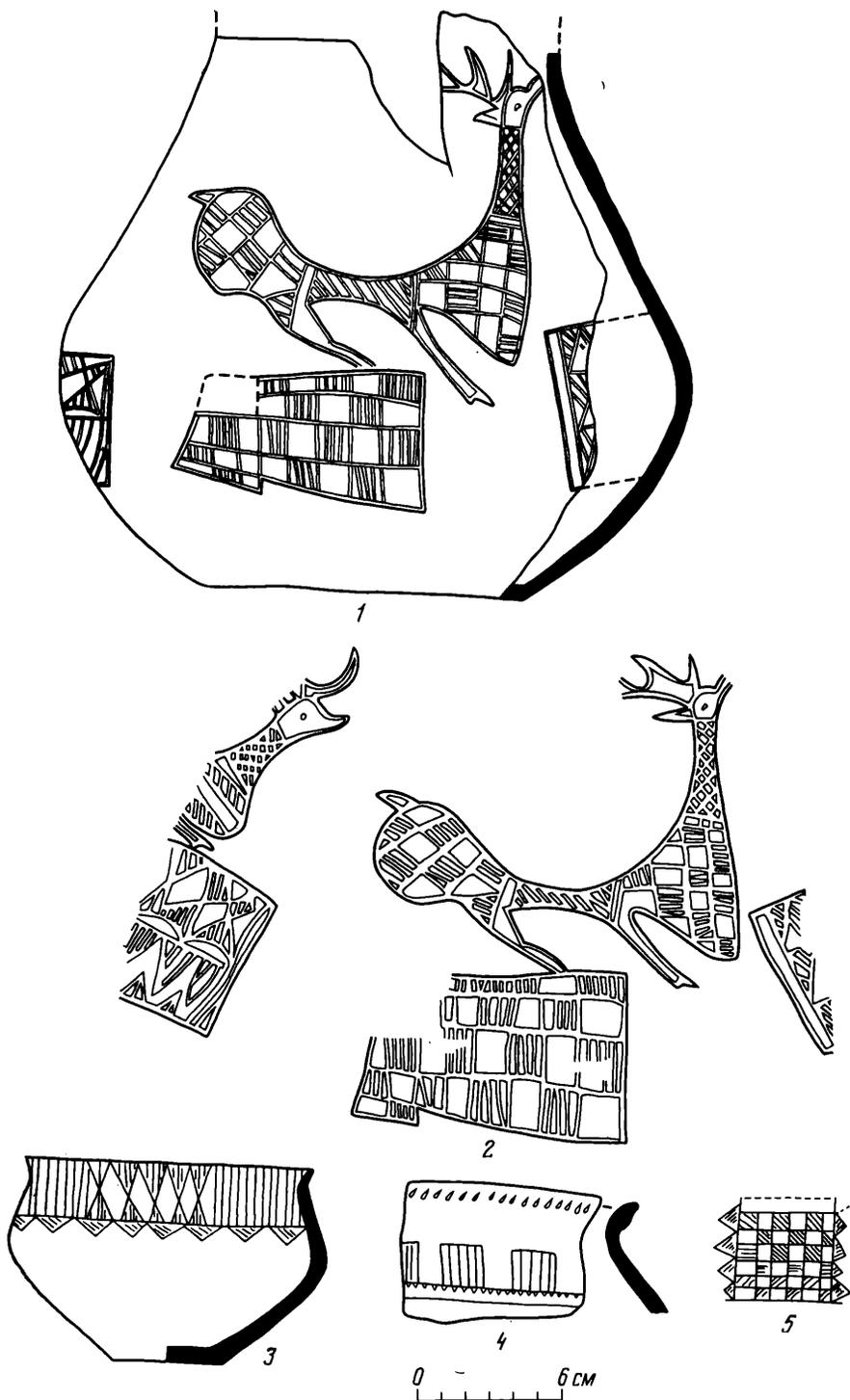

Рис. 4. Сосуд с оленями из Моздокского могильника и аналогии ему

1, 2 — сосуд из Моздокского могильника и развертка изображений на нем (Пят. М); 3 — Каменноостровский могильник (Кабарда), погребение 8, раскопки В. М. Батчаева 1971 г., КБИИФЭ; 4 — поселение Ясная Поляна близ Пятигорска, сборы А. П. Рунича, Кисл. М; 5 — фрагмент орнамента сосуда из Березовского могильника I, могила 3, раскопки А. П. Рунича 1965 г.

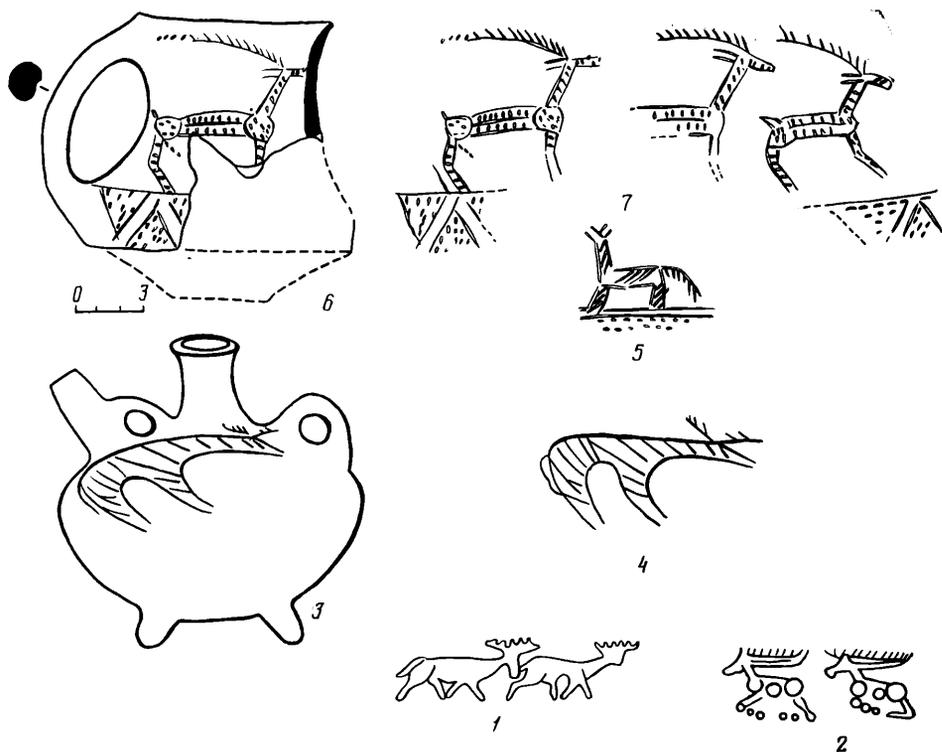

Рис. 5. Фигуры оленей на сосуде из Отрадненского могильника, аналогии и прототипы

1, 2 — печати Керкук (по: W. H. Ward); 3, 4 — сосуд из Амлаша и рисунок на нем (по: L. Vanden-Berghe); 5 — рисунок на сосуде из Кисловодского могильника (по Е. И. Крупнову); 6, 7 — сосуд из Отрадненского могильника и развертка изображений на нем (Пят. М)

ским оленем — с другой: у оленя из Амлаша контуры тела криволинейные, а рога гребенчатые, как у оленя из Отрадного (рис. 5, 4). Конечно, гребенчатые рога — самый простой вариант стилизации, и в разных местах он мог возникать конвергентно. Все же можно вспомнить, что гребенчатые рога встречались уже на печатях Керкук у оленей с подогнутыми ногами и стоящих (рис. 5, 1, 2), так что и этот вариант рогов имеет прототипы на Ближнем Востоке³⁴. У «скифских оленей» в период их возникновения (VII—VI вв. до н. э.) этот тип рогов не получил распространения, но позднее, в V—IV вв. до н. э., он появляется как упрощение более сложной формы.

Итак, в Иране известно уже пять изображений оленей, близких к «скифскому оленю», и три из них (на луристанских кинжалах и на сосуде из Амлаша), несомненно, старше «скифских» и являются их прототипами. Очень вероятно, что прототипами «скифских» послужили и олени на поясе из Зивие. Все они в свою очередь имеют прототипы в еще более ранних ближневосточных изображениях (преимущественно ланей), восходящих к III и II тысячелетиям до н. э. На территории Ирана изображали и ланей, и благородных оленей, которые водятся в Северном Иране. Именно эти прототипы проникают к скифам как один из мотивов звериного стиля.

Изображения «скифских оленей», неразрывно связанные со скифской культурой, а вероятнее всего, и этнической средой, являются как бы эмблемой скифо-сакской эпохи³⁵. В. И. Абаев имя «сак» переводил как «олень», указывая, что это животное первоначально было тотемом скифов³⁶. Имеется много данных о значении оленя в верованиях осетин³⁷. Будучи первоначально тотемом скифского племени, к VII—VI вв. до н. э. олень мог стать уже каким-то межплеменным божеством. Возникает вопрос: был ли олень чем-то подобным в Иране в конце II — начале I ты-

сячелетия до н. э., т. е. в эпоху, к которой относятся рассмотренные здесь изображения из Ирана? Думается, что на этот вопрос следует ответить отрицательно. Как ни плохо изучена эта эпоха в Иране, можно судить о том, что изображения оленей здесь редки и ничем не выделяются из числа других изображений животных, как и в более ранние эпохи на Ближнем Востоке. Остается в силе наше предположение, высказанное в 1962 г.: из числа многих изображений животных на Ближнем Востоке скифы выбрали те, что были им особенно нужны, так как отвечали их религиозным воззрениям³⁸, и прежде всего оленя. Уже в евразийских степях и предгорьях (в том числе и в Предкавказье) скифы выработали многочисленные и довольно разнообразные варианты изображения оленя, что хорошо демонстрируют бляхи-олени и особенно рисунки оленей на сосудах.

Следует обратить внимание на то, что четыре из пяти рассмотренных здесь иранских изображений оленя происходят из Западного Ирана — Луристана и Курдистана. Находки в Луристане и Курдистане могут прояснить многое в проблеме происхождения скифов.

- ¹ Членова Н. Л. Скифский олень. — МИА, 1962, 115; Она же. Об оленных камнях Монголии и Сибири. — В кн.: Монгольский археологический сборник. М., 1962; Она же. Новые находки «скифских оленей» в Азии. — Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1972; Le cerf Scythe. — Art As, 1962, XXVI, 1.
- ² Членова Н. Л. Скифский олень, с. 190, 194; Amandry P. Un motif «scythe» en Iran et en Grèce. — JNES, 1965, XXIV, 3, p. 159, n. 47.
- ³ Brentjes B. Cervinae. — MAGW, 1962, XCII, S. 36—38.
- ⁴ Erlenmeyer M.-L., Erlenmeyer H. Cerviden-Darstellungen auf altorientalischen und ägäischen Siegeln. — Orientalia, 1956, 25, 2, S. 149—153; 1957, 26, 4, S. 321—339.
- ⁵ Brentjes B. Cervinae. S. 38; Флеров К. К. Кабарги и олени. — В кн.: Фауна СССР. М., 1952, 1, 2, с. 151.
- ⁶ Godard A. Bronzes du Luristan. — In: Athâr-e Iran. Paris, 1938, III, II, p. 237, 238, fig. 151.
- ⁷ Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. Л., 1977, с. 26.
- ⁸ Барчаев В. М. Клад из селения Баллым. — В кн.: Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980, 1, табл. III, 1, 2.
- ⁹ Благодарю В. И. Абаева, указавшего мне на это обстоятельство.
- ¹⁰ Godard A. Le trésor de Ziwiye (Kourdistan). Haarlem, 1950, p. 12; Ghirshman R. Notes iraniennes. IV. Le trésor de Sakkas, les origines de l'art Mede et les bronzes du Luristan. — Art AS, 1950, XIII, N 3/4, p. 197—198; Пиотровский Б. Б. Скифы и Древний Восток. — СА, 1954, XIX, с. 156; Barnett R. D. The Treasure of Ziwiye. — Iraq, 1956, XVIII, 2, p. 111—116; Idem. Median Art. — IA, 1962, II, 1, p. 77—95; Kantor H. A fragment of Gold Applique from Ziwiye and some Remarks of the Artistic Traditions of Armenia and Iran during the Early First Millenium B. C. — JNES, 1960, XIX, 1, p. 1—4; Wilkinson Ch. K. More details in Ziwiye. — Iraq, 1960, XXII, p. 213—220; Dyson R. Archaeological Scrap. Glimpses of History at Ziwiye. — Expedition, 1963, 5, N 3.
- ¹¹ Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана, с. 24, 25.
- ¹² Amandry P. Un motif..., p. 159.
- ¹³ Godard A. L'art de l'Iran. Paris, 1962, pl. 11.
- ¹⁴ Fetichev N. Der Scythische Fund von Gartschinovo. — AN, 1934, XV, Taf. III, 1.
- ¹⁵ Криворуково близ с. Журовка б. Киевской губ., курган CD (ИАК, 1905, 14, с. 9, рис. 10).
- ¹⁶ ОАК за 1903 г.; Коровина А. К. К вопросу об изучении Семибратних курганов. — СА, 1957, 2, рис. 7, 3, 4; Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Ленинград, Прага, 1966, рис. 57, 63; табл. 107; 113; 128; 130. Всего из Прикубанья известно 29 «скифских оленей» с таким расположением рогов, что составляет 16,1% от всех «скифских оленей» из Прикубанья (вычислено по данным Е. В. Переводчиковой, которой привошу глубокую благодарность). Кобанские олени с рогами по обе стороны головы также многочисленны (Кобань, Лизгор; см.: МАК, 1900, VIII, табл. X, 3, 4; Алексеева Е. П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. — УЗ ЛГУ, сер. ист. наук, 1949, 85, 13, табл. VII, 4). Сходны с ними изображения оленей в прямоугольных рамках, относящиеся к эллинистическому времени, из Осетии и Грузии (МАК, 1900, VIII, с. 306, рис. 237, табл. CXXXIV, 4; Сланов А. Х. Археологические находки из с. Кливана. — ИЮНИИ, 1978, XXIII, рис. 1; 2, с. 11).
- ¹⁷ Calmeyer P. Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah. Berlin, 1969, Abb. 128.
- ¹⁸ Ibid., S. 125, Abb. 127.
- ¹⁹ Ibid., S. 124, 125; Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977, с. 53, 54.
- ²⁰ Schefold K. Der skythische Tierstil in Südrussland. — ESA, 1938, XII, S. 16;

- Коровина А. К. К вопросу об изучении..., с. 186.
- ²¹ Алексеева Е. П. Позднекобанская культура..., с. 196.
- ²² МАК, 1900, VIII, табл. XIX, 1, 2; Мнацаканян А. О. Находки предметов бронзового века в селении Толорс (в Зангезуре) Армянской ССР.—КСИИМК, 1954, 54, рис. 42; Есаян С. А. Скульптура древней Армении. Ереван, 1980, табл. 28, 2; 29, 29а, с. 24, 25.
- ²³ Ward W. H. The Seal Cylinders of Western Asia. Washington, 1910, p. 332, N 1084; Frankfort H. Cylinder Seals. London, 1939, p. 276, text. fig. 90; Contenau G. La glyptique Syro-Hittite. Paris, 1922, pl. XXVIII, 290.
- ²⁴ Wooley L. Ur Excavations. London, 1934. V. II. Plates, pl. 140, 141.
- ²⁵ Иессен А. А. Северокавказские сосуды с изображением оленя.—СГАИМК, 1931, 2; Пиотровский Б. Б., Иессен А. А. Моздокский могильник. Л., 1940, с. 34, рис. 9; с. 36, рис. 10; табл. XII, 1; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 264; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 11.
- ²⁶ Иессен А. А. Северокавказские сосуды..., с. 17.
- ²⁷ Например, могильник Березовка I, могила 3, раскопки А. П. Рунича 1965 г. (Кисл. М, инв. № 9); поселение Ясная Поляна, сборы А. П. Рунича (Кисл. М), Каменноостровский могильник, погребение 8, раскопки В. М. Батчаева 1971 г. (КБИИФЭ, Нальчик) и др.
- ²⁸ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 336, рис. 20, 1; с. 171.
- ²⁹ Крупнов Е. И. Древняя история..., с. 194, рис. 30.
- ³⁰ Vanden-Berghe L. Oud-Iraanse Kunst. Gent; Brussel, 1966, fig. 247.
- ³¹ Dyson R. Notes on Weapons and Chronology in Northern Iran around 1000 B. C.—In: Dark Ages and Nomads. Istanbul, 1964, text. fig. 4, 2, 8; *Idem*. Problems of Protohistoric Iran as seen from Hasanlu.—JNES, 1965, XXIV, 3, p. 198, 200—203.
- ³² Vanden-Berghe L. La nécropole de Khurvin. Istanbul, 1964, p. 8, fig. 5, 8.
- ³³ Dyson R. Problems..., p. 200, 201. P. M. Бёмер также датирует Сялк В IX—VII вв. до н. э. (Boehmer R. Zur Datierung der Necropole B von Tepe Sialk.—Arch. Anz., 1966, 4. Однако Т. Янг датирует Сялк В 1000/900—750—700 гг. до н. э. (Young T. C. A Comparative Ceramic Chronology for Western Iran, 1500—500 B. C.—Iran, 1965, III, p. 82).
- ³⁴ Ward W. H. The Seal Cylinders..., p. 322, N 1084, 484.
- ³⁵ Членова Н. Л. Скифский олень, с. 194, 195.
- ³⁶ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949, I, с. 37, 198. Существуют и другие этимологии имени «сак»: «собака» (Van Windekens A. J. Les noms des Saces et des Scythes.—In: Beiträge zur Namenforschung, 1949, I, p. 98—102); бегущий, т. е. «кочевой», «странствующий» (Szemerényi O. Iranica.—ZDMG, 1951, 101, NF, 26, S. 211, 212); «могущественный», «искусный» (Bailey H. W. Languages of the Saka.—In: Handbuch der Orientalistik, I, 4, 1. Linguistik. Köln, 1958, p. 133). Этимология В. И. Абаева, подкрепленная фольклорными и археологическими данными, представляется мне наиболее убедительной.
- ³⁷ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1979, III, с. 11, 14.
- ³⁸ Членова Н. Л. Скифский олень, с. 192, 193.

Т. М. КУЗНЕЦОВА

АНАХАРСИС И СКИЛ

Генеалогия скифских царей и их судьбы неоднократно привлекали внимание исследователей¹. Отсутствие точных данных в источниках позволило ученым предположить возможность перерывов в главной скифской династии между Иданфирсом и Ариапифом и между Октама-садом и Атеем.

Б. Н. Граков, рассматривая бляшки с изображением Геракла, получившие распространение в Скифии с IV в. до н. э., полагал, что их появление связано или с началом правления в это время новой ветви царствующей династии, или с узурпацией власти Атеем, что и заставило последнего воспользоваться символическим для скифских царей, производивших себя от Зевса через Таргитая—Геракла, изображением «для установления фиктивной общей генеалогии с прежней династией»². Появление антропоморфных изображений скифских божеств несомненно свидетельствует о новом уровне религиозных представлений, возможно, обусловленных новыми социальными порядками, но эти изменения совсем не обязательно связывать с узурпацией власти или сменой династии.

Предположение о перерыве в родословной скифских царей привело исследователей к попытке заполнить этот «пробел» скифской истории тем или иным персонажем. В связи с преданием Геродота о царе Арианте Б. Н. Граков, за отсутствием точных указаний «отца истории», допускал «возможный промежуток» между временем правления царей Иданфирса и Ариапифа, в который можно было бы поместить Арианта, но не настаивал на этом³.

Ю. Г. Виноградов, исследовав греческие надписи на так называемом перстне царя Скила, ввел в научный оборот имя еще одного лица, владевшего перстнем до Скила, — Аргота. Интерпретируя сюжет на щитке этого перстня как сцену инвеституры и определяя сам предмет как символ царской власти, исследователь выдвинул гипотезу, по которой Аргот был скифским царем, предком Скила, родоначальником новой династии, пришедшим к власти после Иданфирса. По мнению автора, Аргот «великолепно укладывается в предполагаемую лакуну» в династийной скифской генеалогии, охватывающую условно 510—490 гг. до н. э. Эта лакуна образуется, как считает Ю. Г. Виноградов, в результате исчезновения из поля зрения источников Иданфирса — верховного владыки и главнокомандующего скифов, если тот не был долгожителем⁴.

Однако отсутствие сведений в источниках об Иданфирсе после войны с Дарием не может рассматриваться как свидетельство смерти победителя персов, хотя бы потому, что имени царя, правившего в Скифии во время пребывания там Геродота, последний нигде не упоминает. Нет необходимости предполагать и долгожительство царя Иданфирса. Ведь Дарий, например, имевший тот же сан и воинское звание, пришел завоевывать Скифию в возрасте 31—38 лет⁵. Умер же он в 486 г. до н. э. (т. е. после предполагаемой «лакуны») в возрасте около 63 лет.

Неполнота данных источников по поводу родственных отношений между теми или иными царями может быть связана с отсутствием в это время каких-либо значительных событий. Смена династий или узурпация власти находили, как правило, отражение в произведениях древних авторов (*Herod.*, I, 8—12; II, 162—172; III, 63—68). Я думаю, что лакуна в книге Геродота между Иданфирсом и Ариапифом объясняется, во-первых, отсутствием у автора интереса непосредственно к генеалогическому древу скифских царей, так как подробно в «Истории» описывается только то, что связано с персами, в данном случае с Дарием⁶, благодаря походу которого мы и узнаем о скифах, и, во-вторых, определенной тенденциозностью данных, предложенных Геродоту информаторами. Смена династий, если таковая имела место, не могла остаться вне внимания историка, который не только пользовался сведениями Тимна — приближенного царя Ариапифа⁷, но и обращался непосредственно к скифам (*Herod.*, IV, 76).

Однако в связи с Анахарсисом и Скилом в труде Геродота имеется достаточно сведений о политических событиях в Скифии, на которых я и хочу остановиться. Геродотом этот материал представлен следующим образом: «...Анахарсис, обзрев много стран, стяжал себе славу великого мудреца, на возвратном пути в родную Скифию, проезжая через Геллеспонт, пристал в Кизикие; застав кизикийцев совершающими с большой торжественностью праздник в честь Матери Богов, он дал обет..., если возвратится на родину здоровым и невредимым, совершить ей жертвоприношение таким же образом, какой он видел у кизикийцев, и установить всенощное празднество. По возвращении в Скифию он отправился в так называемую Гилею... и совершил в честь богини полное празднество с тимпаном в руках и увешанный изображениями богини. Кто-то из скифов, подметив действия Анахарсиса, донес об этом царю Савлию; последний, прибыв туда лично и увидев, что Анахарсис совершает это празднество, убил его стрелой из лука» (*Herod.*, IV, 76). «...Я слышал еще другой рассказ, сообщаемый пелопоннесцами, именно, что Анахарсис был отправлен в Элладу скифским царем и учился там...» (*Herod.*, IV, 77). «... Так погиб Анахарсис за сочувствие иноземным обычаям и за сно-

шение с эллинами. Много лет спустя подобная же участь постигла Скила... У скифского царя Ариапифа, кроме других детей, был сын Скил; он родился от жены истриянки... мать научила его эллинскому языку и грамоте... Скил [после гибели отца] получил царскую власть и одну из жен отца, по имени Опию; она была скифянка, и от нее у Ариапифа был сын Орик. Царствуя над скифами, Скил вовсе не любил скифского образа жизни, так как, вследствие полученного им воспитания питал гораздо больше склонности к эллинским обычаям, а потому поступал следующим образом: когда ему случалось приходиться с большою свитою скифов в город борисфенитов, ...он оставлял свиту перед городскими воротами, а сам входил в город, приказывал запираť ворота, затем снимал с себя скифское платье и надевал эллинское; в этом платье он ходил по площади, не сопровождаемый ни телохранителями, ни кем-либо другим (а ворота охраняла стража, чтобы кто-либо из скифов не увидел его в такой одежде), во всем жил по-эллиниски и приносил жертвы богам по эллинскому обычаю. Пробыв в городе месяц или более, он снова надевал скифское платье и удалялся. Такие посещения повторялись часто...» (*Herod.*, IV, 78). «... Он возымел сильное желание быть посвященным в таинства Диониса-Вакха... Когда Скил был посвящен в таинства, ...один из борисфенитов с насмешкою сказал скифам: „Вы, скифы, смеетесь над нами, что мы устраиваем вакхические празднества и что в нас вселяется бог, а вот теперь этот бог вселился в вашего царя..., если вы мне не верите, то следуйте за мной и я покажу вам“». Начальники скифские последовали за борисфенитом, который тайком провел их на башню и посадил там. Когда показался Скил с процессией и скифы увидели его в вакхическом иступлении, они пришли в сильное негодование и, сойдя с башни, рассказали всему войску виденное ими» (*Herod.*, IV, 79). «Когда после этого Скил возвратился домой, скифы взбунтовались против него, поставив царем его брата Октамасада, сына дочери Терая. Скил, узнав о восстании против него и о причине, вследствие которой оно произошло, спасается бегством во Фракию. Октамасад... выступил походом на фракийцев. На Истре его встретили фракийцы. Перед самым началом битвы Ситалк послал к Октамасаду глашатая со следующим предложением: „... Ты сын моей сестры, и в руках у тебя мой брат: выдай мне его, а я передам тебе твоего Скила; а подвергать опасности войска не следует ни мне ни тебе“, ... у Октамасада... скрывался брат Ситалка, бежавший от него. Октамасад..., выдав Ситалку своего дядю по матери, получил брата Скила. Ситалк, взяв брата, удалился, а Октамасад тут же велел отрубить голову Скилу. Так оберегают скифы свои обычаи и так сурово карают тех, кто заимствует чужие» (*Herod.*, IV, 80).

Рассмотрим подробно обе эти истории.

Анахарсис. Скифский царь, возможно, отец Анахарсиса — Гнур⁸, отправил сына учиться знаниям у эллинов, и около 594 г. до н. э. тот побывал в Афинах (*Diog. Laert.*, I, 8, 101, 102). Странствовал Анахарсис, видимо, очень долго⁹ и возвратился на родину уже «мудрецом», каковым и представляет его Эфор (*Strabo.*, VII, 3, 9). Из Малой Азии через Кизик Анахарсис прибывает на родину¹⁰.

Из-за длительного отсутствия царевича скифы о нем к этому времени, возможно, уже забыли, так как к началу путешествия Анахарсис не был для них фигурой необычной, тем «мудрецом Анахарсисом», который позднее стал известен грекам.

В отсутствие Анахарсиса власть перешла к его брату Савлию, который был, видимо, мало заинтересован в возвращении царевича¹¹. Немедленное убийство Анахарсиса братом, связанное с отправлением культа Матери Богов (Кибелы), который не был чисто греческим культом¹², подтверждает подобное предположение.

Возвращение и печальный конец Анахарсиса, уже забытого скифами, также не стали им известны (поэтому естественно, что во время посещения Скифии Геродотом Анахарсиса никто не помнил), а остались

среди тайн царствующего дома до тех пор, пока эта история не понадобилась Октамасаду.

Скил. Сын царя Ариапифа Скил после гибели отца наследует не только трон, но и одну из его жен — скифянку Опию с сыном Ориком, сводным братом Скила, который, таким образом, становится пасынком последнего и потенциальным наследником, если у царя такого в силу каких-либо обстоятельств не будет¹³. Однако скифы, спокойно относившиеся какое-то время к тому, что их царь приносит жертвоприношения по греческому обряду и не интересовавшиеся, чем же занимается он, длительное время находясь в Ольвии, вдруг, по наущению какого-то неизвестного борисфенита, загораются желанием это узнать. Скифские военачальники в сопровождении того же неизвестного тайно залезают на ольвийскую башню, с высоты которой им показывают Скила. И тут возникает вопрос: что же могли увидеть с городской башни скифы? Толпу вакхантов — несомненно¹⁴. Но как они разглядели среди этой толпы своего царя — неясно, ведь Скил при каждом посещении Ольвии переодевался в греческие одежды, и так как никто из сопровождающих скифов с ним в Ольвию не проникал, то, конечно, никто из них и не знал, как выглядит царь в греческом одеянии. Более того, посвящение в таинства Диониса требовало обязательного переодевания мужчин в женские одежды и гримирования¹⁵. Но как бы там ни было, а скифам показали царя — они его увидели или поверили, что им показали именно Скила¹⁶. И что же происходит дальше? Возмущенное войско (или свита) продолжает ждать возвращения царя из Ольвии, а дождавшись, спокойно сопровождает его домой. Скил, только прибыв на место, узнает о недовольстве свиты и о причинах «восстания». Это значит, что сопровождавшие его скифы на обратном пути своей враждебности не выказывали и никаких попыток устранить «порочного» царя не предпринимали. Только уже вернувшись, скифы вдруг поднимаются против царя-богоотступника в пользу его сводного брата — полуфракийца, забыв, что имеется законный наследник, к тому же скиф (Орик). Возникает вопрос: куда исчезает та религиозность скифов, о которой столько раз говорит Геродот? Почему в этом случае скифы, столь ярые поборники своей религии, провозглашают новым царем сына фракийской царевны? Почему они меняют одного почитателя Диониса на другого?

Мое предположение, что Октамасад мог быть связан с культом Диониса, не случайно. Из рассказа Геродота о Скиле мы знаем о той роли, которую играла мать в воспитании своего царственного потомка: мать-эллинка и сына воспитала в духе своих религиозных традиций. Вряд ли фракийка — мать Октасамада, дочь фракийского царя — воспитывала своего сына по чуждым ей обычаям. А для Фракии того времени характерно распространение культа Диониса, атрибуты которого чеканились и на монетах фракийских царей¹⁷. Трудно представить, что дочь Терей была далека от поклонения этому божеству и не привила сыну определенного отношения к верованиям своей родины. И все же Октамасад пришел к власти.

Я прекрасно понимаю условность предлагаемой интерпретации событий, изложенных Геродотом, однако обе эти истории, связанные между собой контекстом повествования, выявляют целый ряд общих черт, которые и привели меня к изложенным выше соображениям. Обе истории имеют, во-первых, четыре действующих лица — два брата (царь и претендент), неизвестное лицо (скиф или борисфенит), скифы; во-вторых, факт братоубийства; в-третьих, общий предлог для убийства — богоотступничество; в-четвертых, в обоих случаях проявляется пассивность скифов — ярых поборников своей религии (в одном случае — ничего не помнят, в другом — ничего не предпринимают), наконец, в-пятых, четкая антиэллинская тенденция, подчеркивающаяся неоднократным повторением постулата о скифской религиозной чистоте.

Из текста ясно, что истории эти (за исключением сведений пелопоннессцев) были рассказаны Геродоту одновременно и не являются, как

предполагалось, иллюстрацией отрицательного отношения скифов к эллинской религии¹⁸, а несут определенную тенденциозную информацию, которую Геродот и передал так, как ему ее преподнесли. Сведения греков и некоторые неточности заставили автора «Истории» сделать попытку разобраться в них, но он оставил это (*Herod.*, IV, 77), так как выяснение деталей, видимо, разрушало «существовавшее в Греции уже в V в. до н. э. представление о варварах как о людях более справедливого образа жизни, нежели греки, испорченные богатством и цивилизацией»¹⁹. Определенная тенденциозность и некоторая завуалированность событий связаны, видимо, с тем, что о них рассказывалось во время правления Октамасада, который занял престол не в результате «восстания», а вероятно, после «дворцового переворота», использовав для этой цели тот же религиозный предлог для устранения соперника, что и его дальний родственник Савлий.

Таким образом, не неизвестного царя, а Октамасада можно определить как царя-узурпатора, поскольку перед нами явный факт захвата власти, представленный Геродоту в виде подробной «истории со Скилом», усиленной сведениями об Анахарсисе в ключе, удобном для оправдания незаконного воцарения Октамасада.

Устранение Скила, поддержанное царским окружением²⁰, связано, вероятно, с изменением курса внешней политики скифов²¹. Низложение проэллинически настроенного царя открывало скифским владыкам дорогу к Ольвии. Историю Скила, дошедшую до Геродота в виде хитросплетенного рассказа, так же как и причины, породившие описанные в ней события, должны были хорошо знать жители Ольвии и ее округи. Свержение Скила, продемонстрировавшее изменение политической ориентации скифских царей, возможно, и заставило население Ольвийской хоры покинуть свои незащищенные поселения²².

Захват власти Октамасадом, связанным родственными отношениями с фракийской царствующей династией, и присутствие в его лагере бежавшего из Фракии дяди делали нового скифского царя опасным и для фракийцев²³. Это следует из того, что Ситалк выступил на защиту Скила, к судьбе которого он был безразличен, как и обнаружилось впоследствии. Родственные притязания Октамасада могли явиться *одной* из причин, определивших дальнейшее распространение скифской экспансии на запад, отмеченное и для начала V в. до н. э.²⁴ Деятельность Атея — «продолжателя политики своих предшественников»²⁵, в результате которой была покорена часть фракийцев, может косвенно свидетельствовать о том, что он являлся продолжателем и основной скифской династии, потомком Октамасада, имевшим основание для захвата фракийских земель, обусловленное боковым родством (через дочь Терей) с фракийским царствующим домом.

Таким образом, история Анахарсиса и Скила, рассмотренная, как в свое время советовал В. В. Латышев, «с максимальным доверием и вниманием» к сообщениям Геродота²⁶, позволила выявить «достаточно простой смысл» отраженных в ней событий, объясняющихся борьбой за власть. В исследованном материале, а не в молчании источников нашли отражение моменты смены власти даже внутри одной царствующей семьи²⁷. Предлагаемая интерпретация данных Геродота позволяет (с учетом условности имеющихся датировок) объяснить некоторые события, связывающие скифов и их соседей.

¹ Смолин В. Ф. Главная династия скифских царей по Геродоту. — Гермес, 1915, 17; Граков Б. Н. Скифский Геракл. — КСИИМК, 1950, XXXIV; Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э. М., 1959; Шелов Д. Б. Царь Атей. — В кн.: Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965, 2; Куклина И. В. Анахарсис. — ВДИ, 1971, 3; Фол А. *Thraco-Scythica*:

проблемы письменных источников о V в. до н. э. — В кн.: *Studia Thracica*. София, 1975, I.

² Граков Б. Н. Скифский Геракл, с. 12.

³ Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте. — В кн.: *История, археология и этнография Средней Азии*. М., 1962, с. 102.

⁴ Виноградов Ю. Г. Перстень царя Ски-

ла.— СА, 1980, 3, с. 103—105.

- ⁵ Возраст Дария варьируется в данном случае из-за различий в датировках самого похода, которые предлагают различные авторы. См.: *Лагышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1947, 2, с. 257; *Струве В. В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, с. 102; *Виноградов Ю. Г.* Перстень царя Скила, с. 104, 105 и др.
- ⁶ В связи с Дарием экскурсу в глубь скифской генеалогии, представляющийся, по мнению Ю. Г. Виноградова (Перстень царя Скила, с. 106), бесполезным для задачи Геродота, имеет определенный смысл. «Отец истории» стремился, видимо, показать, что «Великий перс» проиграл войну не менее родовитому скифу, происходящему из древней династии. Подтверждает это и текст Геродота (IV, 76): «Анахарсис был дядей по отцу скифского царя Иданфирса, сыном Гнура, внуком Лика и правнуком Спарагапифа». Спрашивается, зачем здесь упоминать об Иданфирсе, племяннике Анахарсиса, если в принадлежности последнего к этой династии и сам автор сомневается. Для того чтобы перейти к Савлию, убийце Анахарсиса, можно было не делать такого длинного отступления, а сразу сказать, что Савлий был братом Анахарсиса. Однако далее Геродот пишет: «Иданфирс был сыном Савлия». Таким образом, в этом рассказе дважды акцентируется, что Иданфирс — прямой потомок старинного царского рода.
- ⁷ В свете интерпретации, предложенной Ю. Г. Виноградовым, остаются неясными два момента: 1) почему Тимн — информатор Геродота, имеющий непосредственное отношение к «новой династии», так как он был приближенным царя Ариапифа — отца Скила, ничего не говорит о ее родоначальнике, а так подробно излагает генеалогию «старой»; 2) в связи с чем символ царской власти — перстень (каковым его считает Ю. Г. Виноградов) переходит от Аргота, если тот и был основателем «новой династии», минуя Ариапифа, к Скилу, — ведь наследовал последний своему отцу.
- ⁸ По реконструкции В. Ф. Смолина (Главная династия..., с. 394) на это время приходится последние годы правления царя Лика. Оспаривать это предположение оснований пока нет. В данном случае не столь существенно. Лик или Гнур отправили путешествовать Анахарсиса. Важно, что это был не Савлий. На это указывает и противоречие в рассказе Геродота, которое иначе объяснить трудно: «скифский царь отправил Анахарсиса в ученье к эллинам» (*Herod.*, IV, 77), и далее: «так несчастливо окончил свою жизнь этот человек за то, что ... общался с эллинами» (*Herod.*, IV, 78).
- ⁹ Длительные путешествия были обычны для того времени. Так, Солон путешествовал около 10 лет (*Herod.* I, 29). Из сообщения Диодора Сицилийского

(*Diod.*, X, 26, 2) о посещении Креза четырьмя мудрецами — Анахарсисом, Биантом, Солоном и Питтаком, можно определенно выявить только факт пребывания Анахарсиса у Креза. На то что Биант (возможно, Питтак) и Солон посетили лидийского правителя, указывает Геродот (*Herod.*, I, 27, 29—34). «Отец истории» не связывает эти посещения друг с другом, однако отмечает, что в Сарды во время правления Креза стали стекаться все мудрецы Эллады (*Herod.*, I, 29). Несоответствие этих посещений по времени правлению Креза, позднейшее объединение Диодором всех визитов и появление Анахарсиса среди гостей Креза свидетельствуют, что события, значительно отстоящие по времени и от Геродота, и от Диодора, дошли до них в несколько искаженном виде, но не дают повода утверждать, что не происходили совсем. Между годом пребывания Анахарсиса в Афинах (ок. 594 г. до н. э.) и началом царствования Креза (560 г. до н. э.) прошло около 34 лет. Привлечение первого года правления Креза в качестве даты присутствия Анахарсиса в Сардах не противоречит логике, так как скифский царевич не мог посетить лидийского царя (а речь идет уже о царе) раньше начала царствования последнего (позже, конечно, мог). Условность дат не позволяет утверждать, что странствования Анахарсиса длились именно столько времени, но изложенные данные свидетельствуют, что путешествие «мудрого скифа» было достаточно продолжительным.

- ¹⁰ Исходя из датировки похода Дария в Скифию, исследователи пришли к выводу, что Анахарсис погиб во второй половине VI в. до н. э. Предложенные построения не противоречат этой дате.
- ¹¹ На возможность соперничества указывают слова Анахарсиса, приведенные в источнике: «скопчался, сказав, что благодаря своему разуму он не вредимо возвратился из Эллады, а вследствие зависти погиб в родной земле» (*Diog. Laert.*, I, 8, 102).
- ¹² *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975, с. 176.
- ¹³ О левирате см.: *Хазанов А. М.* Социальная история скифов, с. 82.
- ¹⁴ Непонятно в связи с этим, почему скифов должен был возмутить вид опьяненного царя (ведь тайнства им раскрыты не были), если о самих скифах греки говорили следующее: «Не будем больше с таким шумом и криком подражать попойке скифской» (*Анакреонт*, фр. 1; см.: *Лагышев В. В.* Известия..., с. 298).
- ¹⁵ *Иванов В.* Религия Диониса.— Вопросы жизни. 1905, июнь, с. 190, 191, 198.
- ¹⁶ Скорее всего цель спровоцированной вылазки на ольвийские стены заключалась в том, чтобы скифские предводители увидели того, кого им покажут, и, когда нужно будет, подтвердить, что видели Скила среди вакхантов. Так, видимо, и произошло по возвращении Скила.

- ¹⁷ *Златковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев. М., 1971, с. 44, 132; *Она же.* Ранние монеты южно-фракийских племен (к вопросу о происхождении культа Диониса). — НЭ, 1968, VII, с. 3—22.
- ¹⁸ *Куклина И. В.* Анахарсис, с. 115; Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981, с. 188.
- ¹⁹ *Латышев В. В.* Известия..., с. 249.
- ²⁰ *Хазанов А. М.* Социальная история скифов, с. 237.
- ²¹ *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 45.
- ²² В. В. Доманский констатирует резкое изменение в жизни ольвийской хоры на рубеже первой и второй четвертей V в. до н. э. — одновременное запустение многих земледельческих поселений (*Доманский В. В.* Ольвия и варвары в V в. до н. э. — В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981, с. 159, 160).
- ²³ Из указаний Геродота известно, что Скил бежал во Фракию и укрылся у Ситалка. Брат Ситалка до этого бежал к Октамасаду. Подобная ситуация заставляет предположить, что между Ситалком и Октамасадом к этому времени складываются до определенной степени враждебные отношения.
- ²⁴ Причины дальнейшей (после похода во Фракию в 493 г. до н. э.) экспансии скифов в западном направлении пока неизвестны. См. об этом: *Шелов Д. Б.* Царь Атей, с. 28.
- ²⁵ *Хазанов А. М.* Социальная история..., с. 239.
- ²⁶ *Латышев В. В.* Известия..., с. 249.
- ²⁷ *Яценко И. В.* Скифия..., с. 111, 112.

Т. Б. БАРЦЕВА

МЕТАЛЛ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАЙОНОВ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ

Спектроаналитическое изучение цветного металла скифской поры лесостепного днепровского правобережья продолжает исследования подобного рода, предпринятые для лесостепного региона Украины в целом¹. Раскопки курганов и поселений в лесостепном правобережье позволили установить последовательность культурно-исторического развития самобытных локальных групп нескифских земледельческих племен, населявших бассейны рек Тясмин и Рось. Для выяснения специфической доскифской подосновы и определения характерных черт собственно скифского пласта цветной металл поросско-тысминских памятников рассматривается ниже в соответствии с существующей хронологической шкалой по четырем этапам: середина VIII — первая половина VII в. до н. э.; вторая половина VII — вторая половина VI в. до н. э.; V—III вв. до н. э. (с подразделением на два периода — V — начало IV в. до н. э. и IV — конец III в. до н. э.)². В основу работы положены результаты изучения 610 образцов, на базе которых и была создана поэтапная схема развития цветного металлообрабатывающего производства на территории днепровского правобережья.

Наиболее представительны в количественном отношении исследованные образцы середины VII—VI и V — начала IV в. до н. э. (рис. 1). Однако количественные показатели отступают на задний план при сопоставлениях качественного порядка, характеризующих металлургические рецепты или группы. Для выделения последних вся коллекция была статистически обработана по единому принципу, что и позволило проводить дальнейшие сопоставления. Наиболее популярными у древних мастеров-металлургов были оловянные и оловянно-свинцовые бронзы. Сплавы с добавками мышьяка, олова и свинца широко употреблялись только в предскифское и частично раннескифское время. Согласно графическим показателям, граница искусственного ввода в сплав концентраций олова не опускается ниже 0,5%. Для мышьяка и свинца она четко фиксируется в пределах их концентраций от 0,8 до 1% (рис. 2).

В результате установлено, что для каждого из изученных временных отрезков были характерны только определенные количественные соотношения

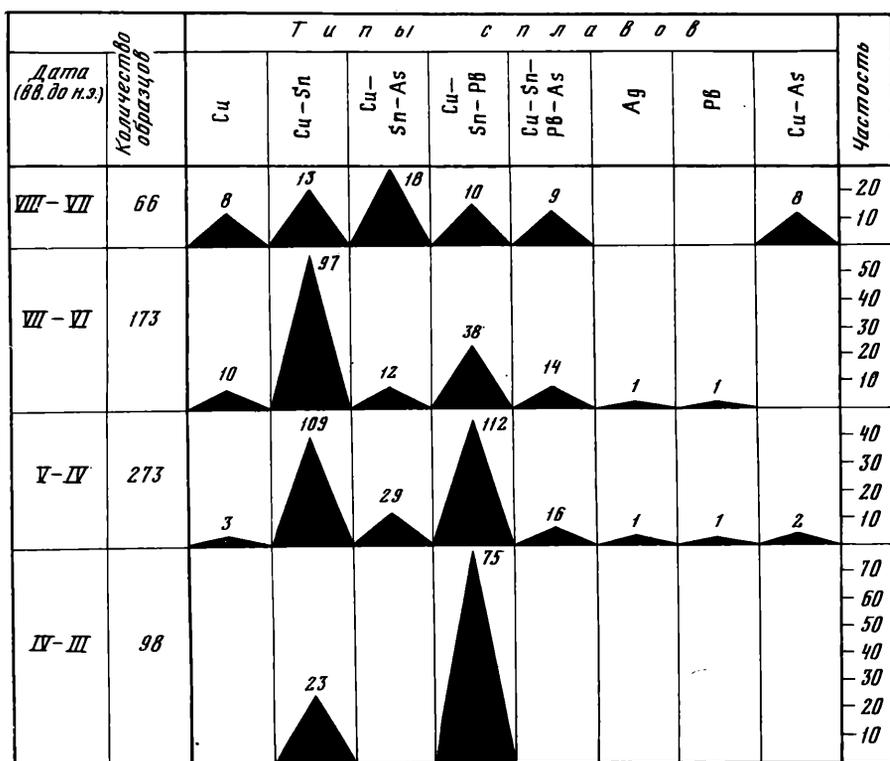

Рис. 1. Сравнительная характеристика распределения изделий по сплавам меди для различных хронологических этапов

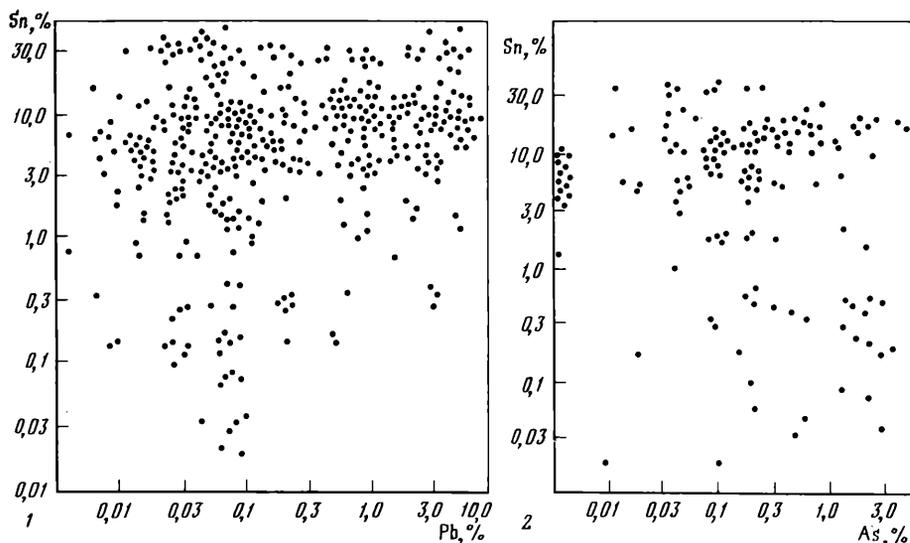

Рис. 2. Корреляционные графики взаимосвязи концентрации элементов в меди прибережной коллекции

1 — олово—свинец; 2 — олово—мышьяк

ния и соотношения в употреблении того или иного типа металлургического сплава (рис. 1). Для самого раннего, собственно еще доскифского, периода выделено до шести видов рецептов, в среднем представленных в равных пропорциях, не превышающих 12—20% рубежа. Однако первенство (53% общего количества) принадлежит объединенной металлургической группе, в меди которой в целых долях процента присутствует мышьяк, образуя сложные оловянно-мышьяковые, оловянно-свинцово-

Степень химико-металлургической близости между металлом предскифской поры с территории Северного Причерноморья

Районы	1	2	3	4	5
1. Правобережная лесостепь	×	0,20	0,54	0,63	0,57
2. Верхнее Поднестровье	0,20	×	0,26	0,23	0,18
3. Лесостепная Молдавия	0,54	0,26	×	0,27	0,26
4. Степь Северного Причерноморья	0,63	0,23	0,27	×	0,73
5. Кубань	0,57	0,18	0,26	0,73	×

мышьяковые и просто мышьяковые бронзы. Соотношения и сочетания групп искусственных рецептов в металле предскифской поры с территории правобережья практически не нашли отражения среди синхронных производств иных территорий, материал которых был подвергнут анализу для выявления возможных связей и контактов между мастерами-литейщиками. С этой целью был произведен подсчет критерия S (химико-металлургической близости) металла правобережья, сахарнянских памятников лесостепной Молдавии, могильника Золочев висоцкой культуры в Верхнем Поднестровье, камышевахо-черногоровских памятников украинской степи и протомеотских памятников Прикубанья. Химико-металлургическая близость свидетельствует о связи между культурами, втянутыми в общую сферу взаимодействий, обмена и контактов. При наибольших совпадениях химико-металлургических групп критерий будет близок или равен единице. При этом его значения можно назвать группы культур наиболее близкие друг к другу³. Степень близости цветного металла предскифского времени из различных районов Северного Причерноморья показана в таблице.

Наибольшее сходство цветной металл чернолесской поры обнаруживает с кругом памятников черногоровско-камышевахских, протомеотских и сахарнянских. Установленная относительно высокая степень сходства (0,54—0,63), с одной стороны, хорошо согласуется с выводами А. И. Мелюковой и А. И. Тереножкина о взаимодействии и частичном проникновении фракийского элемента в чернолесскую среду и о контактах степных киммерийцев с населением Среднего Поднепровья⁴. С другой стороны, такая степень сходства еще достаточно далека от единицы, т. е. можно считать, что несмотря на определенные воздействия со стороны киммерийского и фракийского миров, цветная металлообработка второй ступени чернолесской культуры сохраняла индивидуальность и самобытность. Вероятно, металлообрабатывающее производство в каждом из сравниваемых районов сложилось на различных основах и имело свои традиции, связанные с судьбами и путями исторического развития племен, оставивших памятники середины VIII — середины VII в. до н. э.

Новый период в развитии цветной металлообработки днепровского правобережья начинается со второй половины VII в. до н. э., когда позднечернолесские памятники сменяются памятниками жаботинского типа и ранними памятниками собственно скифской культуры. В этот период изменяется качественно и количественно распределение ведущих химико-металлургических показателей. Значительно вырастает доля оловянных бронз, которые теперь выдвигаются на первое место (56%). Второе место занимают сложные оловянно-свинцовые бронзы (22%), резко уменьшается количество вещей из сплавов с добавками мышьяка (7 и 8%). Отсутствие преемственности в металлообработке этих двух хронологических этапов хорошо подтверждается расчетом химико-металлургической близости, равным всего 0,56. Различия в металлообрабатывающем производстве связаны, вероятно, с историческими событиями, которые затронули в то время и области лесостепи: с середины VII в. до н. э. здесь отмечены первые памятники, связанные со скифскими древностями.

Полученные на основании спектроаналитического изучения данные служат важным подтверждением выводов А. И. Тереножкина, что «скифская культура привнесена извне во вполне сложившемся виде и как бы механически сменяет старую местную культуру на юге европейской части СССР. Так было в степи. Незыблемо такой вывод подтверждается и археологией лесостепи»⁵.

При сравнении цветного металла скифской архаики из Прикубанья, Посулья, Ставрополя и Пятигорья⁶ выявляется высокая степень сходства при небольшом интервале колебаний конечных значений (от 0,85 до 0,95). Это свидетельствует о культурной близости населения: наибольшая активность обменов металлургическими рецептами отмечается между группами культурно-родственных племен⁷. Но нельзя исключать и возможности завоеваний, вероятно, затронувших районы расселения земледельческих племен лесостепи, в конце концов оказавшихся в зависимости от кочевников⁸.

С началом следующего хронологического периода (V — начало IV в. до н. э.) происходит дальнейшее развитие металлообрабатывающего производства, связанное с большими переменами во всех сферах материальной и общественной жизни. Для металлообработки этого периода самым важным из технических достижений было установившееся равновесие двух типов металлургических рецептов: оловянных и оловянно-свинцовых бронз, доли которых равны соответственно 40 и 41%. На все остальные рецепты приходится только 19% общего количества. Среди них следует назвать архаичные сплавы на медной основе, оловянно-мышьяковые и оловянно-свинцово-мышьяковые, мышьяковые и просто медные изделия.

На развитие металлообработки V—IV вв. до н. э. в районе правобережной лесостепи влияли активные и разнообразные контакты с иными племенными группами, а также центрами греческого мира. Со второй половины VI в. до н. э. и в течение V—IV вв. до н. э. на территорию лесостепи попадают изделия средиземноморских и фракийских центров, отлитые из высокооловянной бронзы со своеобразным химико-металлургическим составом. Тесные связи с греческими городами Северного Причерноморья определенным образом повлияли и на производственную сферу. Увеличение доли оловянно-свинцовых бронз в этот период нельзя, вероятно, объяснить, если не учесть, что основным рецептом, отмеченным для изделий в стиле «греко-скифского» направления, были оловянно-свинцовые бронзы. В одежде и украшениях правобережная знать, в основном подчиняясь общескифской моде, создавала свои типы украшений, особенно обильно представленные в Поросье. Мастера-ювелиры изготавливали их из низкооловянистых бронз, правда, используя импортное сырье ввиду отсутствия местных рудных источников. Самым близким аналогом тясминскому металлу V—IV вв. до н. э. (опираясь на данные, полученные при расчете критерия S) оказался металл из коллекции Кубано-Таманского круга и посульский (S соответственно 0,83 и 0,73), что является еще одним свидетельством культурной близости населения, оставившего эти памятники.

Поздний этап металлообработки днепровского лесостепного правобережья скифской поры (IV—III вв. до н. э.) представлен немногочисленными материалами, создающими, однако, достаточно четкую картину дальнейшего развития этой производственной отрасли. Происходит нивелировка в металлообрабатывающем производстве не только тясминской и поросской групп, но и всего круга памятников скифской поры иных территорий (степь, Посулье). Критерий близости последних с правобережными равен 0,90. Именно с IV в. до н. э. наступает господство оловянно-свинцовых бронз, доля которых в правобережье достигает 80% рубежа. Постепенное усиление различных культурных связей и даже проникновение отдельных групп скифского населения в районы лесостепи (Бориспольские курганы, появление катакомбных сооружений), работа больших производственных центров типа Каменского городища способствовали «усреднению» той картины, которую мы наблюдаем на всей

скифской территории. Не противоречат такому заключению и формы металлического инвентаря, будь то предметы вооружения (наконечники стрел) или украшения (браслеты, подвески), одинаково хорошо известные в различных областях Северного Причерноморья.

Подводя краткие итоги анализу развития цветного металлообрабатывающего производства в районе правобережной днепровской лесостепи, следует остановиться на важнейших закономерностях этого процесса. Отметим, во-первых, что по мере удаления от начала железного века количество искусственных сплавов на медной основе уменьшается — от шести, отмеченных в коллекциях VIII — первой половины VII в. до н. э., до двух в коллекциях IV — конца III в. до н. э. Во-вторых, прослеживается отсутствие преемственности в развитии традиций цветной металлообработки между памятниками второй ступени чернолесской культуры, с одной стороны, и жаботинского и раннескифского этапов — с другой. Наконец, в-третьих, для каждого из указанных выше хронологических периодов установлены только им присущие количественные соотношения между выделенными металлургическими группами.

¹ Барцева Т. Б. Цветная металлообработка скифского времени (лесостепное днепровское левобережье). М., 1981.

² Петренко В. Г. Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э. — САИ, 1967, вып. Д1-27; Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975; Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981.

³ Черных Е. Н. Древнейшая металлургия

Урала и Поволжья. М., 1970.

⁴ Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979; Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.

⁵ Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 209.

⁶ Материалы кабинета спектрального анализа ИА.

⁷ Черных Е. Н. Древнейшая металлургия..., с. 75.

⁸ Ильинская В. А. Раннескифские курганы..., с. 178, 179.

В. С. ПАТРУШЕВ

БУЛАВКИ СТАРШЕГО АХМЫЛОВСКОГО И АКОЗИНСКОГО МОГИЛЬНИКОВ

Из памятников западноволжского варианта ананьинской культуры происходит небольшая, но весьма интересная группа булавок. Шестнадцать булавок найдено в погребениях Старшего Ахмыловского могильника VIII—VI вв. до н. э., расположенного на восточной окраине д. Ахмылово Горно-Марийского р-на Марийской АССР, на левом берегу Волги, две — в Акозинском могильнике в том же районе, но на правом берегу Волги. Находки не опубликованы, за исключением одного экземпляра из Акозинского могильника¹. Булавки изготовлены из круглого, реже — четырех- или трехгранного в сечении дрота, в верхней половине обычно имеют различные выпуклости, удерживавшие их в костюме в нужном положении. Классифицируя эти предметы, мы выделяем типы по сечению дрота в основной части булавок, виды — по характеру оформления головок, разновидности — по характеру оформления стержня.

Тип А. Булавки из круглого в сечении дрота (15 экз.). Разделяются на шесть видов.

Вид I — булавки из круглого дрота, без выделенных головок (4 экз.). Верхние концы их в трех случаях слегка приострены. Выделяются следующие разновидности:

1. Булавка, украшенная рельефными валиками, имитирующими навитую проволоку (погребение 745 Старшего Ахмыловского могильника; рис., 11). В средней части булавки узоры идут в противоположных направлениях, что помогало удерживать ее в костюме в нужном положении. Такой же орнамент имеется на гривне из погребения 900 того же памятника и фрагменте гривны из Ананьинского могильника². Анало-

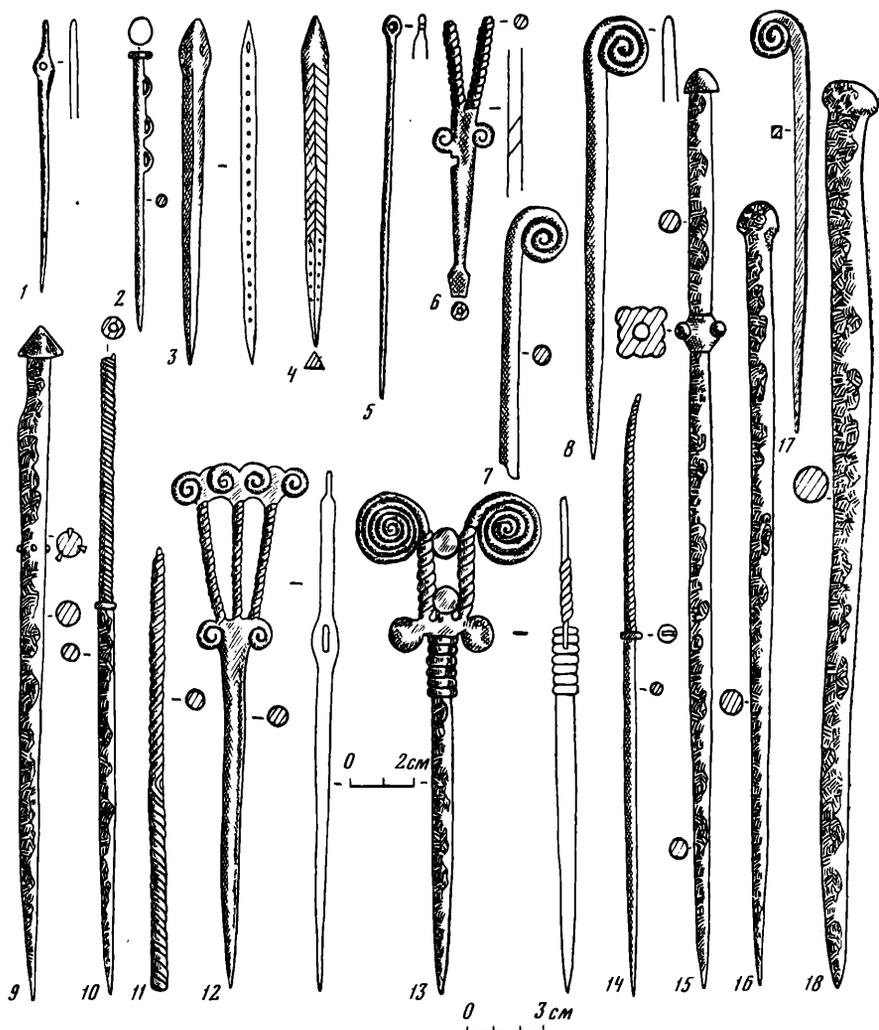

Рис. Булавки Старшего Ахмыловского (1—16) и Акозинского (17, 18) могильников.
 1 — погребение 632; 2 — погребение 761; 3, 4 — погребение 683; 5 — погребение 627; 6 — погребение 1003; 7, 8 — погребение 477; 9 — погребение 576; 10 — погребение 892; 11 — погребение 745; 12 — погребение 1007; 13 — погребение 1000; 14 — погребение 621; 15 — погребение 500; 16 — погребение 704; 17 — погребение 66; 18 — погребение 98
 1—8, 11, 12, 14, 17 — бронза; 9, 10, 13, 15 — железо, медь и бронза; 16, 18 — железо

гичные узоры встречены также на гривнах из памятников лужицкой культуры (гальштат D, VI в. до н. э.)³. Имитация навитой проволоки, но в одном направлении, известна на булавках со спиральными головками из Кобанского могильника на Северном Кавказе⁴.

2. Булавки с небольшими кольцевыми выступами в средней части стержня (погребения 621, 892 Старшего Ахмыловского могильника; рис., 10, 14). На их верхнюю половину навита по спирали тонкая бронзовая пластина. Основной стержень у одной из булавок железный (погребение 892), у другой — бронзовый. Близкие формы известны в материалах лужицкой культуры⁵ и скифских памятников не ранее VI в. до н. э.⁶

3. Булавка, стержень которой в верхней части слегка расплюсчен и имеет отверстие (погребение 632 Старшего Ахмыловского могильника; рис., 1). Такие же булавки встречены в древностях Северного Кавказа (Корца)⁷. По форме стержня близки к ним и другие булавки на этой территории, имеющие, однако, грибовидные головки (Кумбулта, Кобанский могильник)⁸.

Вид II — булавка из круглого дрота, игловидной формы, с расплюснутым кольцевидным концом (погребение 627 Старшего Ахмыловского могильника; рис., 5). Подобные изделия найдены в Кобанском могильнике⁹, а также на памятниках высококой и белорудовско-чернолесской культуры¹⁰.

Вид III — булавки из круглого дрота, с грибовидной головкой (4 экз.). Выделяются две разновидности:

1. Булавки с гладким железным стержнем (погребение 704 Старшего Ахмыловского могильника; погребение 98 Аkozинского могильника; рис., 16, 18). Булавки этой формы найдены в скифских памятниках конца VII — начала VI в. до н. э. (Увисла, курган 3), первой половины VI в. до н. э. (Макеевка, курган 454), середины того же столетия (Мачеха, курган 18)¹¹. Комплекс погребения 704 Старшего Ахмыловского могильника (биметаллический кинжал, бронзовые наконечники стрел) не может датироваться временем позднее рубежа VII—VI или самого начала VI в. до н. э.¹²

2. Булавки с перекрестиями на стержне в виде либо выступающих медных штырьков (погребение 576 Старшего Ахмыловского могильника; рис., 9), либо широкого кольца с четырьмя выступами (погребение 500 Старшего Ахмыловского могильника; рис., 15). Обе булавки биметаллические: стержень их железный, головки и перекрестия — медно-бронзовые. Подобные головки появляются еще на памятниках Кавказа и культуры Ноа в эпоху бронзы¹³. Навершия аналогичной формы на булавках из юго-западных районов нашей страны известны с эпохи бронзы до III в. до н. э.¹⁴ Такие же навершия в южных областях встречаются на булавках со стержнями иных форм¹⁵. Скифские аналогии средневожжским булавкам рассматриваемой разновидности датированы временем не ранее VI в. до н. э.¹⁶

Вид IV — булавка из круглого дрота с плоской головкой (погребение 761 Старшего Ахмыловского могильника; рис., 2). Близка многочисленным гвоздевидным булавкам из скифских памятников, известным с конца VII в. до н. э.¹⁷ В отличие от скифских, булавка из Марийского Поволжья имеет на стержне три боковые проволочные петли, что сближает ее с некоторыми украшениями из Тлийского могильника¹⁸ и чернолесских памятников¹⁹.

Вид V — булавки из круглого дрота со спиральной головкой, гладким стержнем, без перекрестия (2 экз. из погребения 477 Старшего Ахмыловского могильника; рис., 7, 8). Подобные булавки скифских памятников датируются концом VII — началом VI в. до н. э.²⁰ Они известны также в высококой культуре²¹ и на Северном Кавказе²².

Вид VI — булавки из круглого дрота со сложными антенновидными головками (погребения 1000, 1003 и 1007 Старшего Ахмыловского могильника; рис., 6, 12, 13). Все они имеют перекрестие в виде плоских кружочков, в двух случаях — со спиральными узорами. Одна булавка в верхней части фрагментирована. Ее головка состоит из раздвоенных ложновитых стержней (рис., 6). У другой булавки раздвоенные ложновитые стержни переходят в крупные спирали, между ними — два плоских кружочка; стержень железный (рис., 13). Третья булавка имеет головку из трех витых стержней, соединенных в верхней части пластинкой со спиральными узорами (рис., 12). Все булавки данного вида оригинальны и не находят прямых аналогий. Однако их истоки следует искать в кобанско-колхидских древностях. Крупные двойные спирали имеет булавка из Сержен-Юртовского могильника²³; тремя расходящимися стержнями украшена головка булавки из Фаскау²⁴; булавки с головками из трех — шести расходящихся стержней, близкие описанному, обнаружены в Абхазии и отнесены к VII в. до н. э.²⁵ Их прототипом могли быть изделия, сходные с вилообразными булавками Тлийского могильника²⁶.

Тип Б. Булавка из четырехгранного дрота. Имеет спиральную головку и гладкий стержень (погребение 66 Аkozинского могильника; рис., 17). Похожее украшение, но с витым в верхней части стержнем найдено в материалах комаровской культуры эпохи бронзы²⁷.

Тип В. Булавки с трехгранным в сечении стержнем (2 экз.; погребение 683 Старшего Ахмыловского могильника; рис., 3, 4). Обе булавки имеют ромбические головки, напоминающие головки змей, у одной сходство со змеиной головкой усиливается ямками в виде глаз. Стержни украшены рядами точек или елочными узорами, которые, возможно, были символами змей²⁸. Погребение 683 датировано VII в. до н. э.²⁹ Отдаленное сходство с нашей находкой имеет булавка с биконической головкой, встреченная на Горошковском городище³⁰.

Судя по положению в могилах, булавки использовались для скрепления частей одежды на груди или плече, в двух случаях — в качестве заколки для головного убора или волос. Часть из них встречена в захоронениях женщин (Старший Ахмыловский могильник, погребения 500, 576, 621, 892), часть — в погребениях, которые следует считать мужскими. Например, в погребении 704 Ахмыловского могильника булавка найдена в комплексе с кинжалом, аозинско-меларским кельтом, наконечниками копья и стрел, остатками пояса. Вероятно, вместе с поясом в могилу была положена и одежда типа накидки, застегивающейся булавкой. Некоторые из перечисленных булавок, в частности из рассматриваемого погребения, возможно, использовались в качестве оружия (стиллет)³¹.

- ¹ Халиков А. Х. Очерки истории населения марийского края в эпоху раннего железа.— Труды Марийской АЭ. Йошкар-Ола, 1962, II, с. 61, табл. XIII, 11.
- ² Национальный музей Финляндии, колл. оп. 5381/27 (по зарисовкам А. Х. Халикова).
- ³ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974, с. 344.
- ⁴ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, VIII, табл. XXII, 3, 4.
- ⁵ Кухаренко Ю. В. Археология Польши. М., 1969, табл. XXVIII, 7.
- ⁶ Петренко В. Г. Украшения Скифии в VII—III вв. до н. э.— САИ, 1978, вып. Д4-5, табл. 15, 6.
- ⁷ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа, табл. XXVI, 8.
- ⁸ Там же, табл. XXXIX, 4; XXXVII, 11.
- ⁹ Там же, табл. XXII, 6.
- ¹⁰ Граков Б. Н. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977, рис. 109, 3; 121, 4.
- ¹¹ Петренко В. Г. Украшения Скифии..., с. 14, 15, табл. 9, 31—35; Галакина Л. К. Скифские древности Поднепровья.— САИ, 1977, вып. Д1-33, с. 25, табл. 9, 5; Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья.— МИА, 1958, 64, с. 27, рис. 5, 10.
- ¹² Патрушев В. С. Аозинско-меларские кельты Марийского Поволжья.— СА, 1975, 3, с. 35, 36, рис. 5, 1—4.
- ¹³ Свешников И. К. Племена культуры Ноа.— В кн.: Стародавние населения Прикарпаття і Волині. Київ, 1974, рис. 52, 1, 5; Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, рис. 106, 7—11.
- ¹⁴ Свешников И. К. Племена комарівської культури.— В кн.: Стародавние населения Прикарпаття і Волині. Київ, 1974, с. 190, рис. 50, 1; Крушельницька Л. І. Племена висоцької культури.— Там же, с. 230—240; Петренко В. Г. Украшения Скифии..., с. 15, табл. 10, 12—19.
- ¹⁵ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа, табл. XXXIX, 3; Arne T. J. Luristan and the West.— ESA, 1934, IX, fig. 11.
- ¹⁶ Петренко В. Г. Украшения Скифии..., с. 15, табл. 10, 12—19.
- ¹⁷ Там же, табл. 1—4; II.
- ¹⁸ Техов Б. В. Центральный Кавказ..., рис. 42, 17.
- ¹⁹ Граков Б. Н. Ранний железный век..., рис. 121, 5.
- ²⁰ Петренко В. Г. Украшения Скифии..., с. 18, табл. 13—15; 17; 18.
- ²¹ Граков Б. Н. Ранний железный век..., рис. 109, 7.
- ²² Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. XXXIV, 7; Техов Б. В. Центральный Кавказ..., рис. 38, 5.
- ²³ Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант.— САИ, 1977, вып. В2-5, с. 78, табл. XIX, 3.
- ²⁴ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа..., табл. XCVII, 5.
- ²⁵ Трапш М. М. Древний Сухуми.— В кн.: Трапш М. М. Труды Сухуми, 1969, II, с. 69—71, 194, табл. IV, 3—5; XXVII, 2; Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии.— Труды отдела истории первобытной культуры ГЭ. Л., 1941, I, с. 60, табл. XV, 2.
- ²⁶ Техов Б. В. Центральный Кавказ..., рис. 18, 1; 24; 49.
- ²⁷ Свешников И. К. Племена комарівської культури, рис. 50, 2.
- ²⁸ Патрушев В. С. Апаньинские зооморфные изображения марийского края.— В кн.: Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1977, с. 113, 114.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, рис. 37, 1.
- ³¹ Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М., 1977, с. 174, 175.

РАСКОПКИ
ДЬЯКОВА ГОРОДИЩА В 1981 г.

Дьяково городище в Москве, давшее название дьяковской культуре, было открыто в начале 20-х годов XIX в. З. Ходаковским¹ и неоднократно исследовалось². Наиболее крупные работы здесь проводили Г. Д. Филимонов³ и В. И. Сизов⁴, прорезавшие площадку городища несколькими траншеями, следы которых сохранились до наших дней. Они опубликовали крайне обобщенные, хотя в целом и верные, сведения о стратиграфии памятника, но без приложения чертежей. О связи большинства находок с тем или иным слоем они не писали.

Раскопки 1981 г. имели целью получение новых данных о хронологии и стратиграфии этого эпонимного памятника, соответствующих современным требованиям. Раскоп площадью 44 кв. м был заложен у западного края верхней площадки городища, поперек траншеи раскопок Г. Д. Филимонова. Мощность культурного слоя на участке раскопа достигала 3 м. Он был перекрыт отвалом раскопок XIX в. мощностью до 1 м. Значительных нарушений и инверсий в самом слое обнаружено не было. По геологическим и археологическим характеристикам слой четко делился на верхний и нижний, между которыми залегала прослойка пепла.

Нижний слой представлял собой темно-коричневый тонкослоистый суглинок со значительным содержанием органики, разделенный несколькими золистыми прослойками. Подавляющее большинство индивидуальных находок из этого слоя — изделия из кости, половину которых составляют проколки. Для датировки слоя важна костяная стрелка (рис. 1, 18), аналогии которой встречены на древнейших городищах дьяковской культуры (Щербинское, Старшее Каширское и др.). На Троицком городище таких стрел нет. А. Ф. Дубынин считал, что время бытования стрел данного типа предшествовало времени возникновения Троицкого городища, которое он отнес к IV—III вв. до н. э.⁵ Несомненно, из нижнего слоя происходит выполненная в зверином стиле рукоять, найденная при раскопках Г. Д. Филимонова. Х. И. Крис датировала ее V—III вв. до н. э.⁶ Керамика из нижнего слоя преимущественно сетчатая (69% общего количества фрагментов посуды в слое). Предметы, датируемые VII—VI вв. до н. э., не обнаружены. По-видимому, наиболее вероятная дата нижнего слоя городища — V—III вв. до н. э.

Нижний и верхний слои разделяла прослойка пепла мощностью 10—40 см, прослеженная практически по всей площади раскопа. В этой прослойке не встречены крупные угли. Видимо, она появилась не в результате пожара. Следы сгоревших построек не обнаружены, находок в слое пепла также очень мало.

Верхний слой представлял собой золистую супесь. Он резко отличался от нижнего по структуре, содержал совершенно иной комплекс находок (рис. 1, 3; 2). По характеру и цвету слагающей супеси, наличию или отсутствию прослоек и различных включений верхний культурный слой разделялся на три горизонта. Керамика верхнего слоя в основном гладкостенная (96,7% общего числа фрагментов в слое). В самых верхних горизонтах встречено некоторое количество лощеной керамики (1,8% общего количества фрагментов в слое). Сетчатая керамика составляет всего 1,5%. Вероятно, ее появление здесь надо относить за счет перекопов, что доказывается и распределением ее по глубинам. В нижнем горизонте верхнего слоя найдено несколько десятков льячек и их фрагментов.

Точно определить дату начала накопления верхнего слоя на основании вещевых находок пока не представляется возможным. Найденные в нижнем его горизонте двушипные железные стрелы, ножи, железные кольца, бронзовые бляшки датируются первой половиной I тысячелетия н. э. Несомненно, однако, что между временем отложения верхнего

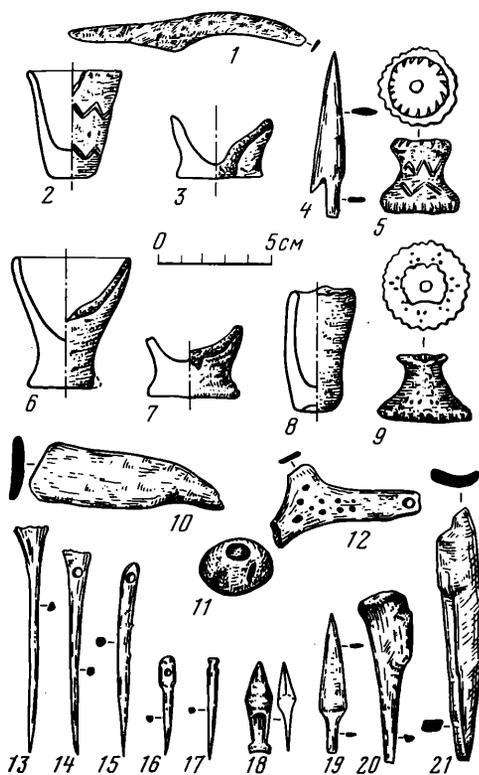

Рис. 1. Находки на Дьякове городище из раскопок 1981 г.

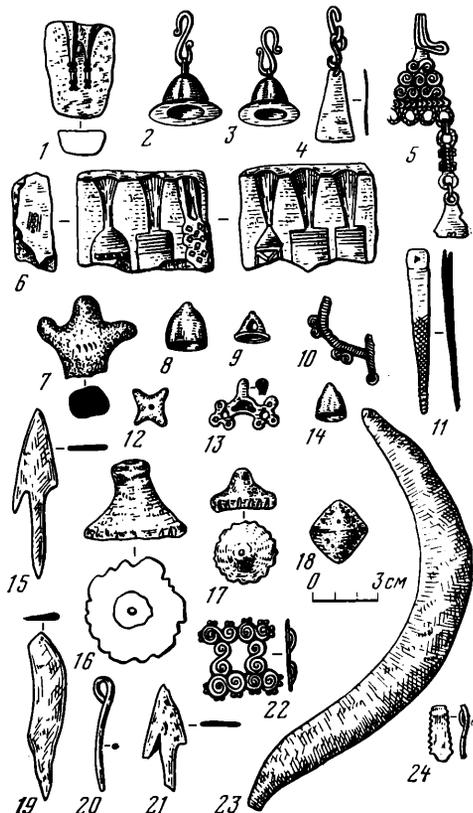
1, 2, 4, 5 — из прослойки пепла; 3 — из нижнего горизонта верхнего слоя; 6—21 — из нижнего слоя

1 — железо; 2, 3, 5—9 — глина; 4, 10, 11, 13—21 — кость; 12 — рог

Рис. 2. Комплексы вещей из верхнего слоя Дьякова городища (раскопки 1981 г.)

1—4, 6—12, 14, 17 — из верхнего горизонта верхнего слоя; 5 — из заполнения траншеи XIX в.; 13, 15, 18, 23 — из среднего горизонта верхнего слоя; 16, 19—22, 24 — из нижнего горизонта верхнего слоя

1, 6 — камень; 2—5, 8—11, 13, 14, 22, 24 — бронза; 7, 12, 16—18 — глина; 15, 19—21, 23 — железо

и нижнего слоев существовал хронологический разрыв. На это указывают стратиграфические данные и резкие различия керамических комплексов.

В среднем горизонте верхнего слоя, отделенном от нижнего горизонта тонкой прослойкой коричневого суглинка, найдены металлические предметы: серпы, ножи, стрелы, бронзовая пронизка (рис. 2, 15, 23). Интересна бронзовая лунница с выемчатой эмалью, найденная в зоне контакта среднего и верхнего горизонтов (рис. 2, 13). Полные аналоги этому предмету нам неизвестны. Лунницы такого типа относят к IV в. н. э.⁷ В верхнем горизонте найдено значительное количество изделий из глины и бронзы (рис. 2, 7—12, 14, 17). Бронзовые сьюльгама с напаянными волютами (рис. 2, 10), ременные наконечники (рис. 2, 11) обычно датируются III—IV или III—V вв.⁸

Весьма важен комплекс находок из самой верхней части верхнего горизонта, на основании которых можно судить о времени заупустения Дьякова городища. Аналогии бронзовым бубенчикам с полями и S-видной петелькой (рис. 2, 2, 3) на территории дьяковской культуры и к востоку от нее нам неизвестны. Аналогичные украшения были распространены в Прибалтике с VII—VIII вв.⁹, имеются в длинных курганах, причем исследователи связывают их здесь с балтским влиянием¹⁰. Трапецевидные подвески (рис. 2, 4) близки к найденным в таких сравни-

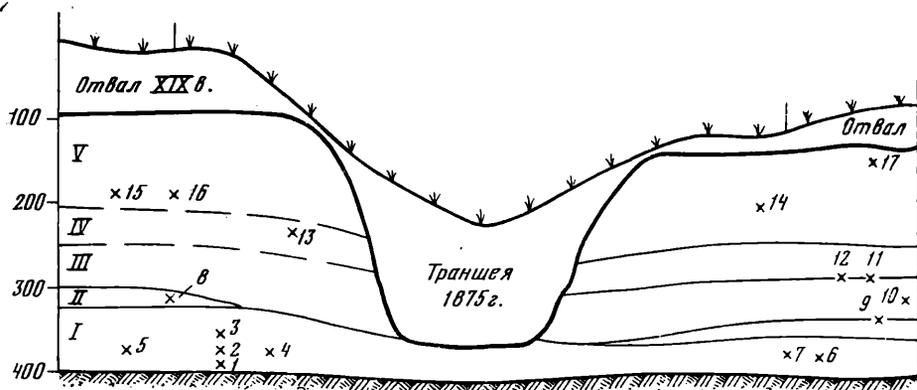

Рис. 3. Профиль раскопа 1981 г. на Дьякове городище, западная стенка и часть южной и северной с указанием стратиграфического положения образцов, взятых на радиоуглеродный анализ

I — нижний слой; II — прослойка пепла; III — нижний горизонт верхнего слоя; IV — средний горизонт верхнего слоя; V — верхний горизонт верхнего слоя

тельно поздних могильниках, как Подболотьевский, Елизавет-Михайловский и др.¹¹ О времени не ранее VII в. н. э. говорит и найденная здесь литейная формочка (рис. 2, б). На городище Луковня формочки для отливки аналогичных украшений найдены в комплексе с формочкой для отливки двурогой лунницы¹². При определении верхней хронологической границы существования Дьякова городища необходимо учитывать и подвеску (рис. 2, 5), найденную в заполнении траншеи XIX в. Подвеска вряд ли старше VII—VIII вв. Аналогичная подвеска известна в материалах Сарского городища¹³.

Если основываться на широко распространенном мнении, что сетчатая керамика бытовала на дьяковских городищах до III в. н. э.¹⁴, то начало отложения верхнего слоя нужно относить к этому или более позднему времени. Однако, учитывая большую мощность верхнего слоя (около 2 м) и то, что вещи IV в. н. э., например лунница, найдены в средней его части, можно предположить, что возобновление жизни на городище после отложения нижнего слоя произошло незадолго до III в. н. э. Запустение городища связано со временем не ранее VII—VIII вв. В дерновом слое, формировавшемся на городище с момента его запусте-

Таблица

Результаты радиоуглеродного анализа образцов из раскопа 1981 г. на Дьякове городище

№ образца *	Возраст	Календарная дата (гг. до н. э.)	Материал	№ образца *	Возраст	Календарная дата (гг. до н. э.)	Материал
2798	2320±60	440±60	«Почва» **	2780	9250±70	7580±70	Уголь
2797	2390±100	510±100	» »	2793	2330±100	450±100	Кость
2796	2370±60	490±60	» »	2907	2240±80	350±80	Почва
2800	2230±50	350±50	Уголь	2785	1970±50	80±50	Уголь
2792	2230±50	350±50	Кость	2786	1920±40	30±40	» »
2781	2290±130	410±130	Уголь	2795	1690±80	210±80 ***	Кость
2787	5200±500	3400±500	» »	2783	1700±50	200±50 ***	Уголь
2799	2070±60	180±60	«Почва»	2794	1370±250	540±250 ***	Кость
2788	2120±100	230±100	Уголь				

* Анализ проведен в лаборатории ГИН.

** Образцы коричневого суглинка из нижнего слоя, содержащего органику.

*** Календарная дата — годы н. э.

ния и до конца XIX в., когда он оказался погребенным под отвалами раскопок Г. Д. Филимонова и В. И. Сизова, было обнаружено 14 фрагментов древнерусской керамики XII—XIII вв. Однако никаких нарушений верхнего слоя городища, которые можно было бы связать с древнерусским временем, в раскопе не обнаружено, и вопрос о том, было ли городище заселено в XI—XIII вв., остается открытым.

В ходе работ на городище в различных его слоях были отобраны образцы для радиоуглеродного анализа (рис. 3; табл.).

Для нижнего слоя по образцам из разных материалов (что исключает систематические ошибки, связанные с самими материалами), получена серия дат, позволяющих определить хронологию слоя в пределах V—IV вв. до н. э. Это соответствует археологическим датировкам и несколько сужает их. Серия дат для горизонтов верхнего слоя из-за недостаточного количества образцов пока еще мала для серьезных выводов. В целом радиоуглеродные даты верхнего слоя соответствуют археологическим данным, хотя отдельные даты (образцы 2786, 2788) выглядят несколько «удревненными». Даты 7580 и 3400 гг. до н. э. (образцы 2780, 2787) получились, видимо, из-за того, что на городище сжигалась ископаемая древесина (плавник и т. п.), которая и сейчас попадает по берегам Москвы-реки и имеет возраст в несколько тысяч лет. Кость и «почва» (образцы 2793, 2907) были взяты из прослойки, которая являлась археологически зафиксированным выбросом из древнего перекопа, нарушившего нижний слой. Поэтому даты этих образцов нужно относить к нижнему слою.

¹ Донесение о первых успехах путешествия в России Зориана Долуга-Ходаковского из Москвы 13-го липца 1822 г.— В кн.: Русский исторический сборник. М., 1844, VII, с. 43.

² Обзор истории исследования Дьякова городища см.: *Бадер О. Н.* Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей.— МИА, 1947, 7, с. 141—145, 165.

³ *Филимонов Г. Д.* Краткие известия о раскопках Чертова городища под Москвой.— В кн.: Вестник древнерусского искусства. М., 1876, 11/12, с. 106, 107.

⁴ *Сизов В. И.* Дьяково городище близ Москвы.— Труды IX АС. М., 1897, II, с. 256—267.

⁵ *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище.— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 220.

⁶ *Крис Х. И.* Предметы звериного стиля из дьяковских городищ.— СА, 1981, 1, с. 171—180.

⁷ *Фролов И. К.* Лунницы с выемчатой эмалью.— В кн.: Из древнейшей истории балтских народов. Рига, 1980, с. 111—124.

⁸ *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище..., с. 236, 237; *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры.—

В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 104, рис. 5; *Смирнов К. А.* Дьяковская культура.— Там же, с. 52.

⁹ *Urtans V.* Bronzas zvaninu rotas VII—XI gs.— Изв. АН ЛатвССР, 1970, 8, лрр. 64—75; *Аун М.* Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н. э. Таллин, 1980, рис. 18.

¹⁰ *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 102; *Шмидт Е. А.* К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов.— В кн.: Материалы по изучению Смоленской обл. М., 1970, VII, с. 219—235.

¹¹ Материальная культура среднепнинской мордвы VIII—XI вв. Саранск, 1969, табл. 26; 31; 44.

¹² *Векслер А. Г.* Отчет об археологических раскопках городища Луковня в Подольском р-не Московской обл. в 1976 г. Архив ИА, р-1, № 898а, с. 24, фото 71.

¹³ *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, 94, с. 101.

¹⁴ *Смирнов К. А.* Дьяковская культура, с. 76; *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры, с. 152.

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ СЕЛЕЦКОГО ГОРОДИЩА

Селецкое городище принадлежит к группе дьяковских городищ широкого хронологического диапазона — от VIII—VII вв. до н. э. до VI—VII вв. н. э. Оно расположено в среднем течении Москвы-реки в Раменском р-не Московской обл., в 4 км от г. Бронницы¹. Osteологический материал городища состоит более чем из 5 тыс. костей, из которых определено 3758, принадлежащих минимально 239 особям (табл. 1).

Материал обрабатывался послойно (слои I—VI), что дало возможность проследить изменение состава костных остатков в разные периоды существования городища. Во всех слоях встречены остатки всех видов важнейших сельскохозяйственных животных, а также лося, медведя и бобра. Остатки собаки отсутствуют в слоях I и V, кабана — в слоях I и II, лисицы и куницы — в слоях II и III. Кости зайца отмечены лишь в слоях I и VI, только в слое VI встречены остатки дикого быка и барсука.

При восстановлении физического облика животных результаты изменений костей из разных слоев объединялись.

Состав костных остатков домашних животных представлен в табл. 2.

Основную часть костных остатков составляли трубчатые кости (по 22,6% общего количества костей крупного рогатого скота и свиньи; 18,8% костных остатков лошади; 17,5% костей мелкого рогатого скота). Необходимо отметить малочисленность фрагментов черепов крупного рогатого скота и лошади (соответственно 2,6 и 1,9% общего количества костных остатков данных видов). Части черепов свиней встречались чаще (18,3% общего количества костных остатков этого вида). Нижние челюсти крупного рогатого скота и лошади составляют 7,8 и 5,5% костных остатков этих животных, а свиньи и мелкого рогатого скота — соответственно 13,3 и 14,5%. Измерения костей домашних животных дают некоторое представление о характере популяций и возрастном составе стада.

Крупный рогатый скот. Несмотря на небольшое количество краниологического материала, можно предположить, что во всех слоях присутствуют остатки рогатой популяции крупного рогатого скота, которую в лесной полосе Восточной Европы разводили племена, населявшие дьяковские, верхнеокские и юхновские городища². Фрагменты черепов с признаками комолости не встречены. В слое II обнаружено два фрагмента стержней рогов с индексом массивности 80—84,5% и обхватом у основания 142 и 150 мм. Длину их точно измерить не удалось, но можно пред-

Таблица 1

Видовой состав костных остатков

Вид	Количество костей	Количество особей	Вид	Количество костей	Количество особей
Крупный рогатый скот	678	22	Кабан	10	3
Мелкий рогатый скот	165	14	Медведь	104	10
Лошадь	1170	36	Лисица	11	3
Свинья	1053	77	Барсук	1	1
Собака	6	3	Куница	30	10
Крупный бык	2	1	Заяц	7	2
Лось	204	12	Бобр	305	42
Северный олень	12	3			

Таблица 2

Состав костных остатков домашних животных (без собаки)

Кости	Состав костных остатков по видам				Кости	Состав костных остатков по видам			
	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Лошадь	Свинья		Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Лошадь	Свинья
Стержни рогов	10	2	—	—	Лучевые	24	8	73	36
Фрагменты черепа	12	3	14	35	Локтевые	13	3	28	43
Верхние челюсти	6	5	8	158	Бедренные	26	8	32	14
Нижние челюсти	53	24	64	140	Берцовые	54	7	46	48
Зубы	80	26	288	224	Таранные	19	7	32	21
Позвонки	49	20	46	65	Пяточные	20	1	25	23
Ребра	22	6	23	16	Суставные	60	2	56	22
Лопаточные	27	8	28	33	Метаподии	66	16	158	31
Тазовые	40	5	63	21	Фаланги	58	4	145	26
Плечевые	39	10	41	97					

положить, что она была не менее 230 мм по большой кривизне и 160 мм — по малой. Такие размеры роговых стержней достаточно характерны для коров указанной выше популяции. По некоторым фрагментам черепа видно, что междурожье неширокое, межроговая линия имеет вдавление в области брегмы.

Для определения возрастного состава стада использовались не нижние челюсти, которые были сильно разрушены, а различные трубчатые кости с учетом срастания их с эпифизами в разном возрасте. Лишенными нижних эпифизов оказались 66% плечевых костей, срастающихся в 1,5 года, 50% лучевых и 44% берцовых костей, срастающихся в возрасте трех лет. Большинство животных, таким образом, было использовано в пищу в возрасте от 10 месяцев до 1,5 лет. Взрослого состояния достигли не более 35% животных. Половой состав и высота в холке определялись главным образом по метаподиям. Констатированы метаподии двух быков, двух волов, пяти коров. Высота в холке, восстановленная по размеру метаподии³, была у волов около 130 см, у быков — около 111,6 см, у коров — 98—100,3 см. Это в целом соответствует и другим данным измерений костных остатков крупного рогатого скота, приведенным в табл. 3.

Таблица 3

Результаты измерений костных остатков крупного рогатого скота

Признак	n	lim (мм)	M (мм)
Длина M ₂	3	33,5—35,6	34,8
Ширина верхнего конца лучевой кости	6	73—79	75,84
Ширина нижнего конца берцовой кости	8	56—68	59,44
Ширина нижнего конца пясти	5	50—69	60,4
Длина плюсны	4	188—228	209,25
Ширина верхнего конца плюсны	3	39—52	46,5
Ширина нижнего конца плюсны	3	48,5—57	55,7
Ширина диафиза плюсны	3	23—30	28
Длина пяточной кости	6	115—128	122,5
Длина таранной кости	11	56—73	65,43
Длина первых фаланг	15	51—67	59,73
Длина вторых фаланг	3	42	42

Статистически достоверные различия с той породой скота, которая описана по остеологическим материалам из дьяковских, верхнеокских и юхновских городищ, не обнаружены. Можно только говорить о несколько большем, чем на других городищах этого типа, использовании в пищу молодых животных.

Количество костей крупного рогатого скота меньше в трех верхних слоях городища (19,9–20,4% общего количества костей важнейших сельскохозяйственных животных), больше — в нижних (25,8–31,6%). По количеству особей выделяется лишь верхний слой, где крупный рогатый скот составлял 11,8% особей важнейших сельскохозяйственных животных, остальные близки между собой (от 16,7 до 21,4%).

Мелкий рогатый скот. Костные остатки сильно разрушены, принадлежат овцам, кости коз не обнаружены. Два найденных роговых стержня принадлежали баранам. Установлен возраст трех овец: до одного года, до двух лет и старше двух лет. Для остеометрической обработки материала мало, но по имеющимся данным овцы, по-видимому, не отличались по размерам от описанных В. И. Цалкиным для дьяковских городищ (табл. 4)⁴.

Таблица 4
Результаты измерений костных остатков овец

Признак	n	lim (мм)	M (мм)
Ширина нижнего блока плеча	3	26–27	26,7
Ширина нижнего конца берцовой кости	5	23,5–27,3	24,96

Целые пясти и плюсны не встречены. Длина альвеолярного ряда нижней челюсти, измеренная в одном случае, составляла 70 мм, длина плечевой и лучевой костей — соответственно 119 и 142 мм.

Свиньи. Кости свиньи весьма многочисленны, уступая в этом отношении только костям лошади. Возрастной состав определялся по состоянию зубной системы⁵. Оказалось, что в возрасте до 3,5 месяцев было забито 10% особей; до одного года — 29%; до 22 месяцев — 29%; старше 22 месяцев — 32% особей. Результаты измерений некоторых костей свиньи приведены в табл. 5.

Все указанные в табл. 5 размеры находятся в пределах, установленных В. И. Цалкиным для свиней из остеологических материалов дьяковских и верхнеокских городищ⁶. Фрагменты мозговой части черепа сохраняют примитивные черты.

Лошадь. Кости лошади наиболее многочисленны в остеологическом материале. Хотя по количеству выделенных особей этот вид стоит на

Таблица 5
Результаты измерений костных остатков свиньи

Признак	n	M (мм)	σ	Признак	n	M (мм)	σ
Длина ряда моляров верхней челюсти	4	68	1,22	Длина M ₃	24	35,7	2,87
Длина M ³	13	34,6	1,7	Ширина нижнего блока плеча	11	35,27	1,15
Длина альвеолярного ряда зубов нижней челюсти	4	112	3,06	Ширина верхнего конца лучевой кости	9	34,6	2,08
Длина ряда моляров нижней челюсти	7	71,6	2,5	Ширина нижнего конца берцовой кости	12	33,04	1,75
				Длина таранной кости	9	44,05	2,0

Таблица 6

Результаты измерения костных остатков лошади

Признак	n	lim (мм)	M (мм)
Ширина нижнего блока плеча	8	62,5-70,5	66,44
Ширина верхнего конца лучевой кости	11	68-74	72,55
Ширина нижнего конца лучевой кости	11	65-73,5	68,7
Ширина нижнего конца берцовой кости	8	60-74	65,33
Длина пяточной кости	6	89-98	94,5
Длина таранной кости	22	48-55	52
Длина первой передней фаланги	18	70-81	76,76
Длина первой задней фаланги	19	72-75,5	72,12

втором месте после свиньи, можно предполагать, что в мясном питании населения Селецкого городища преобладала именно лошадь. В виде мелких обломков представлен не только краниальный скелет, разрушены эпифизарные концы и дистальные части костей конечностей. Значительная часть костных остатков принадлежит молодым животным, на что указывают и часто встречающиеся зубы молочной генерации, и фрагменты челюстей, лишенные первого моляра. Из 35 первых фаланг восемь (22%) лишены эпифиза, т. е. принадлежат животным, забитым на мясо в возрасте до одного года. Из 18 пяточных костей 11 (61%) лишены tuber calcanei, который прирастает в возрасте 3-3,5 лет. Встречены, однако, и остатки старых особей: жеребца в возрасте около 14 лет и кобылы не моложе 17 лет (возраст определен по состоянию зубной системы). Анализ трех пястных костей показал, что по индексу ширины диафиза (15,8 - 16%) все эти лошади принадлежали к группе средненогой⁷. Восстановленный на основе измерений этих костей по методу В. О. Витта⁸ рост в холке составляет 118-123 см. Таким образом, лошади были мелкими или очень мелкими⁹, что подтверждается и измерениями других костей скелета (табл. 6).

Измерения некоторых костей позволяют установить, что лошади из верхнего слоя были несколько крупнее, чем из нижних слоев (табл. 7).

Таблица 7

Остеометрическая характеристика первых фаланг лошади из ранних слоев

Признак и слой	n	M (мм)	σ	C
Длина первых фаланг:				
передних, слой I	7	78,07	2,7	2,96
передних, слой II-III	5	73,5	2,7	2,98
задних, слой I	9	75,7	3,64	3,85
задних, слой II-III	5	72,9	2,9	3,2

К сожалению, для более подробной характеристики лошадей послышного материала было недостаточно.

Собака. Кости собак в остеологическом материале Селецкого городища очень редки. В слоях II, III и VI встречены лишь две нижние челюсти, позвонок, локтевая, лучевая и пяточная кости, принадлежащие минимально трем особям. Особь из слоя VI крупная. Длина M_1 у нее составляет 23 мм, что является верхней границей размера этого зуба для собак рассматриваемого времени в лесной полосе.

Как уже указывалось, из остатков диких животных во всех слоях Селецкого городища встречены кости лося, медведя, бобра. Они составляют 89,4% всех костных остатков и около 75% всех особей диких жи-

вотных. Кости лося представлены в нашем материале всеми частями скелета и принадлежат животным различного возраста. Преобладают фаланги, трубчатые кости и метаподии. Все кости, часто даже фаланги, раздроблены. Размеры костей находятся в пределах, указанных В. И. Цалкиным для костных остатков лося из раскопок дьяковских, верхнеокских и юхновских городищ¹⁰. Среди костных остатков медведя также имеются все элементы скелета, но чаще всего встречаются обломки нижних челюстей, кости конечностей и отдельные зубы. Кости принадлежат как взрослым особям, так и медвежатам.

Первое место среди диких животных по костям и особям (от 46 до 48% в разных слоях) занимает бобр, остатки которого представлены всеми костями скелета. Более 60% материала составляют трубчатые кости. Молодым животным могли принадлежать 35,5% бедренных, 45% плечевых и 48% берцовых костей, которые были без эпифизов или полностью срослись с эпифизами. Размеры костей бобров соответствуют тем, которые установлены В. И. Цалкиным для этого вида животных из остеологического материала поселений лесной полосы эпохи железа¹¹. Интересна находка двух костей крупного дикого быка *Bos primigenius* или *Bison bonasus* в нижнем слое городища.

Изменения в соотношении количества остатков домашних и диких животных из остеологического материала Селецкого городища становятся ясными из табл. 8.

Таблица 8

Соотношение остатков домашних и диких животных в остеологическом материале Селецкого городища (в %)

Слой *	Домашние животные		Дикие животные	
	кости	особи	кости	особи
I	87,3	73,2	12,7	26,8
II	89,2	72,3	10,8	27,8
III	85,6	75,0	14,4	25,0
V	68,2	41,0	31,8	59,0
VI	63,3	45,0	36,7	55,0

* Слой IV остеологических остатков не содержал, в таблицах 8 и 9 не учитывается.

Отчетливо видно постепенное уменьшение роли охоты в мясном питании. В двух нижних слоях диким животным принадлежало более половины выделенных особей. В трех верхних слоях положение меняется: здесь диким животным принадлежало лишь около четверти особей. Аналогичное явление прослеживается и по соотношению костей домашних и диких животных. При этом следует иметь в виду, что состав охотничьей добычи, характеризуемый остеологическим материалом Селецкого городища, достаточно обычен для других городищ раннего железного века в лесной полосе¹². На долю копытных животных, которые добывались прежде всего ради мяса (лось, олень, кабан), приходится от 20 (слои I, V—VI) до 40% (слои II—III) костных остатков диких животных (по особям). Следовательно, значительное развитие имела, как и на других дьяковских городищах, пушная охота. Конечно, мясо пушных зверей также частично или полностью использовалось в пищу. Среди диких копытных первое место в охотничьей добыче занимал лось, остальные виды в остеологических остатках представлены слабо. Из пушных видов, как уже указывалось, абсолютно доминирует бобр, что вообще характерно для дьяковских городищ¹³.

Об изменениях в составе стада домашних животных дает представле-

Таблица 9

Соотношение остатков важнейших сельскохозяйственных животных в остеологическом материале Селецкого городища (%)

Слой	Особи			
	крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	свинья	лошадь
I	11,8	6,4	56,0	25,8
II	16,7	8,3	50,0	25,0
III	21,4	14,4	42,8	21,4
V	21,5	14,4	35,6	28,6
VI	18,8	18,8	50,0	12,5

ние соотношение костных остатков различных видов важнейших сельскохозяйственных животных по слоям (табл. 9).

Соотношение остатков важнейших сельскохозяйственных животных в верхнем слое напоминает прослеженное на памятниках мери середины и второй половины I тысячелетия н. э.: здесь также решительно преобладают остатки свиньи, многочисленны остатки лошади, в небольшом количестве встречаются остатки крупного и особенно мелкого рогатого скота¹⁴. Соотношение остатков домашних животных в слоях II—III достаточно типично для многих дьяковских городищ¹⁵. Определенными особенностями отличается соотношение между видами важнейших сельскохозяйственных животных в нижнем слое: здесь необычно высок процент остатков мелкого рогатого скота и мала доля остатков лошади.

¹ Раскопки городища проведены в 1975—1977 гг. одним из отрядов Московской экспедиции ИА под руководством И. Л. Черная.

² Цалкин В. И. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке.— МИА, 1962, 107, с. 8—13.

³ Цалкин В. И. Млекопитающие бассейна Оки и верхней Волги в начале нашей эры.— МОИП, отд. биологии, 1961, 1.

⁴ Цалкин В. И. Животноводство и охота..., с. 30—36.

⁵ Zietschmann O., Krolling O. Lehrbuch

der Entwicklungsgeschichte der Haustiere. Berlin; Hamburg, 1955, S. 363.

⁶ Цалкин В. И. Животноводство и охота..., с. 38—40.

⁷ Там же, с. 41.

⁸ Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов.— СА, 1952, XVI.

⁹ Цалкин В. И. Животноводство и охота..., с. 45.

¹⁰ Там же, с. 50, 51, табл. 39.

¹¹ Там же, с. 57, 58, табл. 46.

¹² Там же, с. 63 сл.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 72, табл. 56.

¹⁵ Там же, с. 66, табл. 51.

В. П. БУДАНОВА *

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА «ГОСУДАРСТВА ГЕРМАНАРИХА» (по данным письменных источников)

Изучение «готской проблемы», исследование которой до сих пор остается одним из актуальных вопросов исторической науки, переживало периоды подъемов и спадов. В настоящее время интерес к ней вновь возрастает. Дискутируется и вопрос о расселении готов в Северном Причерноморье в IV в. Появились новые исследования, отражающие качественно иной подход к письменным источникам в решении этногенетических проблем, отказ от традиционного фактологического подхода к

* Статья В. П. Будановой и следующие за ней написаны по материалам симпозиума «Позднейшие судьбы черняховской культуры» (см. в разделе «Хроника»).

тексту источника. Отдельное сообщение в тексте древнего автора теперь рассматривается как неотрывная часть целого. Значительную роль играет анализ того, как в источнике отражаются политические, этнические, географические и другие представления, характерные для времени его написания¹.

В исторической науке традиционно мнение о том, что в IV в. в Северном Причерноморье сложился сильный союз племен, власть в котором была сосредоточена в руках готских вождей. У истоков наивысшего подъема этого союза, по данным Иордана, стоял Германарих, или, по современной транскрипции, Эрманарих. С этим именем связано понятие «государство Германариха», введенное в научную терминологию Т. Моммзенем. Однако среди исследователей нет единства не только в вопросе о реальности существования такого устойчивого общественно-политического объединения готов в IV в., но и в оценке уровня развития этнического самосознания готов, определении их политической организации. Дискуссия, прошедшая в 60—70-х годах на страницах журналов «Вопросы философии», «Вопросы истории», «Советская этнография», подняла ряд теоретических вопросов, имеющих важное значение, в частности, и для понимания характера «государства Германариха». Так, она показала необходимость дальнейшего изучения различий между союзами племен на стадии господства или развития родового строя и союзами племен на стадии его распада. Была отмечена слабая изученность этносоциальной структуры военно-политических объединений, вышедших за рамки союзов кровнородственных племен².

Чаще всего под «государством Германариха» понимается существовавшее в Северном Причерноморье до 375 г. объединение нескольких племен во главе с готами. Этот союз якобы сохранял свою стабильность и устойчивость на всем протяжении III и первой половины IV в. Однако вся история готов III—IV вв. показана древними авторами как непрерывный процесс образования и распада варварских союзов. Поскольку возникновение разнотнических племенных объединений вызывалось в основном военными надобностями, то состав их постоянно менялся. Тот, кто вчера был верным союзником (*socii*), сегодня мог превратиться в ненавистного врага. Так, если в первой половине III в. вандалы неоднократно действовали совместно с готами, то в конце III в. они, объединившись с гипедами, выступают против готов (*Iord., Get., 90—93; Paneg. Lat., XI (III), 17, 1, 2*).

Различие взаимоотношений готов с теми или иными племенами объясняется, видимо, в значительной степени тем, что среди самих готских племен не было достаточного единства. Отсутствие прочных внутренних связей среди готов, как придунайских, так и примеотийских³, проявляется еще до гуннского вторжения. По данным источников можно предположить наличие нескольких родовых групп готов в Меотиде, каждая из которых имела свою сферу контактов с другими племенами: одна их часть общалась преимущественно с антами, другая — с росомонами, третья — с гелурами и аланами. Письменные источники свидетельствуют о сложном составе «государства Германариха» (*Iord., Get., 116—120, 245—250*), так как в него входило несколько разнотнических племен. Система «господства» готов, вероятно, включала в себя разнообразные экономические и реже — военные средства воздействия на то или другое племя.

Как уже отмечалось Е. Ч. Скржинской, перечень покоренных Германарихом *arctoi gentes* (северных племен), приведенный в 116-м параграфе «Гетики», свидетельствует о включении в текст неизвестного итинерария⁴. Вполне допустимо, что этнический ряд, который попал в текст Иордана через Аблабия, принадлежит Питеасу и отражает линию торгового пути от Балтийского моря на восток к Уралу. В 330 г. до н. э. предприимчивый купец из Массилии Питеас совершил морское путешествие от Гибралтара до восточного побережья Северного моря⁵. Свои путевые впечатления он изложил в дневнике, который в подлиннике до

нас не дошел, но сохранился только в извлечениях многих греческих и римских писателей (см., например: *Plin., Hist. Nat., XXXVII, 35*). Прием во внимание и то, что в латинский текст «Гетики» вклинивается греческое слово «arctoi». При составлении Аблабием древней истории готов сведения Питеаса могли быть извлечены у одного из греческих авторов, возможно даже у Дексиппа. На вероятность того, что 116-й параграф «Гетики» составлялся на основании такого дорожника, указывает и сравнение Германариха с Александром Македонским. Не исключено, что в основе этого сравнения лежит знакомство Аблабия или Кассиодора с «Дорожником Александра», составленным около 340 г.; в связи с персидским походом императора Констанция⁶. Сохранился фрагмент, где говорится о покорении Александром Македонским народов от Меотиды до Балкан. В частности, упоминается здесь и столкновение с готами, что указывает на четкое представление автора итинерария о размещении готов в IV в. в Приазовье (*Itin. Alex., XVI*). К сожалению, как путевые заметки Питеаса, так и «Дорожник Александра» пока остаются вне поля зрения исследователей.

На основании этнического списка *arctoi gentes* X. Вольфрам высказал предположение, что готы контролировали торговые пути, шедшие как в широтном, так и в меридиональном направлениях к Северному, Северо-Западному Причерноморью и Боспору⁷. Однако вряд ли можно согласиться, что контроль носил характер протектората над теми территориями, через которые проходили эти пути. И хотя исследование Г. Шрамма показывает, что этимология названий некоторых северных племен, якобы подчиненных Германариху, носит экономический характер⁸, все же сам термин «протекторат» несколько модернизирует характер отношений внутри варварского мира IV в.

Сложнее были отношения готов с гелурами⁹. Иордан сообщает, что Германарих «...не потерпел, чтобы... племя гелуров, в большей части перебитое, не подчинилось — в остальной своей части — его власти»; «...по воле судьбы они также наряду с остальными племенами покорились... Германариху» (*Iord., Get., 117, 118*). Из этого текста не совсем ясно, идет ли речь об истреблении (*magna ex parte trucidam*) гелуров готами или подразумеваются значительные потери гелуров в одном из походов III в. в пределы Римской империи. Как сообщают источники, в 267—269 гг. коалицией варварских племен, куда входили и примеотийские готы, был предпринят поход в балканские провинции Империи, так называемый греческий поход (*Dexipp., fr., 21; Zosim., I, 39; SHA, Gallieni duo, 13, 6—10; Syncell., fr. 717*). Если верить выписке из «Хроники» Дексиппа, сделанной Синкеллом, то руководили этим походом гелуры (*Sincell., fr. 717*)¹⁰. Может быть, с этого времени можно говорить о начале разногласий между готами и гелурами? Возможно, первоначально суть их заключалась в выборе различных направлений проникновения в Империю. У примеотийских готов наблюдается тенденция к вторжениям в восточные провинции Империи. Она учитывалась как римскими, так и византийскими императорами при решении вопроса о поселении готов в Империи. Так, в 376 г. из части примеотийских готов, перешедших Истр, было сформировано два отряда, которые в качестве федератов должны были поселиться в провинции Азии (*Amm. Marc., XXXI, 2, 6, 8; 6, 1—3; Zosim., IV, 20*)¹¹. Для той части готов, которая находилась под властью гуннов и в 386 г. во главе с Одоатем оказалась у границ Империи, были выделены для поселения области Лидии и Фригии (*Zosim., IV, 35, 1; Claud. Claudian., De IV consul; Honor., v. 626—636*). Вероятно, перед «греческим походом» гелуры отвергли намерение готов осуществить вторжение в восточные провинции (*Iord., Get., 117*). Впоследствии, вплоть до гуннского вторжения, гелуры, видимо, уже не могли являться конкурентами готов, так как значительная часть их погибла в упомянутом выше «греческом походе». Фраза Иордана «*post Herulorum cede*» (*Iord., Get., 119*) переводится буквально как «после уступления места гелурам»¹².

Информацию о том, как складывались взаимоотношения готов с антами, мы получаем только из «Гетики». Несколько фраз самого общего характера Иордан вставил в ту часть своего труда, где он говорит о племенах, подвластных Германариху (*Iord., Get., 119*). Анализ смысловых значений глаголов, которыми Иордан характеризует взаимоотношения между готами и антами, позволяет предположить напряженные отношения между этими племенами, хотя серьезных военных конфликтов, вероятно, не было. Угроза со стороны готов «применить оружие» (*armis commavit*), видимо, не была реализована. И слова Иордана о том, что анты «приворочивались к власти Германариха» (*Germanarici imperiis servierunt*), возможно, указывают на какую-то, к сожалению, не отмеченную другими древними авторами, зависимость антов от готов¹³. Можно предположить, что готы контролировали основные торговые магистрали, связывающие антов с их соседями. Видимо, за определенное вознаграждение, к которому анты применились, готы пропускали в антские пределы торговые караваны. С вторжением гуннов между готами и антами произошел военный конфликт, следы которого отразились как в готском, так и в славянском эпосе.

Рассматривая взаимоотношения готов с антами при гуннах, исследователи, казалось, неизбежно должны были бы ответить на два вопроса: почему именно с приходом гуннов между готами и антами вспыхнула война и почему Иордан рассматривал эту войну как начало освобождения готов от гуннов. До настоящего времени в историографии готской проблемы обращалось внимание преимущественно на характер межплеменной борьбы между готами, гуннами и антами¹⁴. Состоянию внутриплеменных противоречий среди самих примеотийских готов уделялось недостаточное внимание.

Анализ сообщений Аммиана Марцеллина и Иордана показывает, что примеотийские готы в IV в., вероятно, подразделялись на несколько частей. В современной зарубежной историографии идут споры о том, когда произошло это разделение: до вторжения гуннов или после. В большинстве исследований разделение примеотийских готов связывается с наступлением гуннов и со смертью Германариха¹⁵. Анализ соответствующих параграфов «Гетики» и сообщений Аммиана Марцеллина показывает, что часть готов Германариха задолго до натиска гуннов осторожно уходит, отделяется (*cautius discedentes*) от основной массы примеотийских готов и подходит к Днестру (*pervenērunt ad amnem Donastium*), размещаясь на Балканах недалеко от готов Атанариха (*Amm. Marc., XXXI, 3, 3*). Именно эту часть готов повел через Истр в Империю в 376 г. Алафей, который был регентом малолетнего короля Витериха. Эти готы были связаны с аланами. Остается по-прежнему неясным, когда и где состоялось их сближение с аланами: на Балканах или еще в Меотиде. Однако регентами Витериха были одновременно гот Алафей и алан Сафрак. В источниках эти *arbitrio regebatur Vithericus Greuthungorum* (опекуны короля грейтунгов Витериха) всегда упоминаются вместе (*Amm. Marc., XXXI, 3, 3; 12, 12; 12, 17*). Кроме того, Иордан называет отцом Витериха Беремуда, в то время как по Аммиану Марцеллину им был Витимир (*Iord., Get., 81, 174; Amm. Marc., XXXI, 3, 3*). Линия родства была бы не так уж существенна, если бы не следующее обстоятельство. Иордан дважды указывает (*Iord., Get., 174, 251*), что Беремуд «пренебрег племенем остготов» из-за гуннов. В противоположность Иордану, Аммиан Марцеллин сообщает, что Витимир опирался на некоторую часть гуннов, даже имел наемников из их среды и воевал с аланами (*Amm. Marc., XXXI, 3, 3*)¹⁶. И тем не менее, объединение Алафея — Сафрака после 376 г. представляло собой смешанную гото-алано-гуннскую массу¹⁷. Вероятно, до гуннского вторжения некоторая часть готов Германариха постепенно продвигалась к Днестру, а уже при первом натиске со стороны гуннов туда же ушел Витимир. Аммиан Марцеллин показал приближение к границам Империи этой «второй волны» примеотийских готов. Возможно, у границ Империи

произошло их слияние, и после 376 г. они уже упоминаются в источниках как объединение Алафея — Саффрака.

Кроме того, в источниках имеются сведения о том, что еще одна часть готов во главе с Винитарием после 376 г. уходит, отделяется от основной массы примеотийских готов, находящихся под властью гуннов (*Iord., Get., 247—249*). Сообщение Иордана о походе готов Винитария ча антов, по мнению Е. Ч. Скржинской, отражает события конца IV в. и показывает стремление готов уйти из-под власти гуннов на запад, к границам Империи¹⁸. Это свидетельство Иордана подтверждается и Зосимом, который отмечает, что в 386 г. к Истру подошли готинги (Γρογγυοις) во главе с Одотеем и просили разрешения у императора Феодосия переправиться через Истр и разместиться в Империи (*Zosim., IV, 33, 35, 38, 39*).

Оставшаяся в Приазовье часть готов во главе с Гезимундом была зависимой от гуннов и появилась на Балканах только вместе с ними. Именно готов Гезимунда, союзников гуннов, закрывавших традиционные пути продвижения на Балканы, и пытались обойти, отходя на запад, готы во главе с Винитарием. Это заставило их проходить по пограничным с антами районам, точнее, вторгнуться на антскую территорию — in Antorum fines (*Iord., Get., 247*). В процессе этого вынужденного продвижения по населенным антами районам и произошли столкновения.

К сожалению, из-за состояния источников точно не определяется характер связей готов с росомонами. Росомоны, видимо, были союзниками готов, причем весьма ненадежными — gens infida (*Iord., Get., 129*). Накануне вторжения гуннов между готами и росомонами возник конфликт. Согласно Иордану, он заключался в том, что вождь росомонов расторг союзные отношения с Германарихом, и за это «коварное отделение» (traudulento discessu) от Германариха страшной казни подверглась жена этого вождя — Сунильда. Ее братья Сар и Аммий отомстили Германариху за смерть сестры, тяжело ранив его в бок (*Iord., Get., 129*). Выяснение достоверности или, наоборот, сомнительности приводимого Иорданом рассказа о конфликте между готами и росомонами во многом зависит от этнической интерпретации росомонов¹⁹.

Таким образом, анализ этнической структуры «государства Германариха» по данным письменных источников позволяет с достаточной определенностью сделать только один вывод: традиционная концепция этнической структуры «государства Германариха» уже не может быть признана адекватной комплексу свидетельств письменных источников об этом «государстве». В то же время современное состояние изучения источников еще не позволяет построить качественно новую и вполне доказуемую концепцию.

Однако в фундамент построения такой концепции уже со значительной уверенностью можно включить следующие положения. «Государство Германариха» не было достаточно целостным образованием в силу отсутствия внутреннего единства среди готских племен. Готы не могли быть связующим центром по отношению к другим племенам. Характер «государства Германариха» и изменения в структуре взаимоотношений готов с другими варварскими племенами становятся более понятными, если, основываясь на анализе письменных источников, особо выделить вопрос об отсутствии прочных внутренних связей среди самих готов и существовании нескольких родовых групп готского племени в Меотиде. Взаимоотношения готов с другими племенами носили, как правило, характер связей отдельных родовых групп. Каждая из этих групп имела свою преимущественную сферу контактов с другими племенами. Особую роль в жизни «государства Германариха» имели контакты различных групп готов с антами, гелурами, росомонами и аланами. Характер этих контактов был более сложен, чем «протекторат» готов. На разных этапах он изменялся от военных союзов до вооруженных столкновений. В то же время взаимоотношения примеотийских готов с племенами Меотиды и Северного Причерноморья носили преимущественно мирный характер.

- ¹ *Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes. Köln; Graz, 1964; *Svennung J.* Jordanes und Scandia. Stockholm, 1967; *Idem.* Scandinavia und Scandia. Lateinisch-nordische Namensstudien. Stockholm, 1967; *Wagner N.* Getica. Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten. Berlin, 1967; *Hachmann R.* Die Goten und Scandinavien. Berlin, 1970; *Wolfram H.* Geschichte der Goten. München, 1979.
- ² *Бромлей Ю. В.* К характеристике понятия этнос.— В кн.: Расы и народы. М., 1971, 1; *Он же.* Опыт типологизации этнических общностей.— СЭ, 1972, 5; *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей.— Вопросы философии, 1964, 11; *Козлов В. И.* Этнос и территория.— СЭ, 1971, 6; *Он же.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса.— СЭ, 1974, 2; *Он же.* Типы этнических процессов и особенности их исторического развития.— Вопросы истории, 1968, 9; *Чистов К. В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры.— СЭ, 1972, 3.
- ³ *Х. Вольфрам* предложил для готов III—IV вв. названия «götmischen Goten», т. е. римские готы, и «hunnischen Goten», т. е. гуннские готы (*Wolfram H.* Geschichte der Goten, S. 18). При этом подразумевается постепенное превращение к V в. «римских готов» в «вестготов» и «гуннских готов» в «остготов». Предложенные *Х. Вольфрамом* термины по содержанию неравнозначны. Более обоснованным материалом письменных источников представляются для готов III—IV вв. названия «придунайские» и «примеотийские». В основе этих названий лежит один и тот же признак — размещение готов в определенном регионе.
- ⁴ *Иордан.* О происхождении и деяниях готов (Getica). Вступит. статья, перев., коммент. *Е. Ч. Скржинской.* М., 1960 (далее везде: *Скржинская.* Иордан), с. 265, 266, коммент. 367.
- ⁵ *Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. Berlin, 1890, I, S. 478, 479; *Bremer O.* Ethnographie der germanischen Stämme.— In: Paul H. Grundriss der germanischen Philologie. Strassburg, 1904, S. 46—59; *Birkhan H.* Germanen und Kelten bis zum Ausgang der Römerzeit.— In: Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil.-hist. Kl., 1970, 272, S. 493, Anm. 1663. Фрагменты сочинения *Питеаса* собраны *Д. Штихтенотом* (*Pytheas von Marseille.* Über das Weltmeer. Die Fragmente überstzt und erläutert von D. Stichtenoth. Köln; Graz, 1959).
- ⁶ *Itinerarium Alexandri et indices.* Ed. C. Müller. Paris, 1846.
- ⁷ *Wolfram H.* Geschichte der Goten, S. 98—102.
- ⁸ *Schramm G.* Die nordöstlichen Eroberungen der Russland-Goten.— In: Frühmittelalterliche Studien, 1974, 8, S. 87, 88.
- ⁹ В литературе неоднократно ставился вопрос о необходимости проводить различие между гелурами из области Меотиды, происхождение которых неясно, и герулами-германцами, размещавшимися в III—IV вв. в Нижнем Подунавье. См.: *Удальцов А. Д.* Основные вопросы этногенеза славян.— СЭ, 1947, 6, 7, с. 12; *Ременников А. М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1954, с. 129; *Шелов Д. Б.* Танаис и нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, с. 303, 304; *Скржинская.* Иордан, с. 266, 267, коммент. 370.
- ¹⁰ Что племя гелуров находилось в поле зрения Дексиппа, отмечено уже в обширном этногеографическом словаре *Стефана Византийского* (VI в.), дошедшем в сокращении, сделанном современником императора *Юстиниана I* *Гермолаем* (*Steph. Byz.*, p. 29).
- ¹¹ См. об этом: *Vetters H.* Sueridas und Colias.— In: Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. Split, 1954/1957, 56/59, S. 127 f.
- ¹² *Е. Ч. Скржинская* переводит «Cedes» как «побойще», «поражение», рассматривая фразу «Гетики» «post Herulorum cede» как указание *Иордана* на нелегкую и значительную победу готов над гелурами (*Скржинская.* Иордан, с. 266, 267, коммент. 370).
- ¹³ *Iord.,* Get., 119. См. также: *Ibidem:* анты «собирались противодействовать» (resistere conabantur); «множество (готов.— *В. Б.*) приближается» (multitudo advenerit).
- ¹⁴ См. об этом: *Скржинская.* Иордан, с. 319—324, коммент. 609—614; *Várady L.* Das letzte Jahrhundert Pannonien (376—476). Budapest, 1969, S. 20—24; *Wolfram H.* Geschichte der Goten, S. 308—321; *Rosenfeld H.* Ost- und Westgoten.— In: Die Welt als Geschichte. Stuttgart, 1957, 4, S. 247—250.
- ¹⁵ Подробнее об этом см.: *Буданова В. П.* К вопросу о формировании вестготов и остготов (по данным письменных источников).— В кн.: Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М., 1983.
- ¹⁶ В литературе неоднократно ставился вопрос, с какими гуннами вступили в союз готы *Витимира*. *Ф. Альтхайм* высказал интересное предположение, что союзные готам *Витимира* гунны идентичны хунам *Птолемея* (*Ptol., Geogr.*, III, 5, 25, Χοῦνοι) и что хуны *Птолемея* являлись той небольшой частью гуннов, которая ушла от основной массы и продвинулась в Северное Причерноморье уже во II в. (*Altheim F.* Geschichte der Hunnen. Bd. I. Von den Anfängen bis zum Einbruch in Europe. Berlin, 1959, S. 348, 349). Здесь хуны вступают в союз с аланами, на что указывает еще одно свидетельство *Птолемея* (*Ptol., Geogr.*, III, 5, 10. «Μεταξὺ δὲ Βαστερῶν καὶ Ρωξολανῶν Χοῦνοι между бастарнами и роксоланами живут хуны»). Следуя за *Ф. Альтхаймом*, *Л. Варади* предположил, что хуны оказались союзниками готов *Витимира* случайно, невольно, так как через об-

ласти их расселения лежал проход гуннов и аланов-танайтов к готам Витимира, а с последними хунов связывали дружеские отношения (*Várady L. Das letzte Jahrhundert Pannoniens...*, S. 22—24, Anm. 9). А. Д. Удальцов полагает, что хуны Птолемея относятся к алано-сарматским племенам, локализуемым во II в. н. э., вероятно, между нижним Днестром и нижним Днепром (*Удальцов А. Д. Племена Европейской Сарматии II в. н. э.*— СЭ, 1946, 2, с. 46).

¹⁷ Аммиан Марцелин при описании группы Алафея — Сафрака чаще всего употребляет глагол «*permiscere*» (смешивать, присоединять) или прилагательное «*permixtus*» (смешанный): «*manu permixta*» — «смешанный отряд». «*At Gothi Hunnis Halanisque*

permixta» — «к готам присоединились гунны и аланы» (*Амм. Марс.*, XXXI, 12, 17; 16, 3).

¹⁸ *Скржинская*. Иордан, с. 319, 320, комментарий. 609.

¹⁹ Детальный анализ историографии этого вопроса см.: *Скржинская*. Иордан, с. 279, 280, комментарий. 389; *Várady L. Das letzte Jahrhundert Pannoniens...*, S. 217, 218; *Wolfram H. Geschichte der Goten*, S. 29, 30, Anm. 34—37, S. 100—102; *Wagner N. Getica*, S. 20—29; *Idem. Germanische Namengebund und kirchliches Recht in der Amaler-Stammtafel*.— In: *Zeitschrift für deutsches Altertum*, 1970, N 99, 15; *Gschwanler O. Zum Namen der Rosomonen und an. Jonakr.*— *Die Sprache*, 1971, 17, S. 164—176.

Л. В. ВАКУЛЕНКО, О. М. ПРИХОДНЮК

РОЛЬ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ДРЕВНОСТЕЙ СРЕДНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ

Одним из важнейших вопросов этногенеза славян Восточной Европы остается проблема соотношения черняховских и раннесредневековых славянских древностей. Поскольку черняховская культура занимала обширную территорию и была сложной в этническом отношении, при изучении ее судеб и наследия в последующих раннесредневековых культурах первостепенное значение приобретают археологические материалы с узколокальных территорий. Интересные материалы получены при раскопках черняховского и раннесредневекового поселений в окрестностях с. Сокол Каменеца-Подольского р-на Хмельницкой обл. Здесь в урочище Острова исследованы 12 жилищ, 27 хозяйственных и производственных сооружений, 24 ямы, шесть очагов и печей, относящихся к черняховской культуре, а на соседнем поселении Лука Каветчинская — 27 жилищ, 10 хозяйственных сооружений, 32 хозяйственные ямы, пять очагов и печей раннесредневекового времени.

По комплексу находок и некоторым особенностям домостроительства жилища Луки Каветчинской делятся на две хронологические группы. К первой, более ранней, относятся полуземлянки 2, 4, 5, 7, 9, 13, 15, 18, 19, 22—26, 28, 29, в заполнении которых найдены раннепражский материал с фрагментами круговой керамики черняховского облика. Жилища первой группы отличаются неоднородностью конструктивных деталей и внутренней планировки. Среди них — четыре большие полуземлянки прямоугольной формы площадью от 17 до 24 кв. м. В таких жилищах, кроме печей-каменок, расположенных в восточном углу, встречены глинобитные очаги или вторая печь-каменка. Кроме того, к жилищам первой группы относятся две небольшие прямоугольные полуземлянки с печами-каменками, стоявшими под стенкой на некотором расстоянии от угла, а также маленькая квадратная постройка площадью около 5 кв. м, в которой небольшая печь находилась не в восточном, а в северном углу. Остальные жилища первой группы, как и полуземлянки второй хронологической группы, были квадратными сооружениями площадью от 7 до 16 кв. м, ориентированными углами по сторонам света, с печами-каменками в восточном углу. Для жилищ первой группы более характерны каркасные стены припечные и хозяйственные ямы.

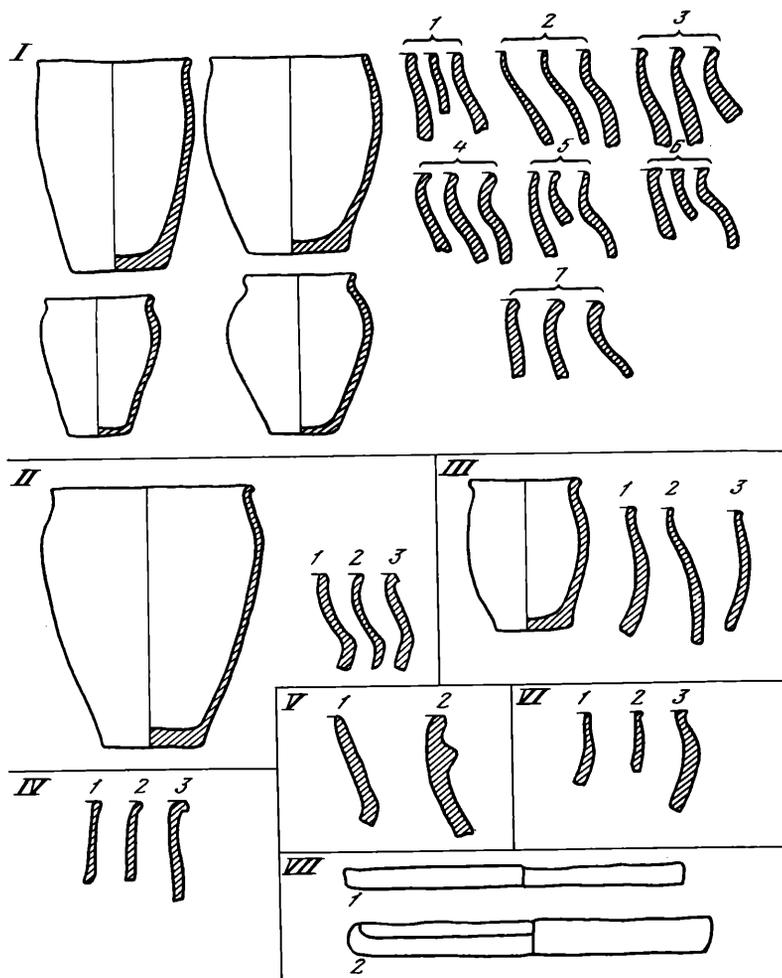
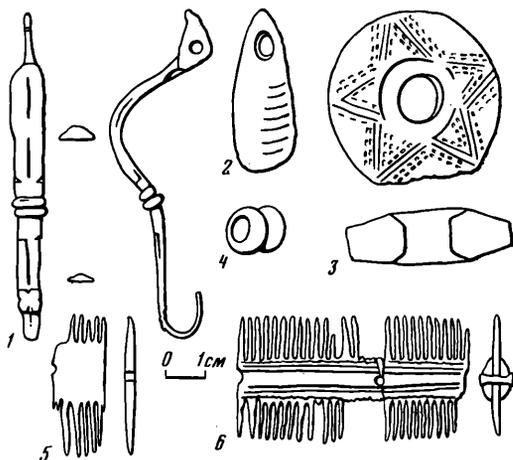

Рис. 1. Лепная раннесредневековая керамика из Луки Каветчинской (римскими цифрами обозначены типы, арабскими — варианты)

Среди находок в Луке Каветчинской наиболее полно представлена лепная керамика. Это кухонные горшки средних размеров, реже — миски и сковородки. Посуда изготовлена из плотной глины, сравнительно хорошо обожжена, ее поверхность сглажена, иногда бугриста от выступающих зерен шамота — наиболее частой примеси в керамической массе. Сосуды преимущественно не орнаментированы. Единичные фрагменты украшены грубыми насечками по краю округленного венчика, «волной» на тулове, крестиками и т. п. Лепную керамику можно подразделить на семь типов. Первый тип — сосуды средних размеров, вытянутых пропорций, с максимальным расширением тулова в верхней трети высоты и суженной нижней частью; округленные плечики более или менее выражены, венчик вертикальный или отогнут наружу (рис. 1, I). Второй тип — посуда стройных пропорций; на верхней, наиболее расширенной части имеется ребро (рис. 1, II). Третий тип — округлобокие горшки с наибольшим расширением посередине тулова и с суженной верхней и нижней частями (рис. 1, III). Четвертый тип — слабопрофилированные сосуды с открытой горловиной; верхняя часть почти цилиндрическая (рис. 1, IV). Пятый тип — горшки биконической формы, иногда с треугольным в сечении валиком под венчиком (рис. 1, V). Шестой тип — миски (рис. 1, VI). Седьмой тип — диски и сковородки (рис. 1, VII). Интересную закономерность удалось проследить в распределении типов керамики в закрытых комплексах полуземляночных жилищ (табл. 1). Оказалось, что в жилищах, где найдены черепки черняховской

Рис. 2. Находки из раннесредневекового поселения Лука Каветчинская

1 — железная фибула; 2 — раковина-амулет; 3 — гончарное пряслице; 4 — стеклянная бусина; 5, 6 — фрагменты костяных гребней

узкая подвижная ножка которой украшены «полями», фасетировками и насечками (рис. 2, 1). Такие фибулы датируются V в. н. э.¹ Этот комплекс датирован V в. н. э. (геомагнитный метод; О. М. Русаков, Г. Ф. Загний). Таким образом, концом V в. н. э. определяется нижняя дата существования построек второй группы. Верхняя дата, при отсутствии узкодатирующих вещей, определяется общей хронологией пражско-корчакских древностей Среднего Поднестровья — это середина VII в. н. э.² О сравнительной длительности второй группы могут свидетельствовать и заброшенные в период существования поселения полуземлянки 1, 10, 11, 21, в которых найдена керамика второго комплекса.

Определяя хронологию первой, ранней группы построек Луки Каветчинской, следует иметь в виду, что в постройках с первым керамическим комплексом преобладала керамика пражско-корчакского облика. Очевидно, эта группа по времени близка ко второй, хронологически смыкаясь с ней, что, по нашему мнению, позволяет верхнюю дату построек первой группы относить к концу V в. н. э. С другой стороны, первый керамический комплекс включает черняховскую гончарную керамику и лепную посуду второго и третьего типов, близкую к соответствующим формам черняховской лепной керамики. На дату ранней стадии существования поселения указывают находки стеклянной спаренной бусины того типа, который поступал на территорию Европы во II—IV вв.³, и таких вещей черняховского облика, как подвеска из серебряной римской монеты императора Адриана, подвеска из морской раковины, гончарное с лощением пряслице серого цвета и др. (рис. 2, 2—4). В постройках первой хронологической группы найдены фрагменты узкогорлых амфор удлиненных пропорций, поверхность которых покрыта густыми горизонтальными рифлениями. Дата их — IV—VI вв.⁴ Здесь же обнаружены фрагменты костяных трехчастных двусторонних гребней прямоугольной формы (рис. 2, 5, 6), часто встречающихся в комплексах V в. н. э. в Подунавье и на примыкающих территориях Карпатской котловины⁵. Исходя из этого, начало жизни на поселении в Луке Каветчинской следует относить ко второй четверти или середине V в. н. э. Более раннее время его существования исключается, так как к первой половине V в. н. э. в Среднем Поднестровье относятся черняховские памятники с типичным только для них археологическим материалом.

Итак, первую фазу жизни на поселении Лука Каветчинская мы датируем временем между второй четвертью или серединой и концом V в. н. э., вторую — между концом V — серединой VII в. н. э. Поскольку сопоставление черняховских и раннесредневековых славянских памятников обычно затрудняется хронологическим разрывом между ними, то ранние материалы из Луки Каветчинской приобретают первостепенное значение. Если учесть, что отдельные черняховские поселения в Среднем Поднестровье доживают почти до середины V в. н. э.⁶, то сопоставление этих древностей приобретает убедительность.

В этом отношении важны результаты металлографического анализа кузнечных изделий из Луки Каветчинской, проведенного Г. А. Вознесенской. Большая часть железных изделий изготовлена свободной кузнеч-

ной ковкой без дополнительных технологических приемов. Исходным материалом служили кричное железо и неравномерно углеродистая сталь. Такие материалы и технология обычны для раннесредневекового кузнечного производства славян. Однако среди предметов из ранних комплексов почти 30% составляют изделия из закаленной твердой стали, для получения которой требовалась дополнительная цементация. Обращает на себя внимание относительная насыщенность кузнечными изделиями жилища 26, где кроме трех предметов, изготовленных из хорошей стали и закаленных, найден стальной инструмент, инкрустированный медным сплавом. Инкрустация исполнена технически безукоризненно. Интересна также технология изготовления наконечника копья с применением поверхностной цементации пера и последующего его закалывания. По уровню микротвердости (1290—1530 кг/кв. мм) из общей схемы выделяется также игла фибулы.

Сравнительно большое количество изделий, откованных из твердой стали и закаленных, применение поверхностной цементации с закалыванием, инкрустации изделий медным сплавом являются существенным звеном в системе признаков, сближающих материалы ранних комплексов Луки Каветчинской с черняховской культурой. Все эти признаки не характерны для раннесредневекового кузнечного производства славян, но типичны для провинциально-римской кузнечной технологии.

Признаки, сближающие раннесредневековые и черняховские древности Среднего Поднестровья, наблюдаются и в других материалах поселений Острова и Лука Каветчинская. В первую очередь это касается жилищ (рис. 3, 1—6). Так, черняховская полуземлянка 9 на поселении Острова по размерам, ямкам от вертикальных опор стен, форме и наличию печи-каменки и некоторым другим признакам очень близка к квадратным жилищам 5, 13, 25, 29 Луки Каветчинской. Квадратные полуземлянки с печами-каменками 1, 2, 12, 14, 25, 31 из Острова можно считать прототипами жилищ, преобладавших в Луке Каветчинской. Черняховские полуземлянки этого типа отличаются от славянских лишь меньшими размерами печей-каменок, которые сооружались из мелких необработанных камней. В жилище 9 на поселении Острова печь была сооружена из поставленных на ребро и обложенных камнями известняковых плит. В Луке Каветчинской печи из жилищ 2, 3, 6, 8, 10—12 также были обложены каменными плитами.

Важным и наиболее массовым материалом, свидетельствующим о связях между черняховскими и раннесредневековыми древностями в Среднем Поднестровье, является керамика. В постройках первой группы Луки Каветчинской найдены обломки гончарных сосудов черняховского облика, что прямо свидетельствует о связях между раннесредневековыми и черняховскими древностями. Такая керамика обнаружена и на других славянских памятниках Среднего Поднестровья⁷. Сравнительный анализ лепной черняховской керамики из Острова и раннесредневекового керамического комплекса из Луки Каветчинской также обнаруживает много общих черт. Это касается ручной лепки сосудов, примесей шамота в глиняном тесте, обжига, отдельных форм и оформления верхней части сосудов. Некоторые отличия прослеживаются в пропорциях горшков: черняховские горшки более толстостенны, среди них больше округлобочных форм с расширением в средней части высоты. Общность между ними прослеживается в профилировке верхней части и оформлении края венчика. Особенно это касается первого типа раннесредневековой (рис. 1, I, 1—7) и черняховской (рис. 4, I, 1—8) керамики. В обоих керамических комплексах присутствуют горшки с горизонтально (рис. 1, I, 1; 4, I, 1) и косо (рис. 1, I, 3; 4, I, 2) срезанным венчиком, с округлением (рис. 1, I, 4; 4, I, 3) и с округлением с утолщением (рис. 1, I, 7; 4, I, 5) или с утончением (рис. 1, I, 2; 4, I, 4) по краю, с горизонтально срезанным и оттянутым краем (рис. 1, I, 6; 4, I, 8). Горшки второго типа из Луки Каветчинской (рис. 1, II) и из Острова (рис. 4, II) сближает ребро на верхней, наиболее широкой части изде-

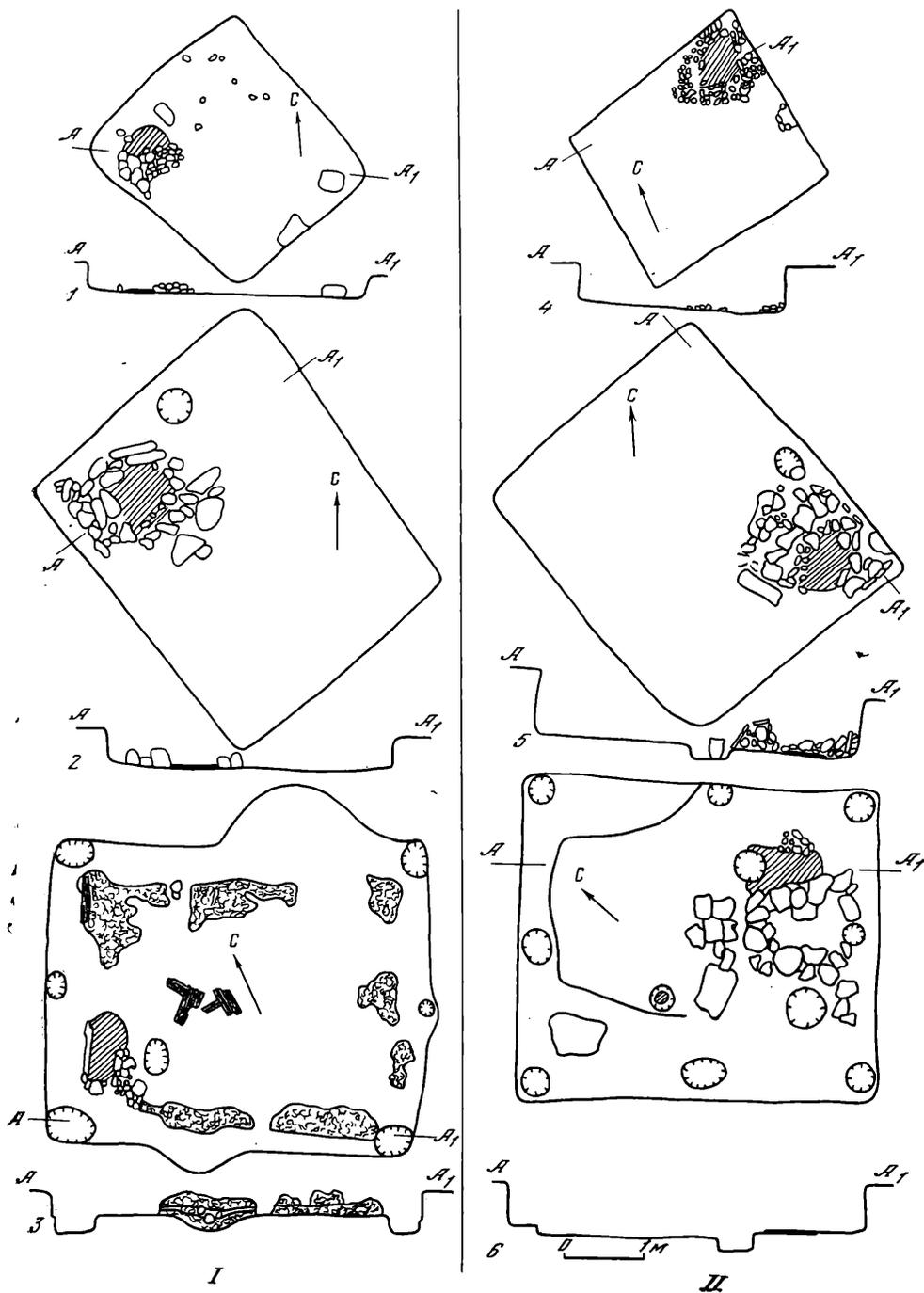

Рис. 3. Сравнительная таблица черняховских (I) и раннесредневековых (II) полуземлянок из поселений Острова и Лука Каветчинская

1—3 — поселение Острова, жилища 1, 2 и 9; 4—6 — поселение Лука Каветчинская, жилища 24, 2 и 13

лий. В обоих керамических комплексах есть округлобокие слабопрофилированные сосуды с расширением на середине высоты (рис. 1, III; 4, I, б). Встреченные лишь в объектах первой группы Луки Каветчинской горшки второго типа отличаются толстостенностью, что является еще одним признаком, роднящим их с аналогичными черняховскими формами. Посуда четвертого типа с загнутым внутрь венчиком из Острова (рис. 4, IV) имеет единичные аналогии среди керамического материала Луки

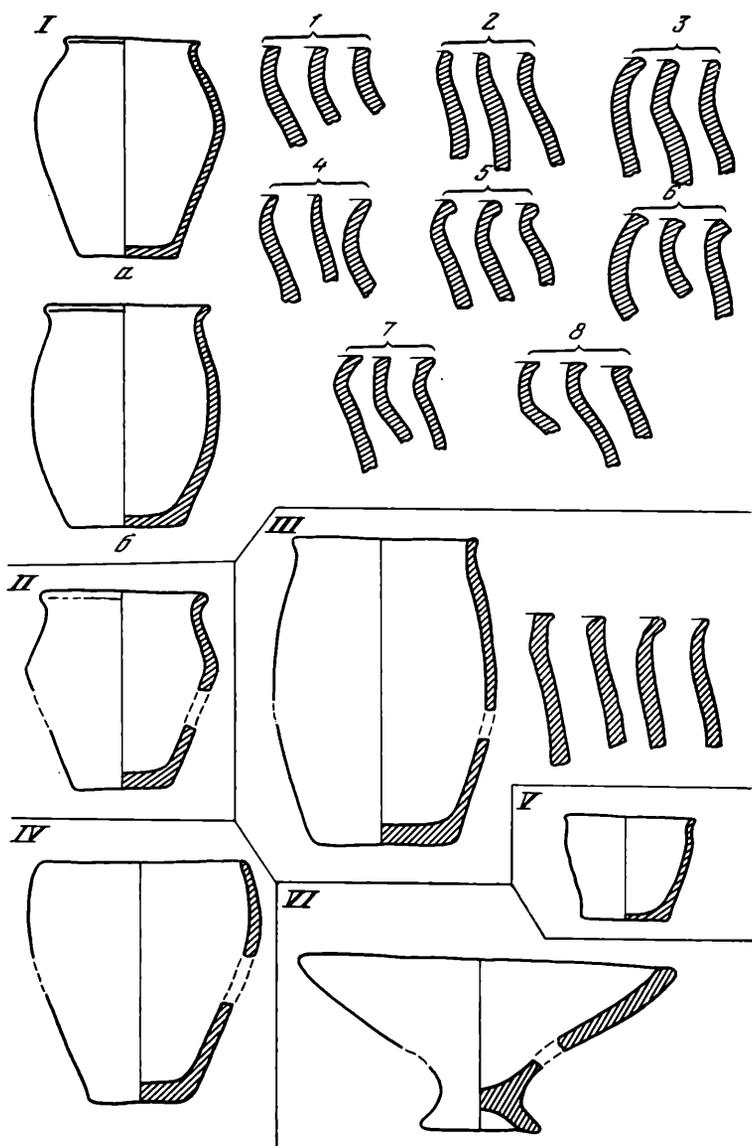

Рис. 4. Лепная черняховская керамика из поселения Острова (римскими цифрами обозначены типы, арабскими — варианты)

Каветчинской. В то же время керамический материал из Острова имеет близкие аналогии на черняховских памятниках Верхнего Поднестровья и Западного Побужья⁸.

Сравнительный анализ черняховских и раннесредневековых славянских древностей, исследованных в окрестностях с. Сокол на среднем Днестре, показал, что последние сформировались на базе черняховских памятников при влиянии со стороны синхронных пражско-корчакских, а также и пеньковских древностей. Фрагменты гочарных сосудов черняховского облика, оттянутый край венчика на отдельных горшках, лепные толстостенные сосуды с округлым туловом и сосуды с ребром в верхней, наиболее расширенной части — это формы и элементы, которые наряду с домостроительством и технологией кузнечного производства связывают археологический комплекс Луки Каветчинской с черняховской культурой. Влияния со стороны носителей пражско-корчакской культуры прослеживаются в горшках стройных пропорций с максимальным расширением в верхней трети высоты, а пеньковские влияния — в биконических, цилиндроконических формах и мисках с простым профилем.

- ¹ *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР.—САИ, 1966, вып. Д4-30, с. 60—67; *Peschek Ch.* Zur Südausbreitung der Fibel mit ungeschlagenem Fuss.—PZ, 1953, XXXIV/XXXV, 2, S. 255, 256.
- ² *Приходнюк О. М.* Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. е.). Київ, 1975, с. 45.
- ³ *Michelbertas M.* Prekybiniai rišiai su Romos Imperija.—In: Lietuvos Gyventoji Prekybiniai rišiai I—XIII-a. Vilnius, 1972, s. 38—39, pav. 12, 5.
- ⁴ *Preda C. Callatis* (Necropola romano-bizantină). București, 1980, p. 28.
- ⁵ *Tejral J.* Volkervanderungszeitliches Grabfeld bei Viskov (Mähren). Praha, 1974; *Točik A.* Nove nalezky z dobi stacovenia narodov na Juhozapadnem Slovenscu. Nitra, 1962, s. 9; *Kraskovska L.* Hrobi z dobi stachovania narodov na Zitnom Ostrove.—AR, 1951, III; *Budin-ski-Kricka V.* Prehistoricke a ranodejnine nalezky v Leviciach.—AR, 1950, II.
- ⁶ *Вакуленко Л. В.* К вопросу о формировании славянских древностей Поднепровья.—Тезисы докладов Советской делегации на IV Международном конгрессе по славянской археологии. М., 1980, с. 61; *Баран В. Д.* Черняхівська культура. Київ, 1981, с. 148, 149.
- ⁷ *Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972, с. 182; *Приходнюк О. М.* Слов'яни на Поділлі, с. 35, рис. 16, 1—12.
- ⁸ *Баран В. Д.* Ранні слов'яни..., с. 104, рис. 24.

И. С. ВИНОКУР

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ И ЕЕ ТРАДИЦИИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ ДРЕВНОСТЯХ

В лесостепной полосе правобережной Украины сосредоточена основная масса черняховских памятников, которые дают ясное представление о комплексе черт, характерных для материальной и духовной культуры оставившего их населения. Здесь в последние годы изучены и многие славянские памятники V—VII вв., что позволяет сопоставить топографию и основные признаки материальной культуры черняховских и раннесредневековых славянских древностей.

По топографии черняховские и раннесредневековые славянские поселения рассматриваемой территории, как правило, совпадают. Они занимают в основном первые надпойменные террасы Днепра, Южного Буга, Днестра, Буга и их притоков. Такое расположение связано, видимо, с древней традицией, вытекающей из оседлого земледельческого хозяйства населения. Именно на первых надпойменных террасах плодородные почвы давали возможность развивать пашенное земледелие и скотоводство. Вблизи селищ находятся обычно и источники питьевой воды.

На черняховских поселениях лесостепи параллельно существовали наземные и полуземляночные каркасные жилища, что зафиксировано для ряда памятников: Лука Врублевская, Бакота, Бернашовка, Сокол, Комаров, Ружичанка, Пряжек, Леськи и др. Для славян V—VII вв. наиболее распространенным типом жилища считается полуземлянка: Корчак, Бакота, Городок, Лука Каветчинская, Рашков, Теремцы, Кодын, Журавка и др. Однако в Бакоте, Городке, Соколе, Теремцах и других раннеславянских селищах пол полуземляночных построек опущен в грунт всего на 0,3—0,45 м. Это сближает указанные постройки с наземными черняховскими сооружениями. На некоторых раннесредневековых славянских поселениях наряду с полуземляночными зафиксированы и отдельные наземные сооружения (Городок, Бакота)¹.

Полуземлянки черняховской культуры находят типологическое продолжение в таких же постройках V—VII вв. Особенно четко прослежено продолжение черняховских традиций в домостроительстве того времени в Среднем Поднепровье. Здесь на черняховских поселениях открыты полуземлянки со столбовой и срубной конструкцией стен, печами-камен-

ками, глинобитными печами и очагами, характерные и для славянских памятников. На материалах селищ Бакота и Теремцы удалось проследить эволюцию черняховской полуземлянки с печью-каменкой². В Бакоте, например, зафиксированы полуземлянки, в которых можно проследить переход от очагов, сложенных из крупного рваного камня, к печам-каменкам. Здесь еще в материалах черняховского домостроительства возникает традиция устройства печи-каменки, которая позже, в V—VII вв., становится типичной для жилищ раннесредневековых славян Юго-Восточной Европы. В Среднем Поднестровье и Прикарпатье в последние годы исследованы полуземлянки с печами-каменками, которые хорошо датированы найденными на полу построек и у печей фибулами конца IV — первой половины и середины V в. н. э. (Бакота, Теремцы, Кодын, Лука Каветчинская). Очевидно, традиция сооружать такие жилища, характерная для раннесредневекового славянского населения, зародилась и развивалась в среде носителей черняховской культуры лесостепи.

Квадратные и прямоугольные черняховские жилища-полуземлянки в лесостепи правобережной Украины содержат в керамическом комплексе наряду с гончарной посудой и значительное количество лепной керамики, имеющей типологическое продолжение на наиболее ранних славянских поселениях середины I тысячелетия н. э. (Рипнев, Черепин, Сокол, Бакота, Теремцы, Журавка и т. п.). Аналогичные наблюдения сделаны в Прикарпатье (Рогизна, Кодын II, Гореча). Наибольший интерес представляют лепные горшки, среди которых можно выделить три группы. К первой группе относятся горшки с прямым или слегка вогнутым внутрь венчиком (Волинь, Верхнее и Среднее Поднестровье). По форме они находят дальнейшее развитие в горшках корчакского типа. Вторую группу составляют горшки биконической формы с прямым или слегка отогнутым венчиком (Волинь, Подолия, правобережное Поднепровье), типологически продолжающиеся в керамике пеньковского типа. К третьей группе относятся выпуклобокие сосуды с отогнутым венчиком, значительно реже встречающиеся среди лепной славянской керамики V—VII вв., очевидно, утратившие свое значение вместе с завершением черняховского гончарного производства.

Таким образом, в лепной керамике черняховских памятников лесостепи правобережной Украины фиксируются исходные формы горшков (первая и вторая группы), которые нашли дальнейшее развитие в корчакском и пеньковском типах сосудов V—VII вв. (Ружичанка, Косаново, Ридкодубы, Заячівка, Лука Врублевецкая, Иванковцы, Раковец, Бакота, Деревянное, Лепесовка, Пряжев, Слободище, Маркуши, Рыжевка, Черняхов).

В середине I тысячелетия н. э. в материальной культуре Центральной и Юго-Восточной Европы произошли значительные перемены, обусловленные социально-экономическими и военно-политическими факторами. Социально-экономическое развитие населения лесостепи правобережной Украины, а также гуннское и аварское нашествие определенным образом повлияли на культуру различных европейских племен. Особенно ощутимо это проявилось в массовом археологическом материале — керамике. В зоне продвижения гуннов (степь, южные районы лесостепи) в связи с прекращением на некоторое время гончарного производства массовая керамика стала более архаичной, в лепной посуде появились формы, которые были известны уже в черняховское время. Это хорошо прослеживается при сопоставлении лепной посуды черняховских памятников и памятников славян V—VII вв.

В лесостепной полосе правобережной Украины были, однако, и такие районы, где гончарный круг не исчез полностью и в эпоху гуннских экспансий. Это территории, лежавшие в стороне от путей продвижения кочевых орд, например Среднее и Верхнее Поднестровье. Здесь выявлена группа поздних черняховских поселений (Бакота, Устье, Сокол, Лука Каветчинская, Теремцы, Рашков II, Рипнев и др.)³, на которых сосуществовали черняховские гончарные и лепные формы. Формы этой

лешной посуды близки раннесредневековой славянской керамике и рассматриваются исследователями как ее прототипы⁴.

Преемственность между черняховским и послечерняховским, раннесредневековым, этапом истории населения лесостепи правобережной Украины прослеживается и по материалам могильников. Обряд трупосожжения был унаследован черняховскими племенами от предшественников — носителей зарубинецкой, пшеворской и гето-фракийской культур. Различные варианты или типы трупосожжений (урновые и без урн, ямные с вещами и без вещевого инвентаря) были характерны уже для древностей рубежа и первых веков нашей эры. Обряд трупосожжения в различных проявлениях был воспринят и соответствующим образом переработан черняховским населением. Под воздействием сарматской культуры и традиций раннего христианства черняховские племена наряду с трупосожжением восприняли и обряд трупоположения⁵. Напомним, что в некоторых зарубинецких могильниках наряду с кремацией были открыты и отдельные трупоположения⁶. Пережитки обряда кремации четко прослеживаются и в некоторых деталях черняховских трупоположений: угольки и зола, которыми посыпали умерших, зафиксированы в черняховских могильниках лесостепной полосы правобережной Украины (Раковец, Ружичанка, Косаново, Чернелив-Русский и др.). Эта традиция была затем воспринята славянским населением V—VII вв. И в черняховских трупосожжениях, и в трупосожжениях раннесредневековых славян удается уловить и такие общие детали, как остатки тризны. Эта важная этнографическая черта сохраняется и в погребальной обрядности древнерусского населения IX—X вв.⁷

Для выяснения исторических связей черняховских древностей и славянских памятников середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. большое значение имеют антропоморфные языческие каменные изваяния из капищ-жертвенников на черняховских поселениях и селищах V—VII вв. Языческие верования и обряды, будучи довольно консервативными, своеобразно отражаются в материальной и духовной культуре⁸. На черняховских селищах Среднего Поднестровья и междуречья Днестра — Южного Буга открыт ряд капищ-жертвенников с каменными антропоморфными идолами (Иванковцы, Ставчаны, Бакота, Калюс, Кременная и др.). Антропоморфные каменные идолы черняховского земледельческого населения составляют единую группу⁹, находящую типологическое продолжение в каменных изваяниях раннесредневековых славян (Юрковцы, Ржавенцы, Ягнятин). Весь этот типологический ряд завершается известным збручским Святовитом IX—X вв. Указанная сторона материальной и духовной культуры I тысячелетия н. э. ярко свидетельствует о преемственности традиций черняховского и славянского населения лесостепной полосы правобережной Украины.

В связи с изучением вопроса об исторических судьбах черняховской культуры следует упомянуть о статье И. Вернера¹⁰, выводы которой относительно истории лесостепного населения первой и второй половины I тысячелетия н. э., по нашему мнению, сделаны без достаточных на то оснований. И. Вернер утверждает, что черняховская культура целиком германская (готская). Около 400 г. н. э. готы — черняховцы, по мнению И. Вернера, — покинули земли современной Украины, и сюда около 500 г. н. э. пришли славяне из более северных областей. Основные исторические выводы автор базирует главным образом на фибулах. По его мнению, смена фибул одних типов (арбалетовидных) другими (пальчатými) означает и резкую смену населения на землях Юго-Восточной Европы. Такая позиция, как нам представляется, методически вряд ли оправдана. Против нее говорит и приведенный выше материал.

К мнению И. Вернера присоединился М. Б. Щукин¹¹. Он полагает, что проблемы истории раннесредневековых славян могут быть решены при археологическом заполнении «белого пятна» на Волини и в Полесье и говорит об отсутствии славянских памятников второй половины V — первой половины VI в.¹² Но такие памятники известны: это Устье,

Бакота — комплексы V—VI вв., Кодын, Теремцы, Глубокое, Рипнев II, Рапков II, Лука Каветчинская, Сокол и др.

Говоря об истории славянских племен первой половины I тысячелетия н. э., Д. А. Мачинский отмечает, что «единственным археологическим признаком... венетов является отсутствие археологических памятников в зоне их обитания»¹³. Таким образом, он присоединяется к гипотезе о «белом пятне» на Волыни и в Полесье. Думается, что историю ранних славян лучше изучать на основе серии конкретных памятников восточно-пшеворской, зарубинецкой и черняховской культур в лесостепи при учете, естественно, гето-фракийского окружения в Днестро-Дунайском междуречье, а также инфильтрации со стороны сарматских и гето-гепидских племен¹⁴.

Гипотезу об отсутствии славянских памятников до VI в. н. э. на территории лесостепного Днестро-Днепровского междуречья поддержала и И. П. Русанова, которая полагает, что славянская культура пражского типа сложилась в Центральной Европе, а затем в процессе расселения носители этой культуры проникли и на земли правобережной Украины¹⁵. Такая постановка вопроса, по нашему мнению, неправомерна, так как не подтверждается конкретными археологическими материалами. В лесостепной полосе правобережной Украины представлены памятники, которые можно рассматривать как типологическую основу культуры пражского типа. Кроме того, следует иметь в виду и другие (наряду с пражской) группы славянских памятников середины I тысячелетия н. э. (памятники типа Пеньковки и Колочина, древности киевского типа и т. п.).

Мы полагаем, что черняховскую культуру, охватывавшую на большом пространстве разные племена, в зоне лесостепи правобережной Украины представляло оседлое славянское население. Эту точку зрения в известной мере поддержал В. В. Седов¹⁶. В свете сказанного альтернативное решение вопросов этногенеза, которое предлагает М. Ю. Брайтчевский¹⁷ — славяне (анты) или германцы (готы, гепиды и др.), — по нашему мнению, не может быть принято.

Для определения места черняховских племен лесостепи в историческом процессе, протекавшем на юго-востоке Европы в I тысячелетии н. э., кроме приведенных выше сопоставлений черняховских и послечерняховских памятников, необходимо помнить и об исторической перспективе. Анализ письменных источников вместе с данными археологии, исторической географии и лингвистики позволяет считать, что в лесостепной полосе правобережной Украины в первой половине и середине I тысячелетия н. э. доминирующее положение занимали славянские племена. При этом, естественно, следует учитывать специфику исторического развития материальной и духовной культуры в конкретных условиях первой половины, середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. Речь идет о несомненной архаизации культуры Юго-Восточной Европы в середине I тысячелетия н. э. после нашествия гуннов и прекращения активных экономических и культурных связей с Причерноморьем и римскими провинциями, а также после нашествия авар, нанесших значительный урон славянам.

¹ Приходнюк О. М. Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. е.). Київ, 1975, с. 25, 27.

² Винокур И. С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е. Київ, 1972, с. 54, рис. 21; Баран В. Д. Черняхівська культура. Київ, 1981, с. 147, 148.

³ Винокур И. С. История и культура черняховских племен лесостепного Днестро-Днепровского междуречья. Автореф. докт. дис. Киев, 1978, с. 26—28.

⁴ Баран В. Д. Черняхівська культура, с. 75—85.

⁵ Федоров Г. Б. О двух обрядах погре-

бления в черняховской культуре.— СА, 1958, 3, с. 234—244.

⁶ Самойловский И. М. Корчеватовский могильник.— МИА, 1959, 70, с. 68, 69; Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972, с. 30, 33, 103, 104.

⁷ Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 43, 44.

⁸ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981, с. 8—96.

⁹ Винокур И. С. Языческие изваяния Среднего Поднепровья.— МИА, 1967, 139, с. 136—144.

¹⁰ Вернер И. К происхождению и рас-

- пространению антов и склавенов.— СА, 1972, 4, с. 102—115.
- ¹¹ *Щукин М. Б.* О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян.— СА, 1975, 4.
- ¹² *Щукин М. Б.* Археологические данные о славянах II—IV вв.— АСГЭ, 1976, 17, с. 78.
- ¹³ *Мачинский Д. А.* К вопросу о территории обитания славян в I—VI вв.— АСГЭ, 1976, 17, с. 94.
- ¹⁴ *Винокур И. С.* История та культура черняхівських племен..., с. 143—161.
- ¹⁵ *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв., с. 196—215.
- ¹⁶ *Седов В. В.* Формирование славянского населения Среднего Поднепровья.— СА, 1972, 4, с. 124—126.
- ¹⁷ *Брайчевский М. Ю.* Проблемы изучения черняховской культуры.— Археологія, Київ, 1971, 3, с. 100.

А. И. ЖУРКО

К ВОПРОСУ ОБ УГЛУБЛЕННЫХ ЖИЛИЩАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Жилища служат важным показателем этнических и социальных отношений. Истоки и исторические судьбы черняховского домостроительства прослежены далеко не полно.

В черняховской культуре известны наземные и углубленные жилища. В плане исследования преемственности домостроительства на протяжении I тысячелетия н. э. наибольший интерес представляют углубленные постройки, которые можно разделить на полуземлянки и землянки. В основу такого деления положен предложенный Э. А. Рикманом и И. Йонице антропометрический принцип¹: полуземлянки — жилища, пол которых врезан в почву на половину человеческого роста; землянки — сооружения, углубленные в рост человека и больше. Среди углубленных в землю жилищ на черняховских памятниках преобладают полуземлянки. Из учтенных нами 272 построек в 220 случаях пол был врезан в землю на 0,7—1,5 м от уровня современной поверхности. Учитывая, что уровень зачистки от дневного горизонта составляет, как правило, 0,3—0,5 м, глубина таких построек колебалась в древности от 0,4 до 0,8—1 м, что в основном соответствует половине человеческого роста. В 52 углубленных жилищах пол находился на глубине 1,7—2,8 м от современной поверхности, что соответствует росту человека и превышает его.

Полуземлянки открыты на 72 поселениях. Форма их определена в 191 случае: в плане они прямоугольные (117—53,5%), квадратные (16—7,3%) и овальные (58—26,9%). Остальные имеют неправильные очертания. В Верхнем Поднестровье зафиксировано 12 полуземлянок, в Среднем Поднестровье — 42, в Пруто-Днестровском междуречье — 12, в Карпато-Дунайских землях — 23, в Среднем Поднепровье — 24, в Северо-Западном Причерноморье — четыре (из восьми известных). Очевидно, прямоугольные жилые полуземлянки были наиболее распространены на селищах Среднего Поднестровья, Среднего Поднепровья и в Карпато-Дунайских землях. Полуземлянки квадратной формы обнаружены в Бакоте, Соколе, Теремцах, Луке Врублевцежкой, Бернашовке и Журавке. Овальная форма полуземлянок была наиболее характерной в домостроительстве Верхнего Поднестровья и Пруто-Днестровского междуречья. В остальных регионах постройки такого типа фиксируются редко.

Площадь определена для 207 полуземлянок. В большинстве случаев (183) их размеры составили от 8 до 17 кв. м, 24 полуземлянки имели площадь от 18 до 26 кв. м.

Полуземлянки обычно ориентированы углами или стенами по сторонам света. Наблюдения над ориентировкой построек показывают, что она зависела в первую очередь от местности, на которой возводились дома, а также от хозяйственной деятельности их обитателей.

В полуземлянках, где пол ровный и не утрамбованный, очевидно, применяли соломенное, камышовое или хворостяное покрытие. В отдельных

случаях пол обмазывали глиной. В 22 полуземлянках, чаще всего в Верхнем Поднестровье и Среднем Поднепровье, расчищены пристенные материковые выступы-останцы длиной от 1,7 до 3,3 м и шириной 0,5—0,8 м. Предназначались они, вероятно, для отдыха или домашней работы. В 37 полуземлянках открыты овальные или круглые в плане подпольные ямы хозяйственного назначения. В разрезе они грушевидные или цилиндрические, их диаметр 0,5—1,8 м, глубина — 0,7—2,0 м от уровня пола.

Отопительные устройства в полуземлянках представлены печами и очагами. Они бывают каменными и глинобитными. Отдельную группу составляют очаги в виде сажистых пятен на полу. Печи-каменки известны только в домах Верхнего и Среднего Поднестровья. Они прямоугольные в плане, иногда квадратные, сооружены из мелкого камня без связующего раствора. Глиняные печи выявлены в 40 полуземлянках на 24 поселениях. В плане они овальные. Своеобразны так называемые каменные печи из Журавки, располагавшиеся в специальных нишах, сооруженных в одной из стен полуземлянок. Стенки ниши обмазаны тонким слоем глины и обожжены². В ряде случаев (Никольское, Журавка, Бакота) глиняные печи расположены за пределами жилищ, примыкая к их стенам. Очаги, сложенные из камня, исследованы в 39 жилищах на 17 поселениях. В плане они прямоугольные. Глиняные очаги прослежены в 25 домах на 17 селищах. Их поды вымазаны на полу. Как и каменные очаги, они находились в северной половине или в центре построек. Очаги в виде скопления сажи на обожженном полу обнаружены в 59 жилищах на 38 поселениях. Форма их овальная, наибольший диаметр — 1,1 м. Такие очаги, как правило, находились в жилищах овальной формы.

В 45 постройках расчищены входы в виде материковых ступенек или небольших тамбуров. В преобладающем большинстве построек вход устраивался с солнечной стороны. Не исключено, что многие жилища освещались через двери. В других полуземлянках входом служил специально вырезанный в стене тамбур.

Таким образом, полуземляночные жилища четырехугольной формы на черняховских поселениях преобладали среди углубленных построек. Их площадь в основном составляла 8—18 кв. м, они были опущены в материк на глубину 0,4—0,6 м от уровня древнего горизонта и ориентированы углами по сторонам света. Отапливались такие постройки печами-каменками, глиняными печами, а также каменными очагами. Пол в них ровный и утрамбованный. Срубная конструкция стен может быть увязана только с такими постройками. Глубина полуземляночных жилищ овальной формы составляла 0,6—1 м от уровня древней поверхности, а площадь — 8—15 кв. м. Очаги и в некоторых случаях глиняные печи были в них единственными отопительными устройствами. Печи-каменки здесь не обнаружены. Сооружались такие жилища по каркасно-столбовой схеме.

В конструктивном отношении полуземляночные жилища весьма сходны на всей территории черняховской культуры. Это сходство проявляется в форме, размерах, глубине помещений, в наличии одинаковых или близких отопительных устройств. Могут быть намечены некоторые районы, имеющие определенные особенности в устройстве полуземлянок. Так, для Среднего Поднестровья характерны прямоугольные и квадратные полуземлянки с печами-каменками. На верхнем Днестре преобладают прямоугольные в плане жилища каркасно-столбовой конструкции, отапливаемые глиняными печами и очагами. Жилища Пруто-Днестровского междуречья и Карпато-Дунайских земель отапливались очагами. В Северо-Западном Причерноморье углубленные жилища встречаются в единичных случаях. Их следует рассматривать здесь скорее как исключение.

В ареале черняховской культуры обнаружено 60 землянок на 15 поселениях. Из них восемь — плохой сохранности и слабо документированы, поэтому в работе анализируется 52 землянки. Они выявлены на селищах Среднего и Верхнего Поднестровья и Среднего Поднепровья.

В плане землянки прямоугольные (11—23%), квадратные (6—10%)

и овальные (35—67%). Последние сосредоточены в основном на верхнем Днестре. Прямоугольные и квадратные землянки сооружались на селищах Среднего Поднепровья и Среднего Поднестровья. Большая часть землянок имеет площадь 17—29 кв. м, есть и меньшие, площадью 9—14 кв. м. Землянки Верхнего Поднестровья имеют преимущественно меридиональную ориентировку. Пол, как и в полуземлянках, настилался соломой или камышом. В 12 землянках исследованы подпольные хозяйственные ямы округлой формы диаметром 0,9—1,8 м. В 18 землянках расширены пристенные материковые выступы, аналогичные встреченным в полуземлянках.

В 20 землянках исследованы входы в виде пристенных материковых выступов или, реже, ступенек (землянки 3а, 8, 12 на поселении Рипнев II, 29 в Журавке). Вход находился с южной стороны построек (большинство жилищ поселения Рипнев II, некоторые землянки Журавки, Бургунки, Привольного), иногда у западных стен (дома 6, 7 поселения Черепин, 8а, 17 поселения Рипнев II). Вероятно, в землянках для входа использовались деревянные лестницы и другие приспособления. Отопленные землянок осуществлялись глиняными печами и очагами, причем очаги преобладали. Печи-каменки в землянках не обнаружены. Очаги, сложенные из камня, в рассматриваемых жилищах редки.

Соотношение землянок и полуземлянок на черняховских селищах различно в разных районах. На поселениях Верхнего Поднестровья открыты 31 полуземлянка и 40 землянок, в Среднем Поднестровье выявлены 54 полуземлянки и только три землянки, в Среднем Поднепровье — 58 полуземлянок и 18 землянок, в Пруто-Днестровском междуречье, Карпато-Дунайских землях и Северо-Западном Причерноморье исследованы только полуземлянки. Сочетание полуземлянок и землянок на одних и тех же селищах черняховской культуры (Рипнев II, Бовшев II, Черепин, Ракобуты, Неслухов, Бакота, Лука Врублевская, Комаров, Пряжев, Завадовка, Башмачка, Журавка, Бургунка) характерно для черняховского домостроительства.

Между полуземлянками и землянками прослеживаются черты сходства и различия. Если большинство полуземлянок имело прямоугольную и квадратную форму, то форма большинства землянок овальная. Для полуземлянок наиболее характерна площадь 9—14 кв. м, для землянок — 17—23 кв. м. Полуземлянки отапливались каменными и глиняными печами или такими же очагами. В землянках печи-каменки не обнаружены, немного в них и глиняных печей. Сооружение и размещение отопительных устройств в жилищах обоих видов также разно. Различна и конструктивная схема сооружения полуземлянок и землянок. Если полуземлянки имели каркасно-столбовую или срубную конструкцию, то в землянках применяли двускатное перекрытие, которое удерживалось на деревянной балке, положенной по длинной оси постройки на внутренние деревянные опоры. Стены их обшивали плетнем. Общность полуземлянок и землянок проявляется в наиболее важных конструктивных признаках: форме, размерах, ориентировке и планиграфии, часто в одинаковых отопительных устройствах, подпольных ямах, пристенных материковых выступах-останцах и т. д.

Относительно судеб черняховского домостроительства, связанного с сооружением углубленных в землю построек, мнения исследователей расходятся³. Одни полагают, что прототипы раннеславянских полуземляночных жилищ VI—VII вв. следует искать в черняховском домостроительстве, другие отрицают всякие связи между ними, некоторые исследователи ищут истоки раннеславянского домостроительства в зарубинецких и постзарубинецких древностях. Наконец, существует мнение, согласно которому углубленные постройки черняховских племен не имели на территории Украины ни предшественников, ни наследников.

Попытаемся провести сравнительный анализ черняховских и раннеславянских углубленных жилищ. Типологическую связь между черняховскими и раннеславянскими жилищами определяют следующие при-

знаки: прямоугольная и квадратная форма домов, их размеры, наличие и характер отопительных устройств (печи), их размещение в жилищах.

На 15 раннеславянских селищах Верхнего Поднестровья и юго-западной Волыни открыто и изучено больше 50 жилищ⁴. В постройках 1, 2 поселения Бовшев II, 5, 8, 9, 12 поселения Черепин, 1, 4 поселения Демьянов II удается проследить генетические корни славянского домостроительства VI—VII вв. в черняховских материалах. Что же касается основной массы построек, то выявить в каждом из них типологическую связь с черняховскими жилищами не представляется возможным. По-видимому, черняховское домостроительство Верхнего Поднестровья, сохраняя в общих чертах липицкие традиции, восприняло ряд существенных элементов домостроительства зарубинецких и пшеворских племен, в частности прямоугольную планировку и каменные отопительные устройства. Это привело к тому, что на указанной территории начинают складываться конструктивные элементы более усовершенствованных жилых построек. Жилища овальной формы вытесняются прямоугольными или квадратными, устанавливаются более стабильные площади помещений и глубина их пола. Вместо глиняных очагов и очагов, оставивших следы в виде остатков сажи на обожженном полу, сооружаются каменные и глиняные печи. Эти и другие новшества постепенно приводят к тому, что уже в VI в. н. э. жилища, характерные для черняховской культуры, окончательно сменяются домами нового типа.

В Среднем Поднестровье обнаружено свыше 200 раннеславянских жилищ. Типологические связи между раннеславянскими и черняховскими домами прослеживаются здесь в форме и площади, в сходных отопительных устройствах и их размещении в постройках, глубине помещений, технике возведения стен и крыши. Однако в процессе эволюции в домостроительстве рассматриваемого региона произошли некоторые изменения приведшие к усовершенствованию построек. Так, в славянских полуземлянках исчезают глинобитные печи, меньше встречается в них каменных и глиняных очагов, повсеместно возводятся каменные печи, поставленные в северной половине помещений. Уменьшаются размеры подпольных ям и возрастает объем хозяйственных ям, находящихся за пределами жилищ. Наконец, становится гораздо меньше каркасно-столбовых построек и возрастает количество срубных. Преемственность домостроительных традиций второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. на территории Среднего Поднестровья подтверждается и керамикой, найденной в черняховских жилищах.

Таким образом, результаты исследований В. Д. Барана в Верхнем Поднестровье находят подтверждение и в археологических материалах Среднего Поднестровья. Углубленные жилища черняховской культуры Верхнего и Среднего Поднестровья следует рассматривать как генетическую основу славянского полуземляночного домостроительства VI—VII вв. Это подтверждается и лепной керамикой.

На территории Среднего Поднепровья черняховские древности сменяются памятниками, оставленными ранним населением пеньковской культуры, генетические истоки которой пока спорны. Характер раннепеньковского домостроительства помогают определить раскопки в Дереевке, Гуте-Михайловской, Домагтове, Кочубеевке, Сушках и др.⁵ По конструктивным особенностям пеньковские постройки близки черняховским жилищам из Журавки, Завадовки, Червоной Слободы и др. Они имеют гораздо больше общих черт, нежели различий. Возможно, это свидетельствует, что раннепеньковские жилища создавались при довольно ощутимом влиянии со стороны местного черняховского домостроительства. Однако насколько конструктивные черты последнего отразились на дальнейшей истории раннепеньковских жилищ, судить сегодня трудно.

В черняховском домостроительстве Пруто-Днестровского междуречья и Карпато-Дунайских земель типологические связи со славянскими жилищами VI—VII вв. прослеживаются слабо. Сходные черты пока что тонут в массе различий.

- ¹ Рикман Э. А. Жилище племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья.— В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 53; *Ionițe I. Contribuții cuprindere la cultura Sintana de Mureș-Cerneahov pe teritoriul RSR.*— AM, 1966, IV, p. 168.
- ² Симонович Э. А. Работы на черняховских памятниках в Приднепровье.— КСИА, 1963, 94, с. 83—85.
- ³ Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972, с. 118—120; *Он же.* Черняхівська культура. Київ, 1981, с. 164—177; *Винокур И. С.* Черняховские племена лесостепной полосы правобережья Украины и вопросы этногенеза славян.— Тезисы докладов Советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. М., 1980, с. 9, 10; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 205; *Седов В. В.* Формирование славянского населения Среднего Поднепровья.— СА, 1972, 4, с. 126; *Он же.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 99; *Вернер И. К.* Происхождению и распространению антов и склавенов.— СА, 1972, 4, с. 106; *Симонович Е. О.* Черняхівські племена Подніпров'я (культура і етнос).— Археологія, 1973, 10, с. 13; *Трегьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966, с. 220—230.
- ⁴ Баран В. Д. Ранні слов'яни..., с. 16—32.
- ⁵ Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Придніпров'я. Київ, 1980, с. 126.

Д. Н. КОЗАК

ПОСЕЛЕНИЕ У С. ВЕЛИКАЯ СЛОБОДА

(к вопросу о памятниках вельбарской культуры на Волыни и в Подолии)

В последние десятилетия в западных областях УССР открыт ряд памятников типа Дитиничей—Брест-Трипина, или вельбарской культуры. Эти древности изучены слабо. Отсутствуют четкие критерии в определении их специфических признаков, мало исследованы поселения, недостаточно разработана хронология. Дискутируется проблема соотношения вельбарских и черняховских древностей. Одни исследователи отводят первым определяющую роль в образовании и дальнейшей истории черняховской культуры (Ю. В. Кухаренко), другие полностью ее отрицают (Э. А. Симонович). По мнению В. Д. Барана, вельбарские памятники появились на территории западных областей УССР в период, когда черняховская культура уже сформировалась, а ряд вельбарских элементов в этой последней и смешанные вельбарско-черняховские памятники в междуречье Днепра и Южного Буга являются результатами контактов вельбарского населения с местными племенами в процессе продвижения в Северо-Западное Причерноморье. Одновременно В. Д. Баран допускает участие отдельных вельбарских групп в формировании черняховской культуры¹.

В настоящей статье делается попытка обобщить данные о вельбарской культуре Волыни и Подолии с привлечением новых материалов. При определении культурной принадлежности принимаются во внимание элементы, которые могут отражать культурно-этнографические особенности: лепная керамика, погребальный обряд, домостроительство. Что касается гончарной черняховской керамики, то она имеет в данном случае второстепенное значение, поскольку такой керамикой в III—IV вв. в той или иной мере пользовались многие этнокультурные группы Днестро-Днепровского междуречья, в том числе и вельбарские.

Вельбарские памятники западных областей УССР разделяются на две хронологические группы². В первой из них наиболее выразительны могильники в Любомле, Машеве, поселение в Лепесовке. Время их возникновения определяется последней четвертью II — первой половиной III в. по находкам фибул с широким гребнем и расширенной ножкой (тип 129 по О. Альмгрену) и гребенчатой фибулы с пружиной, прикрытой цилиндрической втулкой (тип 41 по О. Альмгрену). Ко второй группе можно отнести могильник в Дитиничах, поселение в Ромоше и аналогичные па-

мятники Волыни, на которых наиболее ранними датирующими материалами являются подвязные фибулы разных вариантов III—IV вв.

Две хронологические группы вельбарских памятников, возможно, отмечают две волны переселения их носителей на Волынь. Первая появилась здесь до образования черняховской культуры. Характерной особенностью памятников этой группы являются пшеворские элементы в деталях погребальной обрядности (урновые погребения, приставки, вторично-пережженный инвентарь, измельченная пережженная керамика), значительном количестве пшеворской керамики, наличии углубленных в материк прямоугольных жилищ. Это объясняется, по-видимому, тем, что вельбарские группы, двигаясь через территорию Мазовии на юго-восток, вовлекали в миграционный поток пшеворские племена. Смешение пшеворской и вельбарской культур на территории Мазовии отмечают и польские исследователи³.

К ранним вельбарским памятникам следует отнести, очевидно, и группу поселений, открытых П. И. Хавлюком в Южном Побужье (Демидовка, Гунька, Слободка, Зяньковцы и др.), где исследованы удлиненные наземные глинобитные жилища с большим количеством лепной керамики, имеющей наряду с вельбарскими выразительные черты пшеворской культуры. Незначительное количество найденных здесь сероглиняных гончарных сосудов, в основном лощеных мисок, автор исследований рассматривает как импорт из северочерноморских центров, а сами поселения называет раннечерняховскими⁴.

Аналогичная гончарная керамика найдена нами и на поселениях II — первой половины III в. в Верхнем и Среднем Поднестровье, а также на юго-западе Волыни. Здесь она употреблялась местным населением, воспринявшим культуру пшеворских, зарубинецких и фракийских племен. Наиболее ранним комплексом с сероглиняной керамикой является одно из жилищ на пшеворско-зарубинецком поселении в Пасеках Зубрецких (Верхнее Поднестровье), датируемое фибулой типа 84 по О. Альмгрену последней четвертью II в. н. э. Гончарная керамика провинциально-римского типа составляет здесь 16,1% общего количества керамического материала. Еще один объект с такой керамикой — жилище на поселении пшеворской культуры в с. Подберезцы возле Львова, где обнаружена производная от остропрофилированных бронзовая фибула второй половины II — первой половины III в. Гончарная керамика составляет здесь 7%. В Среднем Поднестровье к памятникам такого типа относится поселение Великая Слобода, датирующееся концом I—III в. Вместе с гончарной керамикой на упомянутых поселениях найдены обломки амфор, украшения (фибулы, бусы), ротационные жернова и другие изделия южного происхождения. По нашему мнению, они отражают начало провинциально-римских влияний на разнотничные племена лесостепи, послуживших одним из важных стимулов к образованию во второй половине III в. н. э. черняховской культуры.

Важным свидетельством существования вельбарской культуры на рассматриваемой территории в дочерняховское время служат материалы поселения II — начала III в. у с. Боратын, расположенного на р. Стырь. Основной материал, полученный здесь, имеет местную основу. На поселении открыты небольшие прямоугольные жилые постройки с углубленным полом. Среди находок преобладает лепная керамика, имеющая аналогии в позднезарубинецкой и пшеворской культурах. Однако в нескольких жилищах, а также в культурном слое обнаружен ряд сосудов вельбарской культуры. В этих жилищах найдено незначительное количество гончарной керамики провинциально-римского типа и обломки светлоглиняных амфор. Очевидно, вельбарские элементы появились на этом поселении в конечной фазе его существования и отражают контакты с пришлыми группами населения или их частичное смешение с жителями поселения.

Было бы неверным трактовать изложенные факты как подтверждение гипотезы о главенствующей роли вельбарских племен в образовании черняховской культуры или о черняховской культуре как завершающей ста-

дии развития вельбарской⁵. Они свидетельствуют лишь о том, что группы вельбарского и пшеворского населения, продвинувшиеся на территорию юго-восточной Волыни и Подолии, наравне с местными этническими группами втягивались в сферу провинциально-римских влияний, постепенно меняя облик своей культуры. Обитая в чужой среде, пришлые племена не могли не воспринять некоторые культурные особенности местного населения, а иногда смешивались с ним. В свою очередь местное население Днестро-Днепровского междуречья воспринимало и пшеворско-вельбарские элементы: формы керамики, украшения, элементы жилищного строительства. Примером сочетания элементов двух культур могут служить материалы могильников в Баеве на Волыни, в Ружичанке, Косанове в Подолии, поселений в Леськах, Ягнятине, Пряжеве в Поднепровье и др. Очевидно, что вельбарские племена сыграли определенную роль в истории черняховской культуры как один из ее компонентов. На протяжении III—IV вв. некоторые группы вельбарского населения утратили свои этнографические черты, полностью растворившись в черняховской культуре, другие сохранили их, позаимствовав лишь некоторые элементы этой культуры, в частности гончарную керамику, изделия ремесла, сельскохозяйственного производства и быта. Подтверждением этому служит поселение II у с. Великая Слобода, на котором мы остановимся более подробно.

Это поселение площадью 1,5—2 га расположено в 1 км к северо-востоку от с. Великая Слобода, на левом берегу р. Мукша, левого притока Днестра. Оно занимает первую надпойменную террасу, лежащую в глубокой долине. Здесь открыты три постройки, две из которых, судя по отопительным устройствам, были жилыми.

Жилище 1 ориентировано по линии восток—запад. Оно имело удлиненно-прямоугольную форму, углубленный на 0,1—0,2 м в материк пол, размеры 2,5×5 м. Стены прямые, углы несколько закруглены. В углах и по периметру стен обнаружено 12 ямок от столбов диаметром 0,25—0,3 м. В западной части сооружения расположен очаг диаметром 0,6 м, выложенный мелкими камнями на земляной подсыпке высотой 0,1 м (рис. 1, 1). В жилище найдено большое количество гончарной (61,8%) и лепной (38,2%) керамики. Лепная керамика имеет лощеную поверхность (рис. 1, 2—8; 2, 2—5). Жилище 2 имело такую же форму. Размеры его 3×4 м, пол углублен в материк на 0,2—0,3 м. В северо-западном углу находился прямоугольный очаг размерами 1,4×1 м, выложенный мелкими камнями на земляной подсыпке. По периметру жилища и его углам открыты ямки от столбов диаметром 0,2—0,25 м. Еще две столбовые ямки располагались по обе стороны очага. В жилище обнаружено большое количество фрагментов гончарной керамики и несколько обломков светлоглиняных амфор. Лепная керамика здесь не найдена. Недалеко от жилища 2 открыто еще одно сооружение удлиненно-прямоугольной формы. Размеры его 14,8×4,8 м, пол опущен в материк на 0,15—0,2 м (рис. 2, 1). Сооружение ориентировано длинными стенами по линии восток—запад. Пол его материковый, хорошо утрамбованный, ровный. В полу обнаружено 50 столбовых ямок диаметром 0,3—0,6 м, расположенных вдоль стен и по осевой линии постройки, иногда в два ряда. Возле южной стены в восточной и западной частях сооружения расположены две ямы диаметром 0,8—1,1 м и глубиной 0,5 м от уровня пола. Еще одна яма диаметром 1,1 м и глубиной 0,2 м находилась возле северной стены в западной части сооружения. В северо-восточной части прослежено, кроме того, углубление неправильной формы размерами 2,6×6,2 м и глубиной 0,2 м от уровня пола. В заполнении сооружения обнаружены фрагменты лепной и гончарной посуды. Последняя составляла всего 3% общего количества керамического материала. Выделяется несколько обломков светлоглиняных амфор и фрагмент краснолакового сосуда. Кроме того, здесь найдены коса-горбуша, точильный камень и большое количество костей животных.

Размеры сооружения и система расположения столбовых ям позволяют

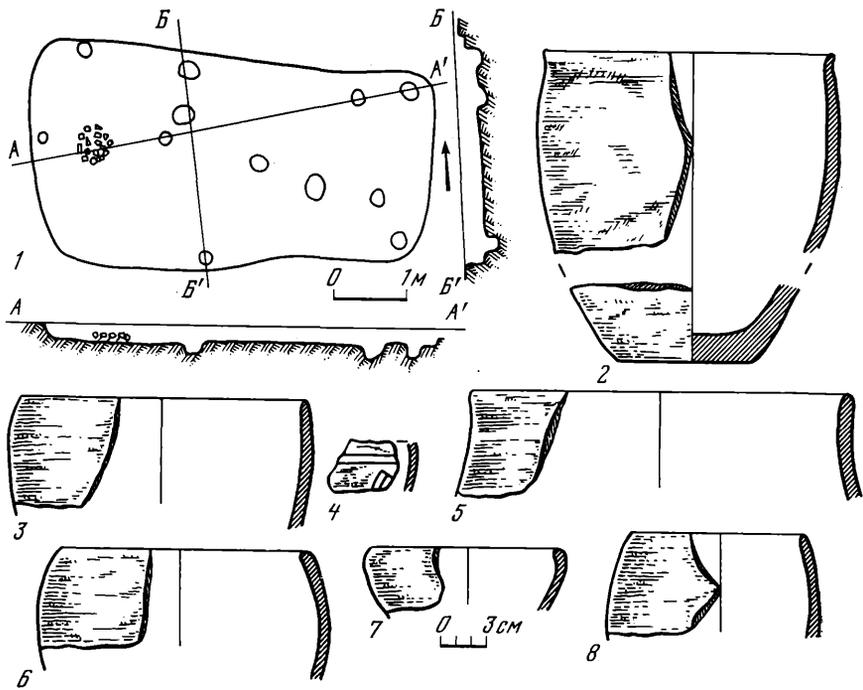

Рис. 1. Поселение II у с. Великая Слобода

1 -- план и разрезы жилища 1; 2--8 -- лепная керамика из жилища 1

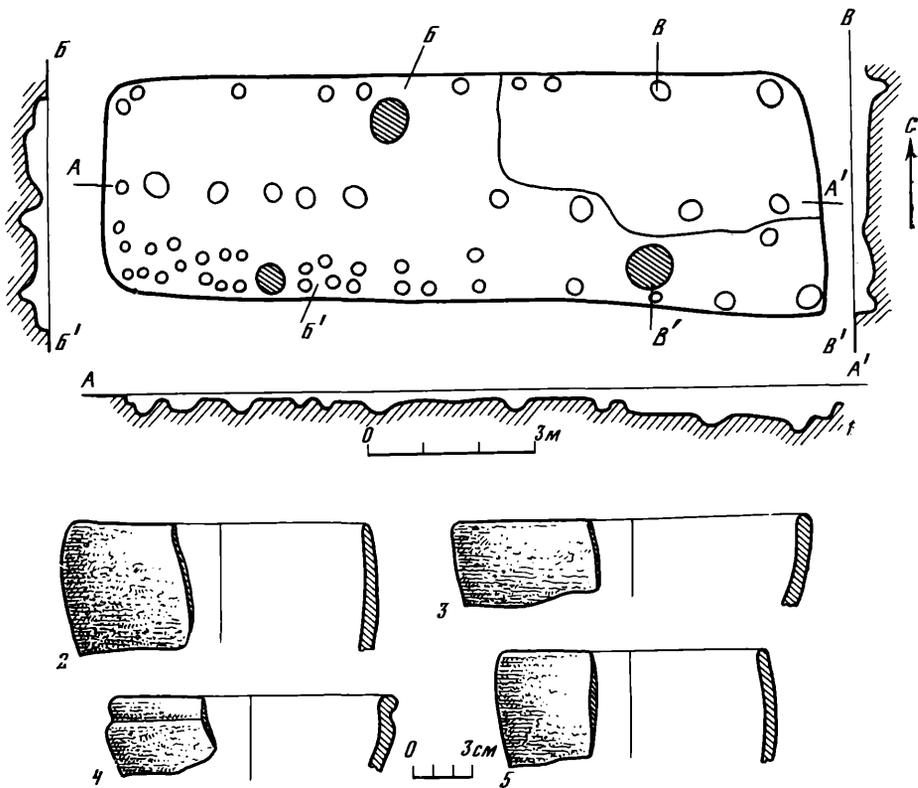

Рис. 2. Поселение II у с. Великая Слобода

1 -- план и разрезы общественной постройки; 2--5 -- лепная керамика из сооружения 1

предполагать, что оно состояло по крайней мере из двух помещений. Стены его имели каркасно-столбовую конструкцию, конек поддерживался рядом центральных столбов. Отопительного сооружения здесь не было. Следы глиняной обмазки стен как в этом, так и в других постройках и культурном слое не обнаружены. Трудно предположить, что описанное сооружение было жилищем. Нельзя назвать его и обычным хозяйственным помещением. Наиболее вероятно, что это было здание общественного характера.

Среди керамики поселения преобладает гончарная, состоящая из горшков, мисок, кубков, пифосов. Формы и способ ее изготовления обычны для черняховской культуры. Лепная керамика имеет хорошо обработанную лощеную поверхность светло-коричневого цвета. Это преимущественно горшки, среди которых преобладают выпуклобокие небольшие сосуды с загнутыми внутрь венчиками (рис. 1, 3, 6, 8; 2, 2, 5). Меньшим количеством обломков представлены слабопрофилированные сосуды средних размеров с несколько отогнутыми венчиками (рис. 1, 2, 5). Формы их находят полные аналогии среди керамики пшеворской культуры позднеримского времени, а также среди сосудов вельбарской культуры⁶. Несколькими экземплярами представлены миски конической формы с загнутыми внутрь венчиками (рис. 1, 7; 2, 3). По составу теста, обработке внешней поверхности они не отличаются от горшков. Такие сосуды известны среди материалов позднешшеворских памятников Польши⁷, среди вельбарских древностей⁸. Одним экземпляром представлена миска, имеющая близкий к S-видному профиль (рис. 2, 4). Ее венчики незначительно отогнуты и утолщены. Подобные миски также характерны для пшеворской и вельбарской культур позднеримского времени⁹. Керамика не орнаментирована. Исключение составляет один фрагмент, очевидно от миски, украшенный двумя углубленными горизонтальными линиями, под которыми расположены насечки геометрического узора (рис. 1, 4). Подобный орнамент широко распространен в керамике вельбарской культуры¹⁰.

На поселении не найден датирующий материал. Находки большого количества гончарной керамики, фрагментов светлоглиняных амфор и красноластового сосуда указывают лишь на общие хронологические рамки существования черняховской культуры — III—IV вв.

Сравнивая материал поселения Великая Слобода II с древностями III—IV вв. Среднего Поднестровья, отметим как их общий элемент большое количество разнообразной гончарной керамики. Другие черты материальной культуры имеют существенные различия. Специфична топография поселения. В отличие от черняховских (Иванковцы, Лука Врублевецкая, Сокол, Бернашовка, Каниловцы, Оселивка), расположенных в открытой местности, по берегу речки или же на солнечных склонах возле небольших водоемов, поселение Великая Слобода II находилось в глубокой, закрытой со всех сторон лощине. Отличаются и постройки. Аналогии жилищу 1 в черняховской культуре неизвестны. Две близкие жилые постройки открыты на поселении пшеворской культуры в с. Подберезцы в Верхнем Поднестровье. Они имеют сходные размеры, одинаковое расположение очага, столбовых ям в полу. Эти жилища датируются производной от остропрофилированных фибулой второй половиной II — первой половиной III в. По форме и особенностям конструкции они не имеют аналогий на более ранних пшеворских памятниках в этом районе, по подобные поселения позднеримского времени известны на территории Польши. Возможно, что, будучи характерными для северо-западных племен, такие жилища появились в Верхнем Поднестровье в результате перемещения сюда позднешшеворского населения в конце II — начале III в. Типично пшеворским представляется жилище 2. Впрочем, близкие постройки открыты и на некоторых черняховских памятниках Волини и Подолии¹¹. Постройка, которую мы интерпретируем как общественную, по форме и конструкции очень близка к так называемым большим домам, известным в Ютландии, северной Польше и других

районах пребывания германских племен. На нашей территории подобные сооружения обнаружены в Лепесовке, Будештах и на некоторых других памятниках¹².

Немногочислен, но достаточно выразителен комплекс лепной керамики поселения. Все ее формы имеют полные аналогии в пшеворской культуре позднеримского времени на территории Польши, а также в вельбарской культуре.

Таким образом, большая часть рассматриваемого материала поселения Великая Слобода II имеет северо-западное происхождение. Этот памятник сопоставим с поселениями в Лепесовке и Викнинах Великих, а также Борсуках¹³ и Федоровке¹⁴. Большое количество гончарной керамики черняховской культуры на этих поселениях является, очевидно, результатом влияния культурной среды, в которой длительное время обитали их жители. Поселение Великая Слобода II четко выделяется по указанным признакам среди памятников III—IV вв. Среднего Поднестровья. Оно возникло здесь, очевидно, в результате перемещения вельбарского населения Южного Побужья, где это последнее обитало с конца II — первой половины III в.

Что касается памятников вельбарской культуры второй хронологической группы, то они известны пока лишь на Волыни. Для этих памятников не характерна гончарная керамика черняховской культуры, а пшеворские элементы проявляются в незначительной степени. В IV в. н. э. вельбарские памятники исчезают, не оставив заметного следа в материальной культуре раннесредневековых славянских племен Волыни и Подолии.

¹ Баран В. Д. Черняхівська культура. Київ, 1981, с. 161—165.

² Prahistoria ziem Polskich. Warszawa; Kraków, 1981, t. 5, s. 155; Щукин М. Б. К предистории черняховской культуры. Тринадцать секвенций.— АСГЭ, 1978, 20, с. 79, 80.

³ АР, 1970, 4, с. 426.

⁴ Хавлюк П. І. Науковий звіт про дослідження археологічних пам'яток на території Південного Побужжя експедицією Вінницького педінституту в 1976 г. Рукопись. Хранится в Архиве Института археологии АН УРСР, 1976/103, ф. 80—92, с. 2.

⁵ Кузаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин. М., 1980, с. 75; Problemy kultury welbarskiej. Słupsk, 1981, s. 56—59.

⁶ Dąbrowski K. Osadnictwo z okresu rzymskiego i rzymskiego na st. I w Piwonicach.— MS, 1958, 4, tab. X, 116; XI, 22; Prahistoria..., s. 67, tab. V, 1.

⁷ ФАР, 1954, 4, рис. 146, 1.

⁸ Кузаренко Ю. В. Могильник Брест-

Тришин, табл. XIII, 34a; XIV, 35a, г; Prahistoria..., tab. XXVI, 5, 21.

⁹ Prahistoria..., tab. XXVI, 17.

¹⁰ Кузаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин, табл. IX, 27a; XVI, 45a; Prahistoria..., tab. XXV, 2, 4; Смішко М. Ю., Свешніков І. К. Могильник III—IV ст. н. э. у с. Дитиничі Ровенської області.— МДАВП, 1961, рис. 2, 8.

¹¹ Винокур І. С. Історія та культура черняхівських племен. Київ, 1972, рис. 18; 19.

¹² Тиханова М. А. Раскопки поселения III—IV вв. н. э. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг.— СА, 1963, 2, с. 182, 183; Щербакоев Т. А., Чеботаренко Г. Ф. Усадьба на поселении первых веков н. э. у с. Будешты.— АИМ, 1974, с. 94—98.

¹³ Раскопки В. Д. Барана, В. К. Воляника и Д. Н. Козака. Материал хранится в фондах Ин-та археологии АН УССР.

¹⁴ Раскопки Л. И. Крушельницкой. Материал хранится в фондах Ин-та общественных наук АН УССР в г. Львов.

Б. В. МАГОМЕДОВ

ЧЕРНЯХОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИЧЕРНОМОРСКОГО ТИПА

В Северо-Западном Причерноморье известно около 250 памятников с материалами черняховской культуры. Первые из них были открыты и исследованы еще до Великой Отечественной войны¹, однако широкое их изучение началось в последние десятилетия². Наличие каменных построек на многих поселениях позволило выделить эти поселения в особую культурную группу. Однако до сих пор дискутируются вопросы

о соотношении причерноморских памятников с остальными черняховскими древностями и об их этнической интерпретации³. Э. А. Сымонович полагает, что они оставлены мигрировавшими с севера славянами-антами — носителями черняховской культуры⁴. Некоторые археологи подчеркивают элементы скифо-сарматского происхождения этих памятников, исходя из чего не включают их в черняховский ареал⁵. М. Б. Щукин выделяет причерноморские памятники III—IV вв. в отдельную киселовскую культуру, сложившуюся, по его мнению, на основе культуры позднескифских городищ⁶. Большинство исследователей, признающих полиэтничность черняховской культуры, не считают нужным исключать из нее эти памятники⁷.

К настоящему времени в Причерноморье исследовано более 30 поселений и могильников черняховской культуры (в том числе 20 поселений с каменными постройками). Анализ материалов показывает большое сходство в культуре населения, оставившего эти памятники, и населения других областей черняховского ареала. Это выражается в одинаковом уровне социально-экономического развития, типе хозяйства, топографии поселений и могильников, общности погребального обряда и некоторых типов жилищ, а также практически в полном единстве инвентаря. Однако ряд особенностей требует выделения этих памятников в особую локальную группу черняховской культуры. Это — преобладание на поселениях каменных построек, преобладание в могильниках трупоположений в ямах сложной конструкции, наличие в керамическом комплексе некоторых местных форм лепной посуды. Памятники с этими признаками располагаются в приморской зоне Херсонской, Николаевской и Одесской областей, поднимаясь к северу по долинам рек Днепр, Ингулец, Ингул и Южный Буг.

Большинство исследованных памятников региона имеет отдельные из указанных признаков. Так, например, известно 60 поселений с каменным домостроительством. Однако на этой же территории исследованы поселения и могильники, в основных своих чертах сходные с черняховскими древностями более северных, в основном лесостепных, районов. Поэтому в пределах причерноморской локальной группы следует выделять памятники причерноморского и северочерняховского, или, иначе, лесостепного, типов. Появление последних в Северо-Западном Причерноморье мы связываем с миграцией на юг черняховского населения из лесостепных районов⁸. Этим объясняется появление в регионе углубленных и наземных глинобитных жилищ, обряда трупосожжения, некоторых вещей, характерных для пшеворской и вельбарской культур.

В настоящее время известно два памятника причерноморского типа, на которых комплексно исследовались поселение и могильник: Ранжевое и Каменка-Анчекрак⁹. По-видимому, к этой группе памятников следует отнести многие из черняховских поселений, на которых обнаружено исключительно каменное домостроительство — Киселово, Капустино, Мирное, Афанасьевка, Дарьевка, Снигиревка, Александровка и др.¹⁰ Наиболее характерным в этом плане памятником является Каборга¹¹. Остальные памятники с черняховскими материалами мало исследованы. Это Викторовка, Коблево, Фурмановка, Городок, Приморское, Чубовка¹².

Памятники причерноморского типа оставлены населением, в культуре которого имелись черты, связанные с местными культурами предшествующей поры. Наиболее яркой особенностью, выделяющей их на фоне всей черняховской культуры, является каменное домостроительство. Типичной постройкой местного населения был двух- и трехкамерный, вытянутый в плане дом. Такие сооружения хорошо представлены в Киселове, Каменке-Анчекрак, Александровке, Снигиревке (раскоп В), Ранжевом (постройка 2) и др. Исследованы остатки около 20 таких домов. Площадь отдельных помещений в них иногда составляла 85 кв. м, а длина постройки при ширине 5,5 — 7,5 м могла достигать 40 м (Александровка). В жилых помещениях у короткой стены находился очаг,

иногда — печь с глинобитным сводом. Для отопления больших помещений применяли дополнительные очаги, размещенные ближе к центру комнаты. Нередко обнаруживаются каменные ограды примыкавших к домам дворов или загонов для скота.

Традиция возведения построек из камня возникла на месте, в Северном Причерноморье. Однако вытянутая планировка домов не была здесь особенно распространена. Местное греческое население располагало помещения внутри дома более компактно. Аналогии черняховским домам можно найти в эллинистическое время среди двух- и трехкамерных домов позднескифских городищ Неаполя и Золотой Балки¹³. К позднескифским строительным приемам относится редкий для черняховских сооружений способ устройства цоколя стены из поставленных на ребро параллельных плит с забутовкой между ними¹⁴. Такие цоколи известны на городищах Знаменском, Гавриловском и Любимовском¹⁵. Что касается системы кладок черняховских каменных построек и таких элементов, как каменные базы для деревянных опор, глиняная кровля, конструкция очагов, каменные загородки в помещениях, то они применялись и античным, и позднескифским населением Северного Причерноморья.

В погребальном обряде коренных обитателей поселков с каменными постройками господствовал обряд ингумации. Среди погребальных сооружений большинство составляют могилы с заплечиками¹⁶. Они преобладают в некоторых могильниках причерноморского типа (Каменка-Анчекрак — 85%¹⁷, Ранжевое — 55%¹⁸, Холмское) и в некоторых могильниках с трупосожжениями, оставленных смешанным причерноморским и лесостепным населением (Коблево — 52%¹⁹, Викторовка II — 43%²⁰). Встречаются и могилы других типов с труположениями — простые грунтовые ямы, подбои, земляные склепы.

Происхождение конструкций погребальных сооружений племен Северо-Западного Причерноморья рассматривалось в специальной работе²¹. Могилы с заплечиками известны у сарматов, но были широко распространены также среди античного и эллинизированного населения Северного Причерноморья. Сложно происхождение немногочисленных (известно всего семь) черняховских земляных склепов, которые имеют черты позднескифских и сармато-аланских катакомб, но сходны и со склепами античных некрополей. Захоронения в подбоях в причерноморских могильниках, несомненно, связаны с сарматской традицией. Простые грунтовые ямы распространены столь широко, что отнести их к какой-либо археологической культуре или этносу не представляется возможным. В погребальном инвентаре могильников причерноморского типа (как и на поселениях) редко встречаются такие характерные вещи, как фибулы, гребни, трехручные вазы, биконические кувшины, керамические полусферические кубки. Значительно больше их найдено в могильниках, имеющих погребения с кремацией²². Видимо, употребление этих вещей следует считать этнографической особенностью в основном северочерняховского населения.

К вещам, получившим распространение только среди населения памятников причерноморского типа, можно отнести лишь лепные сосуды некоторых типов, а также различные изделия из местного камня. Обработанный известняк употреблялся не только в строительстве и при сооружении могил (плиты-перекрытия), но и для изготовления некоторых бытовых предметов (корыта, якоря). Из лепной керамики на черняховских памятниках Северо-Западного Причерноморья наиболее широко распространены горшки, приближающиеся по форме к гончарной посуде этого вида. Мы выделяем их в тип I (рис., 1—3). Такие сосуды известны на всей территории черняховской культуры²³.

Формой, характерной именно для памятников причерноморского типа, следует признать горшки, которые по пропорциям близки сосудам описанного типа, но при этом имеют высокий венчик в виде раструба. Мы выделяем их в тип II (рис., 4—6). Подобные сосуды характерны для Северного Причерноморья со скифского времени, встречаются на

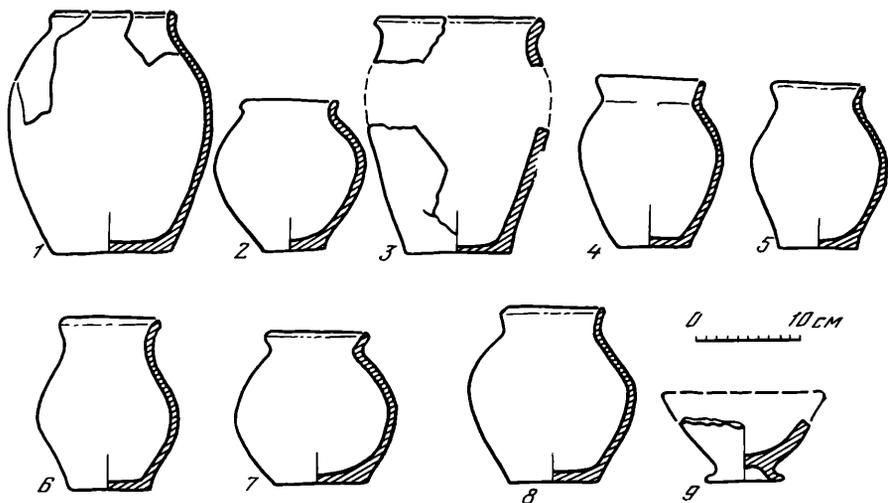

Рис. 1. Лепная керамика черняховских памятников причерноморского типа

1—3 — горшки типа I; 4—6 — горшки типа II; 7, 8 — горшки типа III; 9 — сосуд на поддоне
1, 2, 4—7, 9 — Каменка-Анчекрак; 3 — Ранжевое; 8 — Большая Корениха

позднескифских²⁴, сарматских²⁵, гетских²⁶, а также античных памятниках эллинистического и римского времени²⁷. Реже встречаются горшки типа III, имеющего явно сарматскую основу, с низкими сферическим туловом, высоким горлом, обычно в форме раструба, и широким дном (рис., 7, 8). В средне- и позднесарматское время (I в. до н. э.—IV в. н. э.) керамика этого типа широко представлена в курганных могильниках от Волги до правобережья Днепра²⁸, а во II—III вв.—и в позднесарматских могильниках низовьев Днестра и Дуная²⁹. Из остальных видов лепной керамики на черняховских памятниках причерноморского типа получили распространение конические миски, часто имевшие полый поддон (рис., 9). Обычно их использовали в качестве светильников. В первые века нашей эры такие изделия употреблялись населением позднескифских памятников нижнего Днестра и Крыма³⁰, а также в античных городах и поселениях³¹.

Анализ материалов памятников причерноморского типа показывает, что они оставлены смешанным позднескифским³² и сарматским сильно эллинизированным населением. Культура этого населения близка культуре позднескифских городищ нижнего Днестра, но не идентична ей. Остатки населения городищ в позднееримское время в большей степени сохранили прежние традиции, что, возможно, связано с некоторым отставанием в их социально-экономическом развитии по сравнению с черняховскими племенами. Показателем такого отставания служит незначительное количество гончарной керамики среди позднееримских материалов Николаевского и Красномаяцкого могильников³³. По-видимому, к ближайшим наследникам культуры позднескифских городищ можно отнести и население некоторых нижнеднепровских поселений, по ряду признаков относящихся к черняховским памятникам причерноморского типа, — Берислав, Каиры, Дудчаны³⁴. На это указывают архаичные приемы в каменном домостроительстве (фундаменты «на ребре», неупорядоченная планировка зданий) и большой процент лепной посуды в керамических комплексах.

Эллинизация скифо-сарматского населения памятников причерноморского типа проявилась не только в усвоении некоторых приемов античной строительной техники и типов погребальных сооружений. На одном из черняховских памятников найден жертвенник, характерный для античных некрополей³⁵. Несомненно, что в состав местных черняховских племен влилась и какая-то часть позднеантичного населения. В этом

отношении интересна находка в Тире комплекса черняховских материалов IV в. н. э., связанного с жилой постройкой античного типа³⁶.

Начало формирования памятников причерноморского типа следует отнести к первым векам нашей эры, когда в состав населения периферии античных городов Северо-Западного Причерноморья начинает активно проникать население позднескифского и сарматского происхождения. Видимо, его появление связано с расселением обитателей нижнеднепровских городищ³⁷, а также с натиском на этот район во II в. н. э. тавроскифов³⁸. Сыграл свою роль и процесс оседания на землю групп кочевых сарматов.

Основой экономики этого смешанного населения было развитое сельское хозяйство. Широкое применение пахотных орудий с железными наконечниками позволило значительно увеличить посевные площади, что повлияло на быстрый рост народонаселения. Большое распространение получила серая гончарная керамика провинциально-римского типа. Подобные перемены происходили в то время и в среде более северных племен украинской степи и лесостепи, чему в большой степени способствовали их контакты с Северо-Западным Причерноморьем. Кроме товаров, ввоз которых в лесостепную зону резко увеличивается, из Причерноморья распространяется и прогрессивная технология, соответствующая более высокой ступени развития общества. Близкий уровень социально-экономического развития, общий источник культурных влияний (римские провинции), постоянные межплеменные контакты — все это создало определенную общность культуры у народов обширного региона от Северо-Западного Причерноморья до северной границы лесостепной полосы.

Черняховская культура окончательно сложилась в период готских, или «скифских», войн середины III в. (238—269 гг.), способствовавших созданию крупных политических союзов племен. В это время гибнут или приходят в упадок греко-римские центры Северо-Западного Причерноморья. Среди местного населения, по-видимому, вошедшего в готский племенной союз, расселяются народы, принимавшие активное участие в войнах с Империей, — германцы, сарматы и др. Образовавшийся разнплеменный конгломерат объединяли общие черты культуры и политическое единство. Сохранившиеся этнографические различия проявляются в археологических материалах, что и позволяет выделить в Северо-Западном Причерноморье два типа памятников (причерноморский и лесостепной) и три основные культурно-этнические группы населения (поздние скифы, сарматы, северочерняховское население). Угасание черняховской культуры в Причерноморье, как и во всем ее ареале, связано с гуннским нашествием. Вместе с последними черняховскими памятниками в начале V в. н. э. в этом районе на несколько столетий исчезает оседлое население.

Таким образом, памятники причерноморского типа являются составной частью локальной группы черняховских древностей Причерноморья. Население, оставившее эти памятники, в своем историческом развитии было неразрывно связано с населением других районов черняховского ареала. Усваивая положительные элементы провинциальной античной культуры, оно было одним из проводников этого прогрессивного воздействия на племена степи и лесостепи и, таким образом, внесло значительный вклад в сложение черняховской культурной общности.

¹ Добровольский А. В. Землеробские поселения первых столетий нашей эры на р. Ингулець.— Археологія, 1950, III; Раевский К. А. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днестра—Днепра в I тысячелетии н. э.— СА, 1955, XXIII.

² Славин Л. М. Поселения первых веков нашей эры на среднем и нижнем Ингулеце.— КСИА АН УССР, 1954, 3; Симонович Э. А. Итоги исследований

черняховских памятников в Северном Причерноморье.— МИА, 1967, 139; Кравченко Н. М. К изучению памятников черняховского типа в степях Северо-Западного Причерноморья.— МАСП, 1971, 7.

³ Гудкова А. В. К истории культурной атрибуции памятников черняховского типа степной зоны СССР.— МАСП, 1976, 8.

⁴ Симонович Е. О. Північне Причерно-

- мор'я і слов'яни-анти.— Археологія, 1971, 2, с. 31, 32.
- ⁵ *Магно Є. В.* Знову про локальні варіанти черняхівської культури.— Археологія, 1970, XXIV; *Сміленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.). Київ, 1975, с. 48.
 - ⁶ *Шукин М. Б.* К предистории черняховской культуры. Тринадцать секвенций.— АСГЭ, 1978, 20, с. 71, 72.
 - ⁷ *Баран В. Д.* До питання про підгрунтя черняхівської культури.— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976, с. 19—62; *Кропоткин В. В.* Черняховская культура в Северном Причерноморье.— В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1978, с. 147; *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 78—100.
 - ⁸ *Магомедов Б. В.* О культурно-хронологическом соотношении черняховских памятников Причерноморья и лесостепи.— В кн.: Славяне на Днепре и Дунае. Киев, 1982.
 - ⁹ *Сымонович Э. А.* Итоги исследований..., с. 222—224; *Он же.* Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы.— В кн.: Могильники черняховской культуры. М., 1979, с. 63—111; *Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Магомедов Б. В.* Работы Ингульской экспедиции.— АО 1976 г. М., 1977, с. 389, 390; *Магомедов Б. В.* Могильник Каменка-Анчекрак в Николаевской обл.— Тезисы докладов XVII конференции ИА АН УССР. Ужгород, 1978, с. 89, 90.
 - ¹⁰ *Равский К. А.* Наземные сооружения...; *Сымонович Э. А.* О некоторых типах поселений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье.— КСИИМК, 1956, 65; *Кравченко Н. М.* Работы черняховского отряда Днестро-Дунайской экспедиции.— АИУ в 1968 г., 1971; *Славин Л. М.* Поселения первых веков...; *Магомедов Б. В., Буйских С. Г.* Городища римского времени на р. Ингулец.— АО 1979 г. М., 1980, с. 198.
 - ¹¹ *Магомедов Б. В.* Каборга IV (раскопки 1973—1974 гг.).— В кн.: Могильники черняховской культуры. М., 1979.
 - ¹² *Магомедов Б. В.* О культурно-хронологическом соотношении...
 - ¹³ *Высоцкая Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979, с. 74—78, рис. 23, 1—3; *Вязьмитина М. И.* Золота Балка. Київ, 1962, рис. 47.
 - ¹⁴ *Славин Л. М.* Поселения первых веков..., с. 50, 54.
 - ¹⁵ *Погребова Н. Н.* Позднескифские городища на нижнем Днепре.— МИА, 1958, 64, с. 122, 197; *Дмигров Л. Д., Зуц В. Л., Копилов Ф. В.* Любимівське городище рубежу нашої ери.— АП, 1961, X, с. 82, 85.
 - ¹⁶ За пределами Причерноморья черняховские могилы с запялечками представлены в единичных случаях. Исключение составляют могильники в Журавке и Переяславе (*Сымонович Э. О.* Черняхівські племена Подніпров'я. Культура і етнос.— Археологія, 1973, 10, с. 18, 19; *Гончаров В. К., Магно Є. В.* Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького.— Археологія, 1957, XI, с. 127—143).
 - ¹⁷ *Магомедов Б. В.* Могильник Каменка-Анчекрак..., с. 89, 90.
 - ¹⁸ *Сымонович Э. А.* Коблевский и Ранжевский могильники..., с. 63—111.
 - ¹⁹ Там же.
 - ²⁰ *Сымонович Э. О.* Перший черняхівський могильник у Північному Причорномор'ї.— Археологія, 1966, XX.
 - ²¹ *Магомедов Б. В.* Культурно-этнические компоненты черняховского населения Северо-Западного Причерноморья по данным погребального обряда.— В кн.: Славяне и Русь. Киев, 1979.
 - ²² *Магомедов Б. В.* О культурно-хронологическом соотношении...
 - ²³ *Никитина Г. Ф.* Классификация лепной керамики черняховской культуры.— СА, 1966, 4, с. 75; *Федоров Г. Б.* Население Пруто-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, 1960, 89, с. 121; *Сымонович Э. А.* Лепная посуда памятников черняховской культуры нижнего Днепра.— КСИИМК, 1957, 68, с. 15.
 - ²⁴ *Погребова Н. Н.* Позднескифские городища..., рис. 12, 1; 27, 3, 4, 7, 8; *Вязьмитина М. И.* Золота Балка, рис. 63, 5—7, 11, 12, 14; 65, 1, 2, 7.
 - ²⁵ *Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 224, табл. II, 5—8; *Магно Є. В.* Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці.— АП, 1960, IX, рис. 17, 7, 10.
 - ²⁶ *Федоров Г. Б.* Население..., с. 119, 120, табл. 20, 3—6.
 - ²⁷ *Сымонович Э. А.* Лепная посуда..., с. 15—17; *Бураков А. В.* Козырское городище рубежа первых столетий нашей эры. Киев, 1976, с. 84—88, табл. V, 21—25, 28, 29; *Синицын М. С.* Петухівське городище.— Праці Одеського державного університету, 1959, сер. іст. наук, 7, табл. II, 8, 9; V, 19, 24—28.
 - ²⁸ *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслава.— МИА, 1960, 78, с. 159—163, рис. 7, 10; 16, 1; 21, 13; 36, 4; 44, 4; 47, 7; *Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения..., с. 222—226, табл. II, 2, 9; *Магно Є. В.* Розкопки пам'яток..., рис. 22, 4.
 - ²⁹ *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975, с. 183, 184; *Федоров Г. Б.* Население..., с. 120.
 - ³⁰ *Погребова Н. Н.* Позднескифские городища..., рис. 34, 9; *Дмигров Л. Д., Зуц В. Л., Копилов Ф. В.* Любимівське городище..., с. 93, табл. 1, 3; *Вязьмитина М. И.* Золота Балка, с. 141, 142, рис. 65, 27—30, 42—44, 46—48, 52—59; *Сымонович Э. А.* Раскопки Николаевского могильника на нижнем Днепре.— КСИИМК, 1969, 119, рис. 36, 5; *Дашевская О. Д.* Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ

Крыма.— МИА, 1958, 64, с. 252, 253, рис. 1, 24, 25; 5, 14.

³¹ *Вязьмітіна М. І.* Золота Балка, с. 142; *Фурманська А. І.* Археологічні пам'ятки Тіри перших століть нашої ери.— *Археологія*, 1957, X, с. 92; *Бураков А. В.* Козырское городище..., с. 89, табл. VII, 12, 18, 19.

³² В данном случае под утвердившимся в литературе термином «поздние скифы» следует понимать уже достаточно смешанное население, обитавшее в конце I тысячелетия до н. э. и в первые века н. э. на нижнем Днепре. Этническое родство поздних скифов с частью черняховцев подтверждают данные антропологии. См.: *Кондукторова Т. С.* Физический тип людей Нижнего Поднепровья на рубеже нашей эры. М., 1979, с. 66, 67.

³³ *Ebert M.* Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnjepr.— *PZ*, 1913, 5, 1—3, S. 80—113; *Гошкевич В.* Древние городища по берегам низового Днепра.— *ИАК*, 1913, 47, с. 134—138; *Сымонович Э. А.* Исследования поздне скифских и черняховских памятников на нижнем Днепре.— В кн.: *АИУ* в 1976—1977 гг. Ужгород, 1978, с. 92, 93.

³⁴ *Махно Є. В., Мізін В. А.* Бериславське поселення та могильник перших століть нашої ери.— *АП*, 1961, X; *Махно Є. В.* Розкопки могильника та поселень поблизу с. Каїри.— Там же, с. 147—153; *Брайчевская А. Т.* Раскопки в с. Дудчанах в 1954 г.— *КСИА*

АН УССР, 1955, 5, с. 49, 50; *Белановська Т. Д.* Розкопки поселення перших століть нашої ери в с. Дудчанах.— *АП*, 1960, IX; *Вязьмітіна М. І.* Поселення II—IV століть нашої ери в с. Дудчанах.— Там же.

³⁵ *Магомедов Б. В.* Жертвенник-эскара позднеримского времени на р. Ингулец.— В кн.: *Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых.* Киев, 1981, с. 87, 88.

³⁶ *Кравченко Н. М., Корпусова В. М.* Деякі риси матеріальної культури пизноримської Тіри.— *Археологія*, 1975, 18; *Крижицький С. Д., Клейман І. Б.* Житловий будинок і укріплення Тіри перших століть нашої ери.— *Археологія*, 1978, 25.

³⁷ *Шукин М. Б.* К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры.— *АСГЭ*, 1970, 12, с. 61.

³⁸ *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 190. Античные городища окружения Ольвии хранят следы разрушений, происшедших во II в. н. э., а более поздние слои этих памятников содержат керамику поздне скифского облика. См.: *Бураков А. В.* Козырское городище..., с. 5; *Буйских С. Б.* Новые материалы по фортификационной технике Ольвийской хоры первых веков н. э.— В кн.: *Памятники древних культур Северного Причерноморья.* Киев, 1970, с. 95, 96.

Е. В. МАХНО

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СУЩЕСТВОВАНИЯ И СУДЬБЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследованием памятников черняховской и синхронных с ней культур занимается широкий круг археологов. Результаты этой работы неоспоримы. Если на карте, составленной в 30-х годах С. В. Коршенко¹, было нанесено 122 памятника первых веков нашей эры, то на карте, составленной нами в 1975 г., только поселений черняховской культуры нанесено 2323, причем их количество продолжает увеличиваться.

Ни одна из синхронных культур не может составить с черняховской по количеству памятников и занимаемой площади. Однако сейчас уже возникает необходимость строго различать памятники черняховской культуры как таковой и памятники смешанного характера.

Не может быть сомнения в том, что памятниками черняховской культуры имеют право именоваться те, керамический комплекс которых аналогичен комплексу Черняховского могильника, а он, за незначительными исключениями, состоит из гончарной посуды². Полевые исследования (Маслово, Дедовщина, Гурбинцы, Кантемировка, Жуковцы, Ягнятин, Новоселовка, Писаревка, Стецовка, Леськи, Лохвица, Сумы, Успенка, Соснова и др.) позволили зафиксировать на широкой территории сплошной среднеднепровский массив памятников, на которых представлена в основном только гончарная посуда. Он охватывает бассейн лесостепных рек, впадающих в Днепр справа и слева, а также верховья Южного Буга³.

К северо-западу и особенно к юго-западу от среднеднепровской группы располагаются памятники, в состав керамического комплекса которых входит значительное количество лепной посуды, в том числе памятники волинского варианта, выделенного М. Ю. Смишко⁴, и верхнеднепровской группы. Таким образом, среднеднепровская группа памятников, в которой признаки черняховской культуры выражены наиболее ярко, занимает центральное место и окружена инфильтрационной зоной, где основные признаки черняховской культуры дополняются признаками, характерными для окружающих ее археологических культур. Это проявляется в первую очередь в лепной посуде, своеобразной в каждом из отдельных районов⁵.

Можно считать установленным, что среднеднепровский гончарный керамический комплекс сочетается с наземным домостроительством, а углубленные в землю постройки характерны в первую очередь для территории инфильтрационной зоны⁶. Установлено также, что наземные сооружения черняховской культуры имеют четкое функциональное членение. Наиболее распространен комплекс, включающий жилище, кладовую и оwin, которые объединяются в почти стандартные дворца, составляя типичное земледельческое хозяйство небольшой моногамной семьи (Турия, Максимовка, Ново-Липовское и др.). Нередко встречаются постройки производственного характера, например гончарные мастерские (Ягнятин, Николаевка на Поросье), а постройка, раскопанная на Радуцковском поселении в Черкасской обл., могла быть складским помещением торговца. Известный жилищный комплекс, раскопанный в Леськах, является образцом дворца очень зажиточной семьи⁷. Таким образом, есть все основания считать, что входившая в давно сложившуюся территориальную общину отдельная семья была ее основной производственной единицей.

Высокий социально-экономический уровень общества, оставившего памятники черняховской культуры, размеры территории ее распространения и устойчивый, традиционно сложившийся жизненный уклад земледельческого населения свидетельствуют о длительном существовании этой культуры. Последнее обстоятельство подтверждается постоянно наблюдающимися фактами перекрытия одних построек другими на поселениях Среднего Поднепровья⁸.

В основу характеристики керамического комплекса черняховской культуры, как уже отмечалось, должны лечь материалы Черняховского могильника. Коллекция посуды в Киевском музее из этого памятника (раскопки В. В. Хвойко) состояла из 289 гончарных (98,6%) и трех лепных (1,4%) сосудов. Среди гончарных сосудов представлены следующие формы: горшки — 137 (47,9%), миски — 114 (39,4%), кувшины — 24 (8,3%), кружки — 7 (2,4%), кубки — 5 (1,7%), банки — 2 (0,7%). Характер обработки поверхности установлен для 282 сосудов, 187 (66,3%) из них имели шероховатую поверхность, 94 (33,7%) — лощеную. В группе шероховатой посуды горшков было 133 (71%), мисок — 42 (23%), кувшинов — 12 (6%). В группе лощеных сосудов мисок — 65 (68%), кувшинов — 12 (13,5%), кружек и кубков — 13 (14%), горшков — 4 (4,5%)⁹.

Таким образом, основной керамической формой Черняховского могильника, да и всех черняховских памятников Среднего Поднепровья был гончарный шероховатый горшок. Однако соотношение сосудов с шероховатой поверхностью и лощеных, в разных комплексах на разных памятниках бывает различным. В комплексе Черняховского могильника это соотношение составляет 2:1 в пользу шероховатой посуды, чаще бывает соотношение 3:1, 4:1, 9:1 и даже 19:1.

Увеличение количества шероховатой посуды, главным образом горшков, происходит в комплексах, перекрывающих более ранние. Очевидно, керамический комплекс черняховской культуры изменяется по мере уменьшения количества лощеной посуды и увеличения шероховатой, в частности горшков. Комплексы с большим количеством шероховатой

посуды оказываются более поздними по сравнению с теми, на которых она представлена в меньшей степени¹⁰.

Одним из важнейших открытий последних лет является находка в черняховской культуре погребений с рассеянными косточками¹¹. Это открытие опровергает мнение о биритуализме памятников черняховской культуры. Ярусное расположение погребений подчеркивает длительность существования каждого из отдельно взятых могильников и, следовательно, черняховской культуры в целом.

Вопрос о датировке черняховской культуры VI—VII вв. уже поднимался в связи с раскопками поселения Жуковцы и находкой в 1946 г. ягнятинской амфоры, которую специалисты сначала датировали тем же временем. Позже М. Б. Щукин отнес ее к концу IV в.¹² Однако аналогии, приведенные им, кроме белгородской амфоры, отнюдь не полны. Точно такая же амфора найдена в 1978 г. в Херсонесе, в замкнутом комплексе, твердо датированном V в., и, следовательно, датировка ягнятинской амфоры V в. более обоснована, чем та, которую, выдвигал М. Б. Щукин. Однако ягнятинская амфора позволяет уточнить дату только самого нижнего горизонта, перекрытого четырьмя четко выраженными слоями со строительными остатками. Раскопанная нами верхняя ягнятинская постройка была четвертой на данном месте. Первые же, исходные, комплексы не могут быть датированы временем ранее конца IV в. Гончарный комплекс горизонта, датированного ягнятинской амфорой, состоял из шероховатой (60,6%) и лощеной (36,5%) посуды. В керамическом же комплексе постройки верхнего горизонта шероховатая посуда составляла 82,6%, а лощеная — 16,3%.

Все сказанное свидетельствует, что вопрос о датировке черняховской культуры, в частности ее среднеднепровского массива, еще далек от окончательного решения, а датировочная система, которой мы пользуемся, нуждается в серьезных доработках и совершенствованиях.

Весь арсенал фактических данных о черняховской культуре говорит не о разгроме, не о прекращении ее существования, а только о трансформации. Необходимо, кроме того, учесть, что анализ правобережных памятников поднепровской группы VIII—X вв. приводит исследователя к выводу, что «их происхождение нельзя связывать с предшествующей на этой территории пеньковской культурой»¹³. Накопленный материал, следовательно, укрепляет надежды на то, что с помощью scrupulous и объективного изучения памятников I и начала II тысячелетия будет доказано, что среди подоснов формирования материальной культуры Киевской Руси одно из самых видных мест принадлежит культуре черняховской.

¹ Коршенко С. В. Материалы для составления карты распространения полей погребений на территории УССР. Рукопись. Архив ИА АН УССР, с. 352—500.

² Сымонович Э. А. Новые работы в с. Черняхове.— МИА, 1967, 139.

³ Крабан Г. Е. Черняховские памятники в Уманском р-не Черкасской обл.— МИА, 1964, 116.

⁴ Смишко М. Ю. Раннеславянские памятники на территории западных областей УССР.— Доклады VI научной конференции ИА АН УССР. Киев, 1953.

⁵ Магно Е. В. Об основных задачах картографирования в связи с выделением локальных вариантов.— КСИА, 1970, 121.

⁶ Магно Е. В. З історії дослідження поселень черняхівської культури.— В кн.: Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969.

⁷ Смиленко А. Т., Брайчевский М. Ю. Черняховское поселение в с. Леськи близ г. Черкасы.— МИА, 1967, 139.

⁸ См., например: Магно Е. В. Поселення культури полів поховань на Північно-Західному правобережжі (роск. 1945—1946 р.).— АП, 1949, 1.

⁹ Коллекция из раскопок Черняховского могильника В. В. Хвойко погибла во время Великой Отечественной войны. Однако эти материалы были полностью сфотографированы и описаны С. В. Коршенко и детально обработаны нами (сведения — в архиве ИА АН УССР. См. также: Петров В. П. Черняховский могильник.— МИА, 1964, 116).

¹⁰ Магно Е. В. Ягнятинська археологічна експедиція.— АП, 1952, 3; Рудинський М. Дослідді на Кам'яничині.— В кн.: Коротке звітномлення ВУАК за 1928 г. Київ, 1928.

- ¹¹ *Кравченко Н. М.* Косановский могильник (по материалам раскопок В. П. Петрова и Н. М. Кравченко). — МИА, 1967, 139.
- ¹² *Шукин М. Б.* Вопросы хронологии чер-

няховской культуры и находки амфор. — СА, 1968, 2.

- ¹³ *Петрашенко В. А.* Лесостепное правобережное Поднепровье в VIII—X вв. Автореф. канд. дис. Киев, 1982, с. 18.

А. Т. СМІЛЕНКО

ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТЕПНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

В последнее время наметилась тенденция расширять территорию черняховской культуры, в частности в южном направлении. К ее ареалу относят часть Северного Причерноморья, Нижнее Подунавье, иногда Крым. В такой обширной области черняховская культура, естественно, не могла быть однородной, особенно в периферийных районах, где население, очевидно, было смешанным. В связи с этим выделение и изучение отдельных регионов территории черняховской культуры в ее расширенном понимании способствуют более глубокому изучению культуры в целом.

В степном Поднепровье, где известно более 50 черняховских памятников, могут быть выделены два региона (рис. 1): северный (I) и южный (II). Они охватывают не все степное Поднепровье, а в основном долину Днепра, поскольку оседлое население осваивало преимущественно прибрежную полосу с ее плавневыми лесами, где ландшафтные условия были близки лесостепи. В южный регион не включены памятники Северо-Западного Причерноморья, которые составляют особую группу, заслуживающую специального рассмотрения.

В северном регионе степного Поднепровья черняховские памятники располагаются узкой полосой по обоим берегам Днепра, от южной границы лесостепи (примерно в районе Кременчуга) до середины нынешнего Каховского моря, где находился Гавриловский могильник. Кроме того, здесь имеется группа памятников киевского типа на р. Орель, притоке Днепра, и известны погребения кочевых племен: девять позднесарматских и два так называемых гунно-аланских.

Постройки в рассматриваемом регионе черняховской культуры наземные и углубленные в землю, причем последние преобладают. Жилища однокамерные, прямоугольной или округлой формы, небольших и средних размеров, со стенами каркасно-плетневой конструкции. Отопительные сооружения представляли собой очаги, сооруженные из глины и камня, реже — печи. Подобные жилища характерны и для черняховских памятников лесостепного Поднепровья, где полуземлянки были исследованы в Журавке, Ломоватом, Леськах¹, а наземные каркасные жилища — в Леськах, Жуковцах, Максимовке, Новолиповском, Турии². Наземные, полуземляночные и земляночные постройки, обогревавшиеся печами или открытыми очагами, были распространены и западнее — в Верхнем и Среднем Поднепровье и Западной Волыни³.

Для могильников степного Поднепровья характерна биритуальность с небольшим преобладанием трупосожжений над трупоположениями. Урновые сожжения, иногда накрытые, количественно равны ямным. Трупоположения совершались в грунтовых могилах, нередко с каменными закладками или уступами-заплечиками; подбои встречаются как редкие исключения. Положение костяков почти всегда вытянутое, преобладает северная ориентировка, но известна и западная. Встречены повторные нарушения костяков. Эти особенности соответствуют обряду черняховских могильников лесостепного Поднепровья (Черняхов, Маслово, Журавка, Переяслав-Хмельницкий и др.)⁴. За небольшими исключениями,

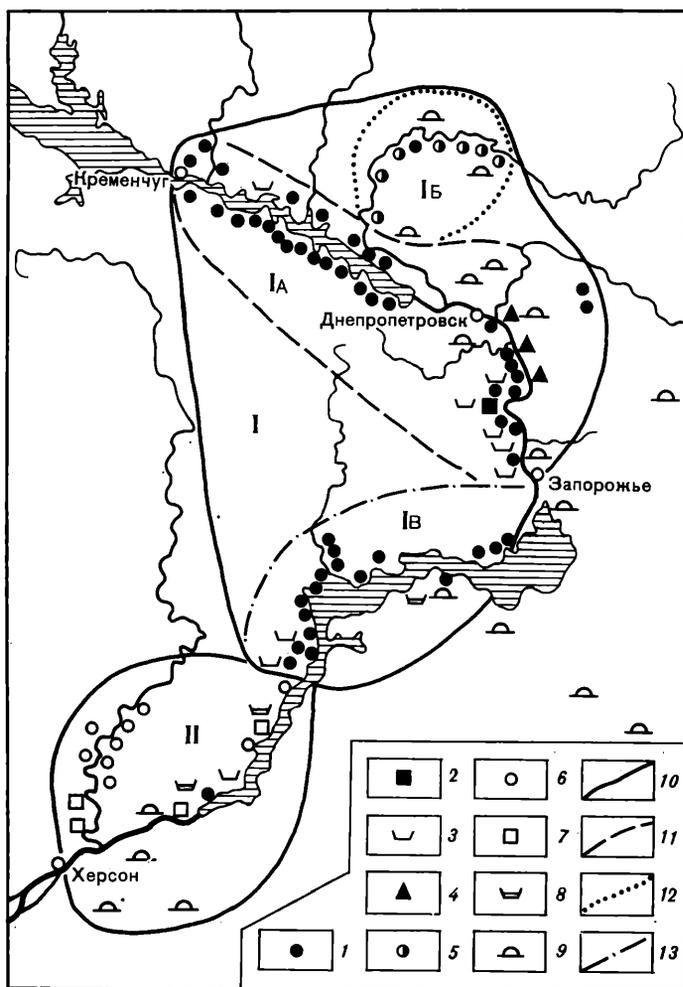

Рис. 1. Археологические памятники III—V вв. в степном Поднепровье

1—4 — черняховские памятники: 1 — поселения, 2 — городища, 3 — могильники, 4 — отдельные находки; 5 — поселения киевского типа; 6—8 — позднескифские памятники: 6 — поселения, 7 — городища, 8 — могильники; 9 — позднесарматские и гунно-аланские погребения; 10 — 13 — граница регионов

совпадают также почти все категории вещевого материала и керамические формы.

Черняховские памятники степного Поднепровья имеют и некоторые особенности, отличающие их от лесостепных. Это небольшие размеры поселений, меньшее распространение гончарной и большее — некоторых форм лепной посуды. В степи заметнее сарматские и пшеворско-вельбарские элементы, однако в количественном отношении они невелики. Так, погребения с элементами сарматского обряда в Гавриловском могильнике составляют около 16% общего числа захоронений, а в лесостепном Масловском могильнике — 13%. Пшеворско-вельбарские элементы прослеживаются в лепной посуде, некоторых украшениях, немногочисленном оружии. Разница в соотношении различных керамических форм в лесостепи и степи не превышает 4—10%.

Близость черняховских памятников региона I степного Поднепровья и лесостепных древностей дает основание объединять их в один этнокультурный массив. Поскольку в I—II вв. в этом регионе не было оседлого населения, представляется вероятным продвижение части черняховских племен в степь из лесостепи в конце II — начале III в.

Южный регион степного Поднепровья охватывает долину нижнего течения Днепра — от середины Каховского моря до устья Днепра. Оседлое население представлено здесь памятниками двух культурных типов — позднескифского и черняховского. В этом районе до IV в. н. э. доживает группа поселений и городищ позднескифской культуры (Дудчаны, Берислав, Красный Маяк, Николаевка и др.). Иногда их относят к так называемой культуре с каменным строительством, сочетающей в себе элементы позднескифские и черняховские⁵. Городища были укреплены каменными стенами. И на городищах, и на открытых поселениях применялось каменное домостроительство. Господствовал обряд трупоположения в простых грунтовых могилах, подбоях и катакомбах. Эта культура во многом отлична от черняховской, имеет местное происхождение и продолжает традиции позднескифского населения нижнего Днепра II в. до н. э. — II в. н. э.⁶, испытавшего значительное влияние со стороны античных городов Северного Причерноморья. Изучение антропологического материала могильников показало принадлежность большинства костяков типу, характерному для степных скифских племен.

В рассматриваемом регионе известно пока одно черняховское поселение — у с. Бургунка на правом берегу Днепра⁷. Почти все исследованные здесь постройки были полуземляночного типа, что наряду с керамикой и некоторыми другими находками позволяет относить поселение к черняховской культуре. Вместе с тем его обитатели испытали влияние со стороны северопричерноморской культуры, о чем свидетельствует одна из построек с каменной кладкой стен, а также значительное количество (до 50% общего числа керамических находок) амфорной тары. Округлая юртообразная постройка с очажным углублением в центре, равно как и лепные горшки позднескифского и сарматского типов, отражают кочевнические влияния. Таким образом, степные черняховские памятники региона II содержали в культуре значительные южные и восточные элементы.

Труднее определить этнокультурную принадлежность девяти поселений долины р. Ингулец, так как связанные с ними могильники не исследованы. Их относят и к позднескифской культуре (Н. Г. Елагина), и к черняховской (Э. А. Сымонович, Б. В. Магомедов), и к культуре «каменного строительства» (М. Б. Щукин). В низовьях Днепра известны также отдельные погребения кочевого населения — позднесарматские и гунно-аланские.

К западу от региона II, на лиманах Северо-Западного Причерноморья и в Днестро-Дунайском междуречье, открыто значительное количество памятников с элементами черняховской культуры или близких черняховским, которые исследователи иногда причисляют к черняховским. Эти памятники содержат значительные элементы других культур — позднеантичной, позднескифской, позднесарматской, чем отличаются от черняховских древностей лесостепи. Характерной их особенностью является каменное домостроительство. Каменные дома, небольшие или многокамерные, с несколькими жилыми и хозяйственными помещениями, здесь преобладают. Остатки их были зафиксированы на 59 поселениях и исследовались на 17. Наземные каркасные постройки были открыты на четырех поселениях, углубленные — также на четырех⁸. Среди захоронений преобладают трупоположения в грунтовых, подбойных и катакомбных могилах. Трупосожжения немногочисленны, в некоторых могильниках отсутствуют⁹. Памятники Северо-Западного Причерноморья близки региону II степного Поднепровья многообразием культурных проявлений, однако имеют и отличия. В их культуре заметнее черты черняховской и позднеантичной культуры, в регионе II — позднескифские традиции.

О. А. Гей на основании статистической обработки особенностей погребального обряда сравнила две зоны черняховской культуры: среднеднепровскую и северопричерноморскую¹⁰. К последней отнесены не только памятники побережья Черного моря, но (без достаточных оснований) и

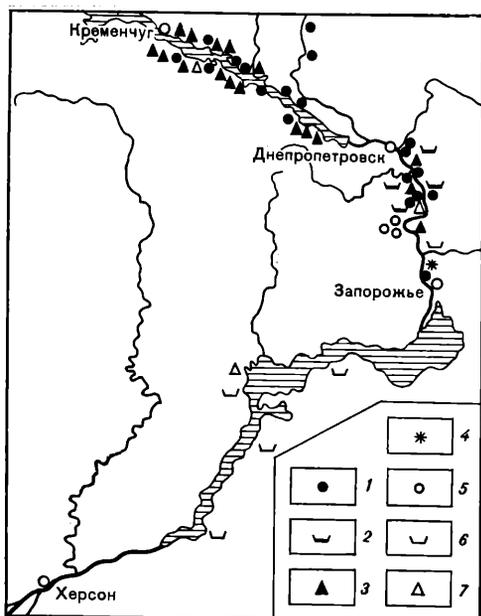

Рис. 2. Археологические памятники VI—VIII вв. в степном Поднепровье

1—3 — памятники пеньковской культуры: 1 — поселения, 2 — погребения, 3 — отдельные находки; 4 — укрепленные поселения у с. Вознесенка; 5 — поселения алан; 6, 7 — памятники салтовского типа VIII—IX вв.: 6 — погребения; 7 — отдельные находки

памятники степного Поднепровья, выделенного нами северного региона (Августиновка, Гавриловка, Каменка, Новоалександровка, Привольное, Волошское). Различие между собственно причерноморскими древностями и нижнеднепровскими отмечено и в указанной работе, в связи с чем в северопричерноморской зоне выделяются две группы могильников: побережья Черного моря и низовьев Днепра. Нам представля-

ется, что поднепровские степные могильники (регион I), более близкие среднеднепровским, чем причерноморским, правильнее было бы объединить со среднеднепровскими.

Дальнейшая судьба черняховских племен долины Днепра степной полосе в различных ее регионах была различной. В гуннское время количество черняховских памятников в степном Поднепровье в целом значительно сокращается, что отражает разрушения, вызванные гуннским вторжением, а также уход части населения, увлеченного потоком переселения народов, на юго-запад.

В последнее время в литературе все больше утверждается мнение о преемственной связи черняховской и пеньковской культур. Имела ли место подобная связь в степной полосе? По-видимому, такую преемственность можно предположить в северной части степного Поднепровья (регион IA), от границы лесостепи до днепровских порогов (рис. 1). Основанием для этого является совпадение здесь ареалов черняховских и пеньковских древностей (рис. 2). Южнее днепровских порогов пеньковские памятники неизвестны. В регионе IA черняховские древности могли принять участие в сложении пеньковских. Здесь известны поздние черняховские памятники, в том числе один из наиболее поздних — Компанийцевский могильник, существовавший в V в. н. э., т. е. в период, непосредственно предшествовавший образованию пеньковской культуры. В материалах этого могильника прослеживаются элементы, родственные пеньковским: урновый и ямный обряды сожжения, некоторые формы лепных сосудов (биконическая, разновидности округлобоких). Родственные пеньковским элементы имеются и в некоторых других черняховских памятниках региона IA. В частности, на поселениях известны полуземляночные жилища с очагами. В сложении пеньковской культуры участвовали, очевидно, и памятники киевского типа, концентрирующиеся на р. Орель (Осиповка, Чернеччина, Котовка, Перещепино и др.)¹¹. Их можно выделить в регион IB (рис. 1).

Судьба черняховских племен, живших южнее порогов (регионы IB и II), представляется иной. В послегуннское время оседлое население здесь исчезает. Если на юге региона IA известно несколько аланских поселков, то в регионах IB и II (ср. рис. 1 и 2) открыты лишь единичные погребения салтовского типа (болгарские). Это дает основание полагать, что по территории Нижнего Поднепровья с VI по X в. почти непрерывно двигались кочевники. Очевидно, черняховские племена регионов IB и II частью ушли с этой территории, частью были ассимилированы кочевым населением.

- ¹ *Сымонович Э. А.* Племена Поднепровья первой половины I тысячелетия н. э. Автореф. докт. дис. М., 1971, с. 15; *Смиленко А. Т., Брайчевский М. Ю.* Черняховское поселение в с. Леськи близ г. Черкассы.— МИА, 1967, 139, с. 45—49.
- ² *Махно С. В.* З історії досліджень поселень черняхівської культури.— В кн.: Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969, с. 30—32.
- ³ *Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972, с. 118—120; *Винокур І. С.* Історія та культура черняхівських племен. Київ, 1972, с. 55—60.
- ⁴ *Петров В. П.* Черняхівський могильник.— МИА, 1964, 116, с. 68—83; *Он же.* Масловський могильник на р. Товмач.— Там же, с. 124—167; *Сымонович Е. О.* Черняхівські племена Подніпров'я (культура і етнос).— Археологія, 1973, 10, с. 9—22; *Гончаров В. К., Махно С. В.* Могильник черняхівського типу біля Переяслава - Хмельницького.— Археологія, 1957, XI, с. 127—144.
- ⁵ *Шукин М. Б.* «Европейская Сарматия» и черняховская культура (хронологические соотношения). Автореф. канд. дис. Л., 1971, с. 8, 9.
- ⁶ *Погребова Н. Н.* Поэднескифские городища на нижнем Днепре.— МИА, 1958, 64, с. 103—247; *М. І. Вязьмігіна.* Золота Балка. Київ, 1962, с. 237.
- ⁷ *Сымонович Э. А.* Черняховское селище Бургунка на нижнем Днепре.— КСИА, 1980, 162, с. 104—109.
- ⁸ *Магомедов Б. В.* Черняховские племена на Северо-Западного Причерноморья. Автореф. канд. дис. Київ, 1981, с. 7.
- ⁹ *Сымонович Э. А.* Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы.— В кн.: Могильники черняховской культуры. М., 1979, с. 63—114; *Магомедов Б. В.* Черняховские племена..., с. 8.
- ¹⁰ *Гей О. А.* Середньодніпровська і північнопричорноморська зони черняхівської культури.— Археологія, 1980, 34, с. 35—53.
- ¹¹ *Телегін Д. Я., Беллєва С. О.* Пам'ятки ранньослов'янського часу на Орелі.— Археологія, 1975, 18, с. 95—107.

Э. А. СИМОНОВИЧ

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ЧЕРНЯХОВСКИХ ПЛЕМЕН ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ДНЕПРА (по материалам лепной керамики)

Важным этнокультурным показателем в археологии служит лепная керамика. Ее наличие на памятниках черняховской культуры левобережья Днепра еще недавно отрицалось¹. В этой связи до сих пор делаются попытки исключить днепровское левобережье из основной зоны распространения культуры полей погребений черняховского типа².

В последние десятилетия в бассейнах Десны, Сейма и более южных левобережных притоков Днепра были изучены памятники, предшествующие черняховскому времени и последующие раннесредневековые, относящиеся к тому периоду, когда, по мнению некоторых исследователей, в этих районах наступило запустение в связи с временным господством кочевых племен, не оставивших ясных археологических следов из-за постоянных передвижений. Однако здесь было констатировано сложное переплетение разных культурных явлений³. Черняховские могильники левобережья, еще недостаточно изученные (Кантемировка, Гурбинцы и др.), содержали ограниченное количество лепной посуды⁴. На многослойном поселении Авдеево под Курском наряду с черняховской круговой посудой была найдена и лепная колочинского типа, но связь ее с культурой полей погребений не была ясна⁵. Работами Е. В. Махно обнаружены на ряде черняховских памятников в закрытых комплексах и в однородных культурных слоях лепные сосуды⁶. Особый интерес представляет баночный слабопрофилированный горшок из могильника Успенка Сумской обл., близкий по форме керамике колочинской культуры⁷.

Лепная керамика поселений киевского и колочинского типов из бассейнов Десны, Сейма и Псла отмечена рядом специфических черт. В некоторых формах горшков прослеживается явное сходство с черняховской посудой. После работ Е. В. Максимова, Р. В. Терпиловского и Е. А. Го-

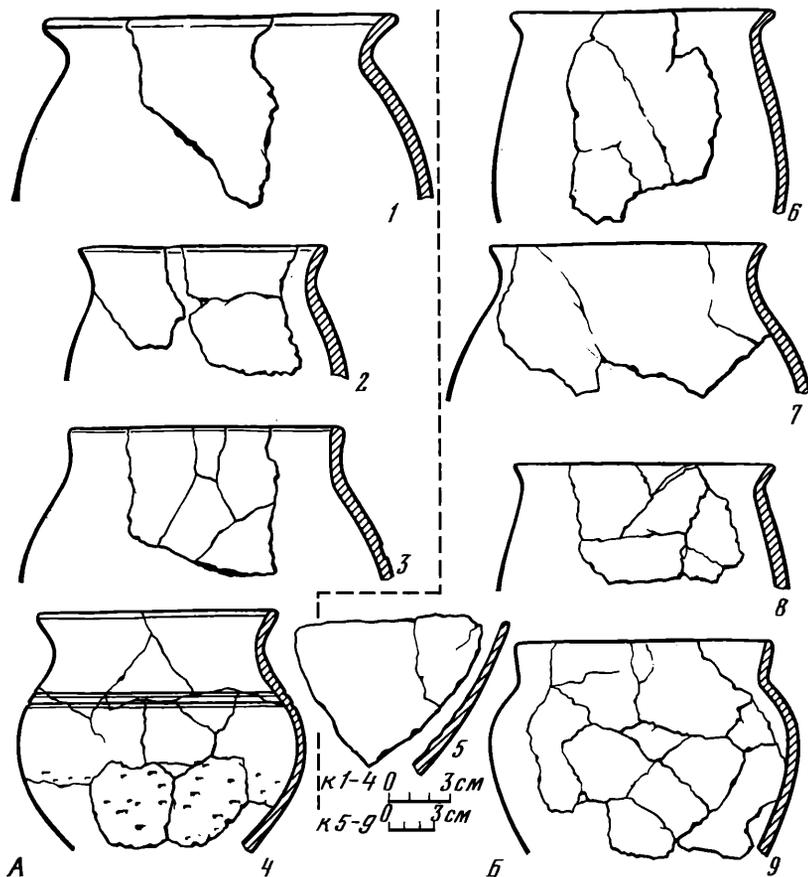

Рис. 1. Керамика из закрытых комплексов черняховского времени в Посеймье
 А — из субструкции очага поселения Воробьевка 2; Б — из «жилины 2» (печь) поселения Лебяжье 4 (материалы Ю. А. Липкинга)
 1—3, 6—9 — лепная керамика; 4, 5 — круговая

рюнова стало ясно, что взаимодействие культур киевской и черняховской было более тесным, чем предполагалось первоначально. Близость многих черт этих частично синхронных культур, генетически связанных с зарубинецкими древностями, не может быть объяснена только экспортом, шедшим от черняховских племен. Важные подтверждения дали, на наш взгляд, раскопки в Посеймье, севернее Курска. Как пример типично черняховского поселения в этом районе можно назвать Снагость 2, где решительно преобладала круговая черняховская керамика, составлявшая 75% общего количества найденных фрагментов посуды, и сочетались углубленные в землю и наземные постройки⁸. В Посеймье известны и менее ясные с точки зрения культуры многослойные поселения, где преобладает лепная посуда. На этих памятниках также имеются выразительные закрытые комплексы в виде жилищ, ям, очагов разной культурной принадлежности⁹. Некоторые исследователи поторопились отнести эти памятники к киевскому типу¹⁰. Трудно категорически оспаривать подобные атрибуции. Синхронность части указанных комплексов черняховской культуре бесспорно доказывается, например, сочетанием круговой и лепной керамики, употребленной в качестве субструкции глинобитных подов очажных устройств (рис. 1). Насколько лепная керамика этого рода типична для черняховской культуры, показывает выделение серии близких сосудов однослойного поселения Букреевка 2 и Замощанского могильника, единственного черняховского погребального памятника в Курской обл. (исследован Ю. А. Липкингом).

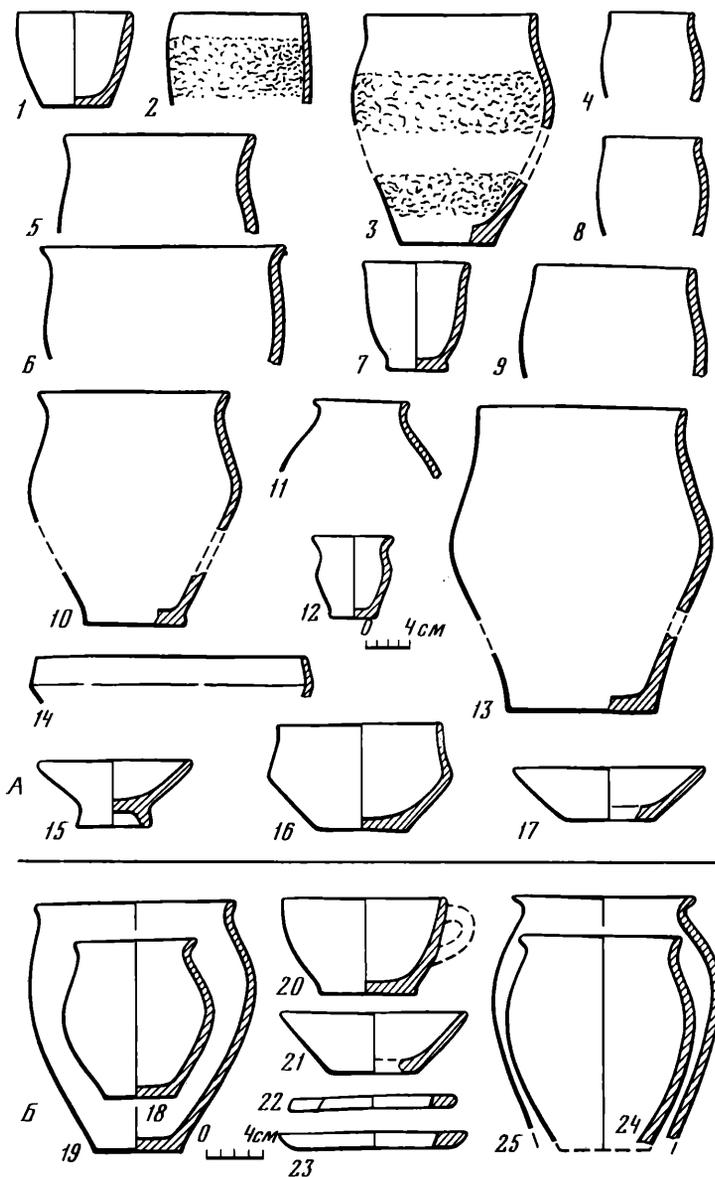

Рис. 2. Образцы лепной посуды поселения Букреевка 2 (А) и других ближайших памятников, датированных черняховским временем (Б)

Селище Букреевка 2 расположено севернее Курска, при слиянии рек Тускари и Виногробли, на южном склоне берега, в топографических условиях, типичных для черняховских поселений. В 1978–1979 гг. здесь была исследована площадь 1200 кв. м, выявлено девять вытянутых в ряд вдоль берега построек, из которых восемь углублены в землю и лишь одна — наземная. Специфические черты устройства и планы полуземлянок находят соответствия в лесостепных и более южных черняховских памятников, как Бургунка на нижнем Днепре¹¹. Совпадает планировка однокамерных и двукамерных построек. Некоторые из них отапливались печами-каминами, вырытыми в виде пещерок в земляной стенке постройки, что характерно для многих черняховских жилищ. Однако в ряде построек Букреевского поселения имелись центральные столбы с расположенными возле них очагами, что нельзя признать характерным для черняховской культуры.

Для определения этнокультурной принадлежности поселения Букреевка 2 важно соотношение групп керамики в культурном слое в целом и в отдельных закрытых комплексах, какими надо считать углубленные в землю постройки. В культурном слое лепная керамика составляла до 75% общего числа фрагментов, в постройках — от 58 до 93%. Только наименее насыщенные лепной керамикой букреевские постройки сопоставимы в этом плане с некоторыми богатыми ею черняховскими жилищами Поднепровья¹².

Сделанная на круге посуда Букреевского поселения имеет все характерные черты, присущие черняховской керамике, но редко украшена узорами, нанесенными с помощью зубчатого колесика и штампа. Лепная керамика представлена главным образом горшками разных типов (рис. 2). Особого внимания заслуживают баночные сосуды с почти не профилированным туловом, иногда имевшие преднамеренно шершавленную поверхность (рис. 2, 1—4). Полностью восстанавливаемый графическим способом сосуд такого рода из Букреевского поселения находит прямую аналогию в материалах черняховского Ружичанского могильника (рис. 3, 3). Столь специфическая техника обработки поверхности сосудов в Посеймье имеет западное происхождение. Сосуды с такой поверхностью встречаются еще в лужицкой культуре, а в хронологически близкие периоды известны в культуре ямных погребений Польши. На территории СССР их признают типичными для зарубинецких памятников БССР и, конечно, для черняховских древностей. Так далеко на восток подобная техника обработки керамики была явно принесена переселенцами из областей культуры полей погребений.

Наиболее многочисленны на Букреевском поселении горшки с отогнутыми венчиками, иногда и в виде раструба (рис. 2, 5). Они имели, вероятно, пологие плечики и округло удлиненное тулово (рис. 2, 6, 8). Такая форма лепных горшков широко распространена в черняховской культуре (рис. 3, 11). Наряду с ними найдены горшки с подобным же образом оформленным верхом, но имевшие округлوبيконическое тулово (рис. 3, 10, 12, 13). Такие горшки напоминают определенный тип сосудов черняховских памятников бассейна Днепра (Леськи, Черняхов и др.; рис. 3, III), но в то же время они аналогичны горшкам культуры киевского типа Подесенья и более южных районов¹³. Небольшой горшочек, использовавшийся скорее всего в качестве кубка (рис. 2, 12), совпадает по форме с описанными А. Г. Митрофановым в группе «цилиндроконических» сосудами, известными по раскопкам Банцеровского городища¹⁴ и встреченными восточнее (Лавриков Лес, Хитцы и др.)¹⁵. Редки удлиненные «тюльпановидные» или баночные горшки с почти не профилированным, слегка округленным бочком (рис. 2, 7, 9), известные на соседних памятниках Посеймья — в Авдееве, Лебяжьем и в Княжинецком могильнике¹⁶. В них следует видеть проявление господствовавших в колочинской культуре форм, о чем можно судить, в частности, по аналогиям в керамическом материале соседнего Букреевка 2 и более позднего колочинского поселения Каменево 2, датированного фибулами V—VI вв.

Сравнительно редки для Букреевского поселения лепные мискообразные сосуды и сковороды, или диски. Тут могут быть названы открытые сосуды в виде плоских с конически расширяющимся верхом и плоским дном или с выделенным поддоном (рис. 2, 15, 17). Миски закрытого типа напоминают зарубинецкие и мощинские (рис. 2, 14). Иногда это биконические сосуды, явно воспроизводящие распространенные формы черняховской столовой посуды (рис. 2, 16).

Сосуды из поселения Букреевка 2 обычно имели средние размеры и предназначались для варки пищи, реже использовались в качестве столовых. Только однажды, в постройке, был найден большой лепной горшок, диаметр края которого составлял 26 см, а высота — более 30 см (рис. 2, 24). По типу он принадлежал к сосудам с отогнутым краем и максимальным расширением чуть выше середины высоты. Тулово округленное. Аналогии ему известны в материалах Замощанского могильника.

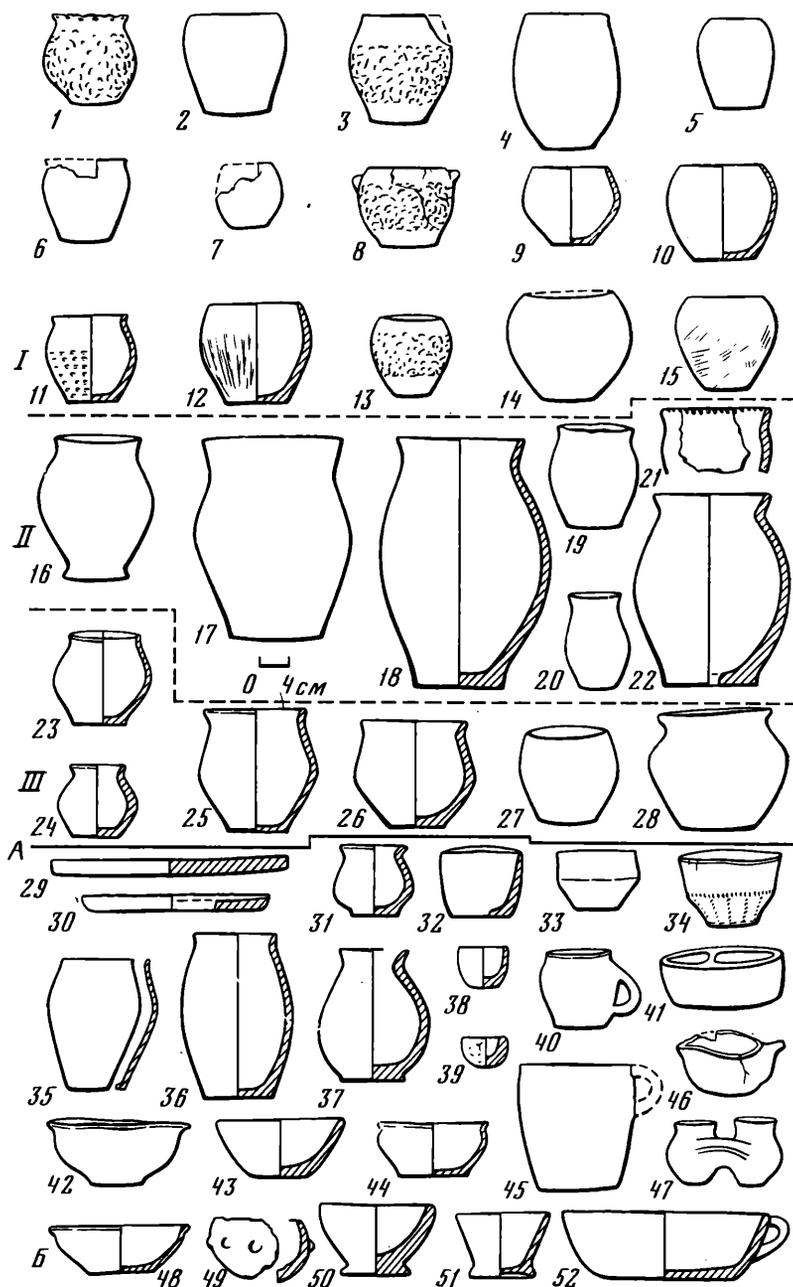

Рис. 3. Лепная посуда черняховских памятников Поднепрорья и Северного Причерноморья

А — основные типы (I—III) наиболее распространенных горшкообразных сосудов; Б — мискообразные сосуды и редкие формы лепной керамики

Букреевские материалы прочно датируются находками бронзовых арбалетных фибул III—IV вв.

Представление о лепной керамике этих районов дополняет Замощанский могильник черняховского типа. В одном из исследованных здесь погребений отмечен зарубинецкий обычай обставлять урну сосудами. Наряду с круговыми формами здесь найдено пять лепных горшков коричневатого цвета, сделанных, как и в Букреевке, из глины с примесями шамота. Это сосуды с выделенным краем и плечиками разной формы, а также плошка со следами ручки (рис. 2, 18, 20, 24, 25)¹⁷.

Для того чтобы судить, насколько велика близость подобного рода посуды Курского Посеймья и близлежащих районов к бесспорным и характерным черняховским находкам, можно сопоставить их с имеющимися в литературе сводками черняховской лепной керамики¹⁸. Однако узколокальный характер этих сводок, удаленность рассмотренных в них памятников от Курского Посеймья, неполнота охвата материалов и значительное расширение в последние годы источниковедческой базы сужают возможности такого сопоставления.

Таблица важнейших форм черняховской лепной керамики, составленная на основе работ В. Д. Барана (рис. 4)¹⁹, характеризует очень удаленные от Посеймья области верховьев Днестра и Буга. Самые распространенные лепные горшкообразные формы разделены В. Д. Бараном на шесть типов (рис. 4, I—VI). Заключают эти серии лепные пифосообразные большие сосуды (рис. 4, 22, 23). Их можно отнести к горшкам, которые В. Д. Баран считает редкими формами (рис. 4, B). Далее следуют мискообразные сосуды, не отличающиеся большим разнообразием (рис. 4, B). Следует обратить внимание на отдельные сосуды в виде так называемых дакийских чаш, известные и на среднем Днестре (Лука Врублевская; рис. 4, 33). В таблице указаны также сосуды, появление которых в черняховской культуре В. Д. Баран относит за счет пшеворских влияний (рис. 4, Г).

Все важнейшие и выразительные горшки из памятников Курской обл., и, в частности, с поселения Букреевка 2, находят аналогии среди сосудов, представленных В. Д. Бараном. Это баночные и яйцевидные горшки (тип VI; рис. 2, 1—4). Сходна керамика с краем, выделенным отгибом, может быть, за исключением присущих киевскому типу округлобиконических сосудов (рис. 2, 10—13). Западноукраинские биконические горшки по своим пропорциям более близки черняховским среднеднепровским, типа найденных на поселении в Черняхове или в Леськах (рис. 4, 8, 9)²⁰. Букреевская форма горшков с краем в виде раструба находит сходство в сосудах, редких для Волинии и Подолии форм (ср. рис. 2, 5 и 4, 28). Большая часть западных горшков имела пологие плечики, как и в Посеймье, но есть сосуды с крутыми плечиками и максимальным расширением тулова в верхней трети его высоты (ср. рис. 2, 19 и 4, 1). Мископодобные сосуды менее показательны. Прimitивные формы плосек присущи многим культурам, но их находки в далеко отстоящих друг от друга районах все же показательны (ср. рис. 2, 15, 17 и 4, 31, 35, 36). Конечно, проникновение в область западноукраинских земель гето-дакийских и пшеворских форм керамики говорит об иных, чем в Посеймье, культурных связях (рис. 4, 33, 40, 44).

При рассмотрении лепной керамики левобережья Днестра уже приходилось обращаться к сопоставлениям ее с посудой Нижнего Поднепровья и Причерноморья²¹. Если не учитывать распространенные здесь формы, близкие к сарматской (рис. 3, 31, 37), позднескифской (рис. 3, 47), вельбарской, или позднеоксывской (рис. 2, 40), и пшеворской (рис. 2, 34) керамике, а также другие редкие формы, то лепная керамика, характерная для культуры полей погребений этих районов, представляется еще более сходной с обнаруженной на памятниках левобережья Днестра. Такое сходство наблюдается в формах баночных, яйцевидных, иногда ошершавленных горшков, сосудов с выделенным в той или иной степени краем и с округлым и биконическим туловом и др. (рис. 3, А).

Опыт сопоставления посуды Посеймья и ближайших районов левобережья Днестра с принятыми за эталон и подкрепленными массовым материалом формами черняховской лепной керамики позволяет прийти к определенным выводам. Представляется, что такой важный этнокультурный показатель, как лепная посуда, не оставляет сомнений в черняховской культурной принадлежности памятников Посеймья, не только таких, как Снагость 1 и 2, но и Букреевка 2, многослойных памятников типа Авдеева, Воробьевки 2, Колосовки, Лебязьего 4 и т. п. При этом фиксируется тесное культурное взаимодействие жителей подобных посе-

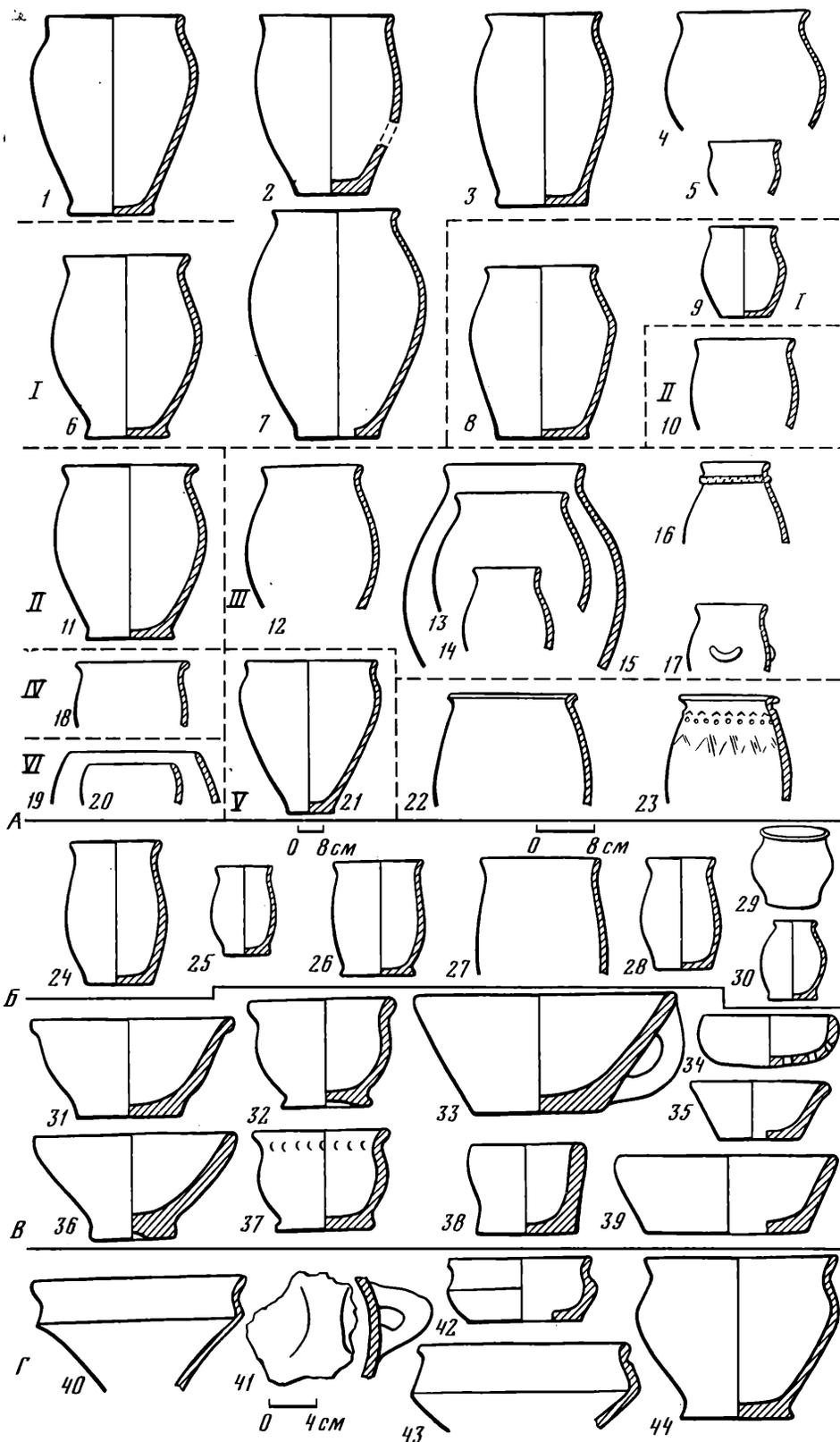

Рис. 4. Лепная посуда черняховских памятников Верхнего Поднестровья и Буга (по В. Д. Барану)

А — типы (I—VI) наиболее широко распространенных горшкообразных сосудов; Б — редкие формы горшков; В — мискообразные формы и плошки; Г — посуда шеворских типов

лений с потомками зарубинецких племен, оставивших памятники киевского типа. Обилие лепной керамики не дает оснований для обособления этих памятников от черняховской культуры. Следует учитывать, что на западных черняховских поселениях типа Демьяновки II, на нижнеднепровском селище Привольное, в Грушевке, Ломоватом I, Журавке Олшанской в ряде комплексов количество лепной посуды намного превышает половину общего количества керамического материала. Среди лепной посуды Посеймья отмечаются отдельные формы лепных горшков, аналогичных пеньковским и колочинским древностям. Истоки подобных культурных образований следует искать среди древностей III—IV вв.

Эти наблюдения важны для изучения развития черняховской культуры. Судя по характерной лепной посуде, черняховская культура со временем претерпевает изменения и участвует в формировании ранне-средневековых древностей. Следы культуры полей погребений сохраняются в V—VI вв. не только на памятниках западноукраинских областей, где они надежно зафиксированы исследователями, но и на левобережье Днепра, где Прокопий Кесарийский помещал в VI в. н. э. племена славян-антов. Процессы взаимодействия местных и пришлых племен на левобережье могли происходить, судя по материалам твердо датированных памятников Посеймья, в периоды, предшествующие аланским и гуннским походам и последующие за ними, вероятно, начиная с эпохи «скифских» войн III в. н. э. Эти политические события, видимо, принудили оседлых земледельцев и скотоводов, создателей черняховской культуры, сдвинуться с насиженных мест в степи и на юге лесостепи. В новых условиях это население вступало в контакты и смешивалось с племенами, ранее жившими на левобережье Днепра, в частности — в Посеймье. После нарушения привычных традиций и культурных связей постепенно терялись некоторые характерные черняховские особенности, что показывает и анализ лепной керамики, рассматриваемой в ее эволюционном развитии.

- ¹ *Ляпушкин И. И.* Памятники культуры полей погребений левобережья Днепра.— КСИИМК, 1950, 33; *Он же.* Памятники культуры полей погребений первой половины I тысячелетия н. э. днепровского лесостепного левобережья.— СА, 1950, XIII.
- ² *Брайчевский М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964; *Баран В. Д.* Черняхівська культура за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ, 1981.
- ³ *Липкин Ю. А.* Далекое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1971; *Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского левобережья. Киев, 1975; *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян левобережья Днепра. Л., 1981.
- ⁴ *Рудинський М. Я.* Кантаміривські могили римської доби.— В кн.: Зап. ВУАК. Київ, 1931, 1; *Макаренко М.* Археологічні дослідження та пошуки на Прилуччині.— В кн.: Коротке звідомлення ВУАК за 1926 р. Київ, 1927.
- ⁵ *Алихова А. Е.* Авдеевское селище.— КСИИМК, 1951, 38; *Она же.* Авдеевское селище и могильник.— МИА, 1963, 108.
- ⁶ *Махно Е. В.* Памятники черняховской культуры на территории УССР (материалы к составлению археологической карты).— МИА, 1960, 82; *Она же.* З історії дослідження поселень черняхівської культури.— В кн.: Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969.
- ⁷ *Махно Е. В.* Раскопки Успенского мо-

гильника.— АИУ в 1968 г. Киев, 1971, 3; *Она же.* Раскопки на могильнике черняховской культуры у с. Успенка.— АО 1976 г. М., 1977.

- ⁸ *Сымонович Э. А., Сокол К. Ф.* Поселения черняховской культуры в с. Снагость в Посеймье.— АО 1977 г. М., 1978, с. 88.
- ⁹ См., например: *Сымонович Э. А.* Поселение Воробьевка 2 в Курской обл.— КСИА, 1974, 140; *Он же.* Новые открытия на селищах Авдеево и Воробьевка 2 возле г. Курска.— В кн.: Ранне-средневековые восточнославянские древности. Л., 1974; *Липкин Ю. А.* Могильники третьей четверти I тысячелетия н. э. в Курском Посеймье.— Там же.
- ¹⁰ *Максимов Е. В., Терпиловский Р. В.* Поселения киевского типа близ Чернигова.— В кн.: Проблема этногенеза славян. Киев, 1978, с. 93, карта, рис. 1; *Баран В. Д.* Черняхівська культура. Київ, 1981, с. 16, 58, рис. 2.
- ¹¹ *Сымонович Э. А.* Черняховское селище Бургунка на нижнем Днепре.— КСИА, 1980, 162, с. 107, рис. 2.
- ¹² См., например: *Кухаренко Ю. В.* Поселение и могильник полей погребений в с. Привольное.— СА, 1955, XXII, с. 130; *Баран В. Д.* Черняхівська культура, с. 77, табл. 3; *Сымонович Э. А.* Черняховское селище Бургунка..., с. 109.
- ¹³ *Даниленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу.— Археоло-

- гія, 1976, 19, с. 72, 73; *Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховський Е. Л.* Нові пам'ятки I тисячоліття в Київському Подніпров'ї.— *Археологія*, 1975, 15, с. 94, рис. 5; 6; *Максимов Е. В., Терпиловський Р. В.* Поселення киевского типа..., с. 97, рис. 3, 12; *Кравченко Н. М.* Исследование славянских памятников на Стугне.— В кн.: *Славяне и Русь*. Киев, 1979, с. 79, рис. 2.
- ¹⁴ *Мигрофанов А. Г.* Банцеровское городище.— В кн.: *Белорусские древности*. Минск, 1967, с. 257—259, рис. 3, 8; *Он же.* Железный век Средней Белоруссии. Минск, 1978, с. 139, рис. 47, 24, 25.
- ¹⁵ *Трегьяков П. Н.* Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье.— В кн.: *Раннесредневековые восточнославянские древности*. Л., 1974, с. 108, 109, рис. 23, 26; 24, 1; *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян..., с. 112, 119, рис. 33, 19, 20; 42, 11.
- ¹⁶ *Алихова А. Е.* Авдеевское селище и могильник, с. 72, рис. 4, 3; *Липкин Ю. А.* Могильники..., рис. 2, 4, 6, 7; 5, 4, 9; *Сымонович Э. А.* Городище Колочин I на Гомельщине.— *МИА*, 1963, 108, с. 128, рис. 23, 5.
- ¹⁷ *Липкин Ю. А.* Замошанская дюна под Суджей.— В кн.: *Могильники черняховской культуры*. М., 1979, с. 6, рис. 1.
- ¹⁸ *Сымонович Э. А.* Лепная посуда памятников черняховской культуры нижнего Днепра.— *КСИИМК*, 1957, 68; *Баран В. Д.* До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу.— *МДАПВ*, 1961, 3; *Никитина Г. Ф.* Классификация лепной керамики черняховской культуры.— *СА*, 1966, 4.
- ¹⁹ *Баран В. Д.* Черняхівська культура..., с. 75—85.
- ²⁰ *Смиленко А. Т., Брайчевский М. Ю.* Черняховское поселение в с. Леськи близ г. Черкасы.— *МИА*, 1967, 139, с. 50, рис. 12, 4; *Сымонович Э. А.* Новые работы в с. Черняхове.— Там же, с. 9, рис. 3, 10.
- ²¹ *Симонович Е. О.* Черняхівські горшкики Подніпров'я.— *Археологія*, 1981, 36.

Р. В. ТЕРПИЛОВСКИЙ

О ХАРАКТЕРЕ КОНТАКТОВ КИЕВСКОЙ И ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУР

Памятники киевского типа со времени их выделения рассматриваются как явление, синхронное черняховской культуре¹. Об этом говорят находки импортных изделий на ряде памятников Среднего и даже Верхнего Поднепровья, Подесенья и Посеймья. Между тем, контакты киевской и черняховской культур на протяжении конца II—V в. носили различный характер и прошли в своем развитии несколько этапов. Сравнительно слабая изученность памятников обеих культур в обширной контактной зоне позволяет сделать лишь предварительные выводы.

Очевидно, в формировании памятников киевского типа на территории Среднего Поднепровья определенную роль сыграли обитатели верхнеднепровских поселений типа Абидни, внедрившиеся в среду потомков носителей местной зарубинецкой культуры во II в. н. э.² В результате на территории Украины появляются поселения Грини 1 и 2 в устье р. Тетерев, а также Вовки на днепровском лесостепном левобережье. Значительное место в керамическом комплексе этих памятников занимают горшки и корчаги с широкой горловиной и слабовыделенными плечиками, часто покрытые расчесами гребенкой, не имеющие аналогий среди местной позднезарубинецкой посуды I—II вв. из комплексов Лютежа³, Оболены⁴ и Девич Горы⁵. На основании находок фрагмента краснолаковой чаши и бусины (Грини)⁶ и части фибулы (тип Альмгрен 84; Вовки)⁷ хронологические рамки памятников типа Гриней в Среднем Поднепровье определяются в пределах второй половины II в. н. э. Данную группу можно считать переходной от позднезарубинецких древностей к памятникам киевского типа.

С конца II—начала III в. в Среднем Поднепровье эту группу сменяют ранние памятники киевского типа (Сушки 2; Казаровичи; Обухов III, под 1). Они характеризуются единообразным, присущим только им вещевым комплексом⁸, выразительно отличающимся от комплекса соседних археологических культур, и являются в культурно-хронологиче-

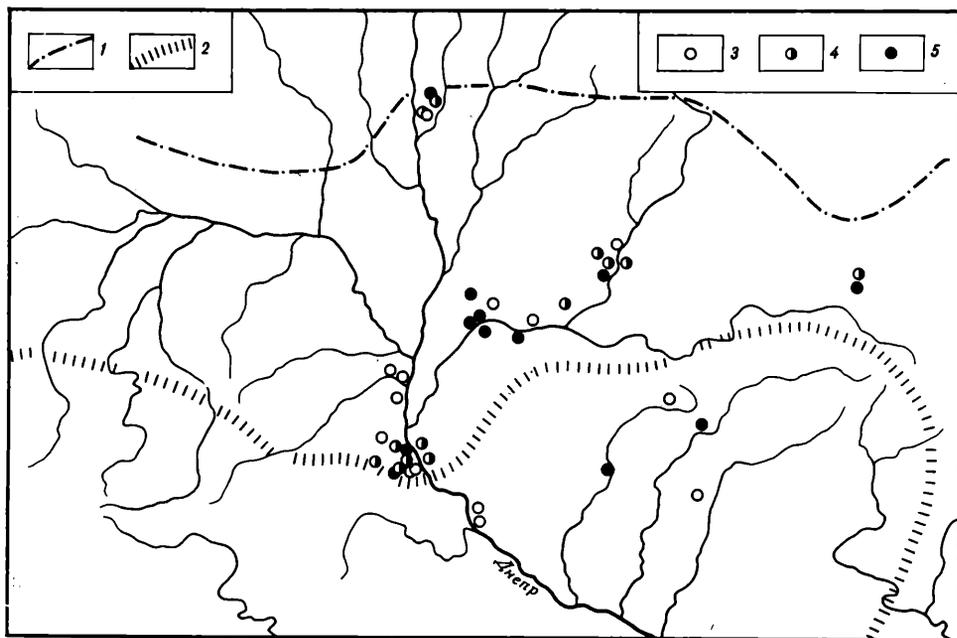

Рис. 1. Расположение памятников киевского типа на различных этапах развития культуры

1 — южная граница балтских археологических культур в первой половине I тысячелетия н. э. (по В. В. Седову); 2 — северная граница черняховской культуры (по Э. А. Симоновичу); 3 — памятники типа Гриней и ранние памятники киевской культуры; 4 — развитые памятники киевской культуры; 5 — поздние памятники киевской культуры

ском отношении самостоятельными. Хронология раннего этапа киевской культуры может быть намечена на основании находки в погребении 14 могильника Казаровичи железной двучленной подвязной фибулы первого варианта первой серии по А. К. Амброзу⁹. К тому же времени должен быть отнесен и материал из Беседовки по найденной здесь небольшой амфоре танаисского типа¹⁰. Отметим, что в вымостке массивного пода очага (Обухов III) на 39 лепных сосудов киевской культуры приходится лишь одна гончарная миска¹¹, изготовленная, судя по технологическим особенностям, в Причерноморье. Таково же, вероятно, происхождение двух десятков гончарных черепков из Беседовки¹² и нескольких гончарных фрагментов из поселения Сушки 2. Других свидетельств о контактах киевского и черняховского населения этого периода практически нет.

Таким образом, сравнительно широкое распространение в южном направлении ранних памятников киевского типа, почти не содержащих импортных изделий, вероятно, говорит об отсутствии прямых контактов киевских и черняховских племен на протяжении II и большей части III в. Это предположение, на наш взгляд, подтверждается и тем, что в непосредственной близости от таких поселений, как Обухов III и Беседовка, имеются крупные черняховские памятники. Если бы они были полностью синхронны ранним поселениям киевской культуры, то, естественно, черняховский гончарный импорт был бы здесь более многочисленным.

Ареал развитых памятников киевского типа второй половины III—IV в. несколько смещен на север по сравнению с предыдущим периодом (рис. 1). В это время в Среднем Поднепровье появляются черняховские памятники. Возможно, с продвижением черняховских племен к северной границе лесостепи местное население — обитатели южных памятников киевского типа — в какой-то мере вошло в состав носителей черняховской культуры. Как удалось установить, северная граница черняховских

памятников примерно совпадает с северной границей черноземов¹³. Близкое соседство киевских и черняховских памятников хорошо фиксируется в Среднем Поднепровье (в районе Василькова и Обухова)¹⁴ и менее отчетливо — в Посеймье (в районе Курска)¹⁵. Интересно, что поселения каждой из этих культур занимают различные экологические ниши. Памятники киевского типа обычно локализуются на приречных участках первых надпойменных террас, реже — на дюнных всхолмлениях в пойме (Новые Безрадици). В Среднем Поднепровье известно несколько поселений, расположенных на высоком коренном берегу, вдоль обводненных балок (Обухов II, III, VII и Белгородка). Близлежащие же черняховские поселения, как правило, размещаются в глубине лёссовых плато.

Можно предположить, что различная топография поселений связана с определенными отличиями в хозяйственной деятельности носителей киевской и черняховской культур. Последняя характеризуется более развитым пашенным земледелием, предполагающим распашку черноземных участков на лёссах. Культивировались различные виды пшениц, ячмень и просо, приносявшие в лесостепных условиях хорошие урожаи. В отличие от черняховского, сельское хозяйство киевской культуры связано прежде всего с южной окраиной лесной полосы, где, кроме перелогов, определенное развитие должна была получить подсеная система земледелия. В этих условиях местные племена культивировали главным образом просо и рожь¹⁶. По мнению З. В. Янушевич, рожь не была распространена в посевах черняховской культуры¹⁷.

Близкое соседство киевского и черняховского населения в Среднем Поднепровье привело к установлению сложных межплеменных отношений. Если проникновение черняховских импортных вещей внутрь территории киевской культуры объясняется экономическим воздействием более развитого общества, возможно, стоявшего на пороге создания раннеклассового государства, на менее развитое, то находки специфически киевской посуды на отдельных северных черняховских поселениях (Жуковцы, Черняхов, Обухов I, Ново-Липовское и др.) скорее всего могут свидетельствовать о семейно-брачных отношениях между населением данных культур.

Черняховские импортные изделия (преимущественно в виде фрагментов гончарной посуды) в незначительном количестве найдены на таких памятниках, как Бортнички, Новые Безрадици, Обухов II. Вероятно, к этому же периоду относится керамика из пода 2 поселения Обухов III, имитирующая в лепной технике черняховские гончарные миски и орнамент на них¹⁸. Исключением является поселение Глеваха (жилище 1), где черняховская гончарная посуда составляет 48% общего числа керамических находок и состоит почти исключительно из лощеной столовой керамики (миски, вазы, кувшины). Следует обратить внимание и на появление на памятниках киевского типа некоторых черняховских приемов домостроительства: в отличие от других жилищ киевской культуры, небольшие прямоугольные постройки в Обухове II и Глевахе имели, вероятно, не цельнодеревянную, а каркасно-плетневую конструкцию с глиняной обмазкой. В целом материалы памятников Среднего Поднепровья, несмотря на близкое соседство киевской и черняховской культур, указывают на сравнительно слабые контакты между ними во второй половине III—IV в.

Памятники киевского типа Нижнего и Среднего Подесенья вплоть до середины IV в. н. э. не содержат черняховских привозных вещей, что свидетельствует об отсутствии прямых связей между киевским и черняховским населением левобережья. Так, железная фибула с подвижной ножкой и шпигом из Лаврикова Леса относится по прибалтийским аналогиям ко времени от середины III до середины IV в. Ряд поселений в районе Чернигова, где встречен многочисленный и разнообразный черняховский импорт, датируется временем не ранее начала IV в. н. э., а скорее его серединой¹⁹. Такие поздние памятники киевского типа Нижнего Подесенья характеризуют значительную инфильтрацию черняховских

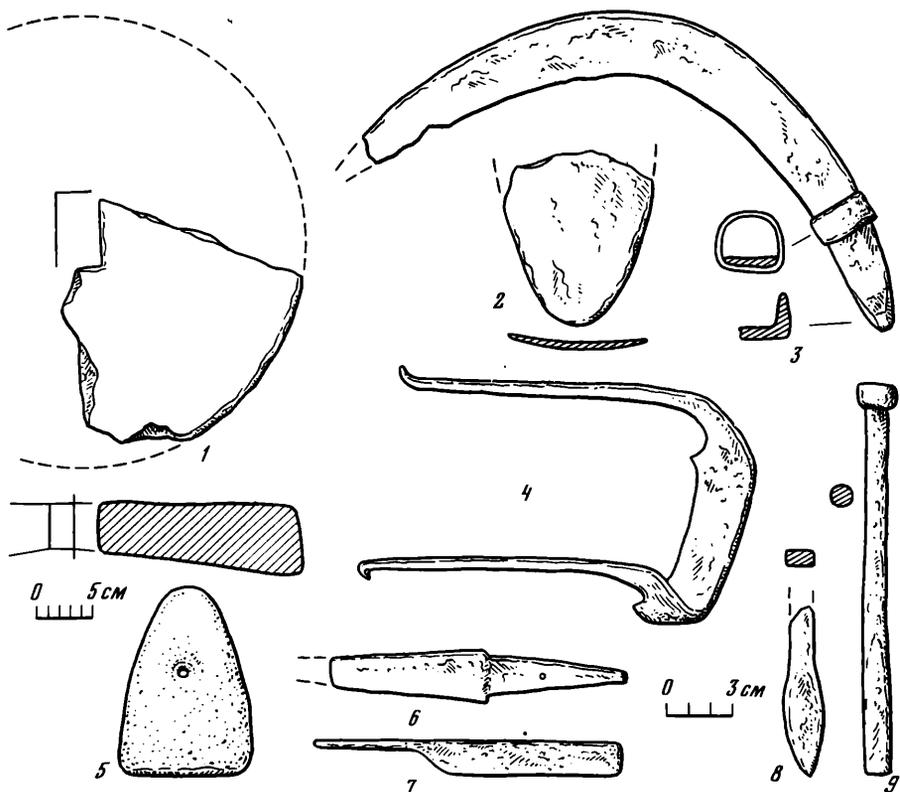

Рис. 2. Хозяйственно-бытовой комплекс поздних памятников киевской культуры Черниговского Подесенья

1, 2, 6 — Ульяновка; 3—5, 7—9 — Роище
1 — камень; 5 — глина; остальное — железо

элементов. Кроме многочисленных фрагментов гончарной посуды (до 15% в отдельных комплексах), на поселениях Роище, Ульяновка, Киселевка 2 и Выбли встречены костяные гребни, пряжки поясов, бусы и другие черняховские или провинциально-римские изделия²⁰. Хозяйственные постройки Роища и Ульяновки находят аналогии прежде всего черняховских каркасных сооружений с глиняной обмазкой. Несколько лепных сосудов из Роища подражают черняховским гончарным мискам.

На наш взгляд, особенно показательно влияние черняховской культуры на развитие социально-экономических отношений деснинских племен. Его можно усмотреть в появлении на поздних памятниках киевской культуры Подесенья провинциально-римского комплекса сельскохозяйственных орудий (железный наральник, крупный серп совершенной формы, ручная мельница с туфовыми жерновами)²¹ и деревообрабатывающих инструментов (двуручные скобели, различные долота, токарный резец или перовидное сверло; рис. 2). К любопытным выводам приводит сравнение планировки поселений киевской культуры Подесенья раннего и позднего периодов. Если на ранних памятниках вся совокупность хозяйственных ям занимала отдельный от жилищ участок²², то на поздних четкая локализация ям-погребов не наблюдается, а хозяйственные постройки расположены, как правило, по одной возле домов (Роище). Вероятно, отмеченные изменения в планировке поселений в определенной степени отражают процесс замены родовых отношений первобытной соседской общиной²³. Несомненно, кроме имманентного развития, связанного с ростом уровня пашенного земледелия, активный распад первобытнообщинных отношений у деснинских племен во второй половине IV — первой половине V в. стимулировался близким соседством высокоразвитой черняховской культуры.

Можно предположить, что отмеченные для Подесенья процессы происходили и среди других южных группировок киевской культуры. Во всяком случае, поселение Каменево 2 в Посеймье содержит значительное количество черняховских импортных изделий и может датироваться на основании находок обломка стеклянного кувшина, фибул и пряжки тем же периодом, что и памятники типа Роища—Ульяновки. Пока неясно, объясняется ли значительная интеграция киевской и черняховской культур проникновением на север части черняховских племен, отрезанной от Северного Причерноморья в ходе гуннской экспансии, или же усилением сложившихся ранее контактов между этими культурами. На наш взгляд, отсутствие явных следов связей этих культур на памятниках Подесенья раннего периода и резкое увеличение числа привозных изделий в гуннское время свидетельствуют в пользу первого предположения. На протяжении во всяком случае первой половины этого периода черняховская культура, вероятно, была еще вполне жизненным явлением, о чем свидетельствует разнообразный и многочисленный импорт, в том числе массивные туфовые жернова, вывозившиеся, возможно, с Южного Побужья²⁴.

Ни киевская, ни черняховская культуры на левобережье не исчезли бесследно, хотя, на наш взгляд, их вклад в формирование пеньковской культуры раннего средневековья был не одинаков. И. П. Русанова и В. В. Седов находят между черняховскими и пеньковскими памятниками генетическую связь²⁵. П. Н. Третьяков ее отрицал, отводя главное место в сложении пеньковской культуры пришлому деснинскому и верхнеднепровскому населению²⁶. Е. А. Горюнов предложил считать основными ее создателями местные лесостепные племена, культура которых была близка культуре памятников киевского типа²⁷. Отдельные компоненты пеньковского керамического комплекса исследователь связал с черняховским субстратом. Вместе с тем сравнительный анализ керамики из Роища—Ульяновки и посуды раннего слоя пеньковского поселения Хитцы, изученного наиболее полно на днепровском левобережье, свидетельствует об их значительной близости²⁸. Поздние памятники киевского типа Подесенья и ранние пеньковские роднят и такие элементы культуры, как топография, детали домостроительства и погребального обряда. Следует отметить, что Роище и Ульяновка по основным признакам ближе к Хитцам, чем поселения лесостепного левобережья типа Сенча—Курган Азак, отличные от черняховской культуры, хотя и синхронные ей²⁹. Керамика последних ближе древностям типа Колочина, чем Пеньковки.

Итак, можно допустить, что возникновение пеньковской культуры на днепровском лесостепном левобережье прежде всего связано с продвижением около V в. н. э. на юг части деснинских племен. Отдельные черты пеньковской культуры говорят о некотором участии в ее сложении и черняховского населения, судя, например, по относительно широкому распространению лепных мисок, подражающих гончарным прототипам, а также по единичным приземистым сосудам с загнутыми внутрь краями и более выразительным, чем в киевской культуре, округлобоким формам горшков. В процессе сложения пеньковской группы раннесредневековой славянской культуры основной вклад черняховского населения выразился в социально-экономическом воздействии на основной субстрат Пеньковки — племена, оставившие памятники киевского типа Подесенья.

Видимо, темпы развития племен северной части ареала киевской культуры — юго-восточной Белоруссии и Среднего Подесенья, значительно удаленных от черняховской территории, были несколько ниже. Это, как и контакты с другими группами населения лесной зоны, привело в середине I тысячелетия н. э. к перерастанию местной культуры в другую группу раннесредневековых памятников — колочинскую.

- ¹ *Даниленко В. Н.* Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра.— КСИА АН УССР, 1955, 4, с. 27—29.
- ² *Терпиловский Р. В.* К сложению памятников киевского типа.— В кн.: *Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР* (тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых). Киев, 1981, с. 94, 95.
- ³ *Бидзилья В. И., Пачкова С. П.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж.— МИА, 1969, 160, с. 64—72.
- ⁴ *Шовкопляс А. М.* Исследования на Оболони в Киеве.— В кн.: *Новейшие открытия советских археологов* (тезисы докладов конференции). Киев, 1975, 3, с. 34, 35.
- ⁵ *Кравченко Н. М.* Исследования славянских памятников на Стугне.— В кн.: *Славяне и Русь*. Киев, 1979, с. 77—79.
- ⁶ *Максимов Е. В.* Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье.— МИА, 1969, 160, с. 39—41.
- ⁷ *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян днепровского левобережья. Л., 1981, с. 41, 42.
- ⁸ *Максимов Е. В., Орлов Р. С.* Поселение и могильник второй четверти I тысячелетия н. э. у с. Казаровичи близ Киева.— В кн.: *Раннесредневековые славянские древности*. Л., 1974, с. 11—21.
- ⁹ *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1-30, с. 62, 63.
- ¹⁰ *Шукин М. Б.* Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор.— СА, 1968, 2, с. 42, 43.
- ¹¹ *Абашина Н. С., Гороховский Е. Л.* Кераміка пізньозарубинецького поселення Обухів III.— Археологія, 1975, 18, с. 66—69.
- ¹² *Махно Є. В.* Розкопки на поселеннях першої половини I тис. н. е. в верхній течії Сули.— АП, 1955, 5, с. 79—85.
- ¹³ *Сымонович Э. А.* Северная граница памятников черняховской культуры.— МИА, 1964, 116, с. 36—38.
- ¹⁴ *Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховский Е. Л.* Нові пам'ятки I тис. н. е. в Київському Подніпров'ї.— Археологія, 1975, 15, с. 88—95.
- ¹⁵ *Сымонович Э. А.* Черняховская культура и памятники киевского типа.— АИУ в 1978—1979 гг. Днепропетровск, 1980, с. 134, 135.
- ¹⁶ *Пашкевич Г. А., Терпиловский Р. В.* Сельское хозяйство деснинских племен III—V вв.— В кн.: *Использование методов естественных наук в археологии*. Киев, 1981, с. 111—113.
- ¹⁷ *Янушевич З. В.* Культурные растения на юго-западе СССР по палеоботаническим исследованиям. Кипшинев, 1976, с. 134.
- ¹⁸ *Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л.* О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э.— СА, 1979, 2, рис. 3, 60.
- ¹⁹ *Терпиловский Р. В.* Памятники киевского типа Подесенья и черняховская культура.— АИУ в 1976—1977 г. Ужгород, 1978, с. 88, 89.
- ²⁰ *Максимов Е. В., Терпиловский Р. В.* Поселения киевского типа вблизи Чернигова.— В кн.: *Проблемы этногенеза славян*. Киев, 1978, с. 94—98.
- ²¹ *Пашкевич Г. А., Терпиловский Р. В.* Сельское хозяйство..., с. 113.
- ²² *Третяков П. Н.* Некоторые данные об общественных отношениях в восточнославянской среде в I тысячелетии н. э.— СА, 1974, 2, с. 80.
- ²³ *Першиц А. И.* Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории.— Труды Ин-та этнографии АН СССР, 1960, 54, с. 168, 169.
- ²⁴ *Хавлюк П. І.* Про виробництво жорен на черняхівських поселеннях Побужжя.— Археологія, 1980, 34, с. 31—33.
- ²⁵ *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 104—112; *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 122—124.
- ²⁶ *Третяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. М., 1970, с. 92—99.
- ²⁷ *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян..., с. 58—60.
- ²⁸ *Терпиловский Р. В.* Население Нижнего и Среднего Подесенья III—V вв. Автореф. канд. дис. Киев, 1980, с. 19.
- ²⁹ *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян..., с. 54—58.

Б. А. ТИМОЩУК

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА И ДРЕВНОСТИ КУЛЬТУРЫ КАРПАТСКИХ КУРГАНОВ (по материалам Черновицкой обл.)

На территории Черновицкой обл. открыто более 300 поселений и могильников III—первой половины V в. (рис. 1). Они принадлежат к двум территориально обособленным археологическим культурам: черняховской, памятники которой (около 230) расположены в Пруто-Днест-

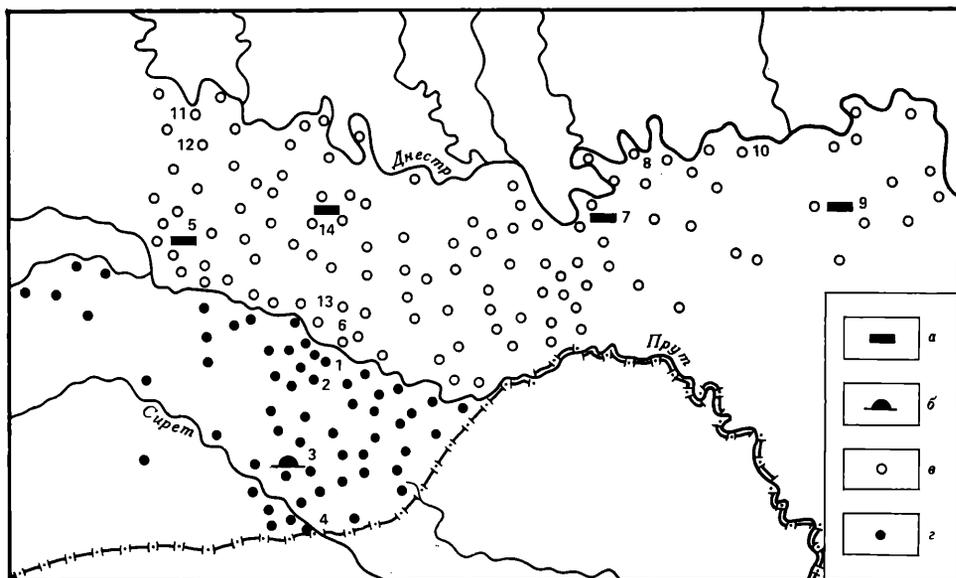

Рис. 1. Памятники III — первой половины V в. на территории Черновицкой обл.

а — могильники черняховской культуры; б — карпатские курганы; в — поселения черняховской культуры; г — поселения культуры карпатских курганов
 1 — Гореча (Черновцы); 2 — Кодын; 3 — Глыбокая; 4 — Черепковцы; 5 — Неполоковцы; 6 — Рогизна (Черновцы); 7 — Оселивка; 8 — Макаровка; 9 — Романковцы; 10 — Комаров; 11 — Звонячине; 12 — Киселев; 13 — Новоселка; 14 — Горошевы

ровском междуречье, и культуре карпатских курганов, памятники которой (более 100) сосредоточены в Буковинском Прикарпатье.

Несмотря на то что по материалам разведок трудно различить поселения обеих культур, материалы, накопленные к настоящему времени, позволяют провести границу между этими культурами в пределах Черновицкой обл. по Пруту. На левом берегу этой реки во многих местах исследовались памятники черняховской культуры. В Неполоковцах рядом с большим черняховским поселением раскопано два погребения (труположение в яме и сожжение в урне)¹. В Рогизне (г. Черновцы) исследованы наземные глинобитные дома и двухъярусный гончарный горн, в обжигательной камере которого находились обломки гончарных пифосов с широкими орнаментированными венчиками. В Новоселке во время земляных работ обнаружено более 10 глинобитных жилищ. Большие поселения черняховской культуры открыты в Лужанах, Берегомете, Шипинцах, Острице, Припрутье и других пунктах левого берега Прута.

На правом берегу Прута поселения культуры карпатских курганов исследовались в пределах г. Черновцы (Гореча I и II, Верхняя Каличанка, Роша, Рогатка). На них изучены наземные глинобитные дома, гончарный одноярусный горн (Рогатка), хозяйственные ямы. Наземные и углубленные жилища культуры карпатских курганов раскопаны на поселении Кодын. Поселения этой культуры обнаружены в Вапковцах, Зеленева, Маморнице и других пунктах правого берега Прута.

При исследовании памятников обеих культур, находящихся на противоположных берегах Прута, много внимания уделялось общим для них элементам материальной культуры, с одной стороны, и тем элементам, которые их разделяют, — с другой. Прежде всего обращает на себя внимание, что домостроительство на всей рассматриваемой территории было однотипным. На черняховских поселениях в Киселеве², Комарове³, Оселивке⁴, Звонячине, Макаровке⁵ и других местах Пруто-Днестровского междуречья обнаружены наземные и углубленные жилища. Преобладали наземные деревянно-глинобитные дома, которые отапливались открытыми очагами, реже — глинобитными печами, сделанными на каркасе из плет-

ня. Такого же типа жилища характерны и для других регионов черняховской культуры.

Вместе с наземными жилищами на тех же поселениях встречаются и углубленные постройки. На черняховском поселении Онут на Днестре обнаружено 39 жилищ. Из них 19 было опущено в материк на 1—1,5 м, остальные оказались наземными сооружениями, от которых на глубине 0,2—0,4 м сохранились наслоения глиняной обмазки с отпечатками плетня и бревен, обломки лепной и гончарной посуды, обожженные камни, разрушенные глинобитные печи. На поселении Оселивка раскопаны наземные глинобитные и углубленные жилища, опущенные в материк на 1,5 м, и те и другие — с очагами⁶. На черняховском поселении в Макаровке В. Д. Баран, кроме наземных, исследовал два углубленных сооружения, опущенных в материк на 1,15 и 1,45 м. В одном из них находился очаг⁷. Углубленные жилища исследовались также на черняховском поселении в Комарове. Одно из них размерами 3,4×2 м было углублено в материк на 1,15 м⁸.

Жилища на правом берегу Прута, где изучались памятники культуры карпатских курганов, представлены теми же типами. Как и в черняховской культуре, преобладают наземные глинобитные постройки. Так, на поселении культуры карпатских курганов в Глыбокой раскопано 16 наземных жилищ и два углубленных⁹, на поселении Рогатка в Черновцах во время земляных работ обнаружено около 80 наземных жилищ и только одно углубленное. Жилища обоих типов встречены на поселениях Гореча I и II, Михальча и др. Конструкция стен углубленных жилищ такая же, как и у наземных, и одинакова для обеих культур. От стен сохраняются столбовые ямы и куски глиняной обмазки с отпечатками плетня. Жилища отапливались очагами, реже — глинобитными печами, которые более характерны для наземных построек.

Однотипны для всей рассматриваемой территории бытовые предметы: глиняные грузила, жернова, глиняные биконические пряслица, пряслица из обломков глиняной посуды, фибулы, пряжки, гребни, а также римские монеты. Общими являются и многие формы гончарной посуды: округлобкие горшки, биконические миски, миски-сырницы, кувшины и пр. Эта керамика не различается и по технике изготовления, составу теста, способу обработки поверхности (серолощенная и шероховатая). Можно указать лишь одну форму гончарной посуды — чаши на высокой ножке, которые часто встречаются на поселениях культуры карпатских курганов, в том числе и на памятниках правого берега Прута, и почти не известны на черняховских поселениях Среднего Поднестровья (рис. 2, 7, 8).

Больше различий наблюдается в составе лепной посуды, хотя и среди нее преобладают общие формы — неорнаментированные округлобкие горшки (рис. 2, 3). На памятниках культуры карпатских курганов распространены конические чаши с массивными ручками (рис. 2, 2, 5), лепные выпуклобкие горшки с налипными расчлененными валиками по тулову (рис. 2, 1), не характерные для черняховской культуры.

Существенно различается в обеих культурах погребальный обряд. В могильниках черняховской культуры в Оселивке¹⁰, Романковцах¹¹, Неполоковцах¹² раскопаны труположения, ориентированные головой на север или запад, и трупосожжения в урнах или неглубоких ямках. Для культуры карпатских курганов характерны курганы высотой около 1 м, но не выше 2 м, диаметром 10—12 м, под насыпями которых находятся остатки кремации в виде кострищ с кальцинированными костями и обломками керамики. Кроме кострищ, под насыпью курганов часто находятся неглубокие ямки с остатками кремации. Малочисленную группу погребений культуры карпатских курганов составляют, как и в черняховской культуре, урновые погребения (урны ставили в неглубокие ямки под курганами)¹³.

Исторические судьбы черняховской культуры и культуры карпатских курганов были одинаковыми. В обеих культурах представляется возможным выделить поздние памятники, относящиеся к заключительному эта-

Рис. 2. Основные формы глиняной посуды культуры карпатских курганов

1—6 — лепная керамика; 7—13 — гончарная

1 — Снячев; 2, 7—9, 12, 13 — Кут Байнск; 3, 11 — Гореча II; 4 — Черепковцы; 5 — Михальча; 6, 10 — Рогатка

пу их существования (приблизительно конец IV — первая половина V в.). Они оказались почти однотипными, о чем свидетельствуют прежде всего керамические комплексы. Формы глиняной посуды, которые различали обе культуры на раннем этапе их развития (чаши на высокой ножке, конические чаши с массивными ручками, лепные горшки с расчлененными валиками по тулову), на поздних памятниках не встречаются. В керамических комплексах поздних памятников обеих культур начинает преобладать лепная посуда, появляются новые ее формы: расширенные в верхней части горшки и сковородки. Одинаковые для обеих культур изменения происходят и в комплексах гончарной посуды. Ухудшается качество серолощенной посуды. Исчезают днища на кольцевой подставке, и на дне появляются следы среза ниткой. Господствующее положение в гончарных комплексах занимают горшки, изготовленные из глины со значительными примесями дресвы.

Изменения, касающиеся домостроительства, также оказываются сходными для обеих культур. Характерные для обеих культур наземные глинобитные дома постепенно уступают место углубленным жилищам.

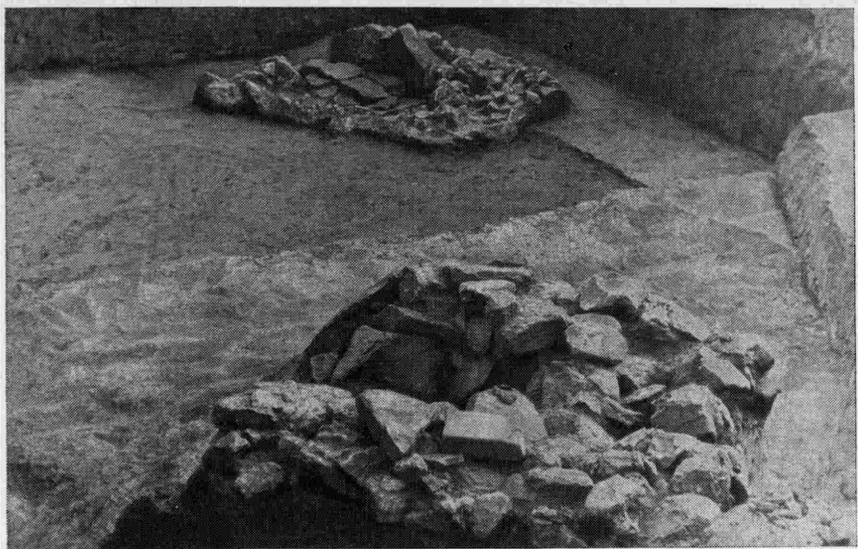

Рис. 3. Поселение Кодын II, жилища 23 и 24

На позднем этапе впервые появляются квадратные полуземлянки с печами-каменками.

Жилища поздней фазы культуры карпатских курганов раскопаны на поселениях Кодын II (рис. 3), Гореча I и II. Жилище 23 поселения Кодын II — прямоугольная полуземлянка размерами 4,3×3,9 м, опущенная в материк на 0,3 м. Она ориентирована углами по сторонам света. В северном углу помещения находилась печь-каменка, составленная из больших камней. Ее под размерами 70×50 см был выложен каменными плитками. На полу жилища найдены обломки лепной и гончарной посуды культуры карпатских курганов. Рядом с этой постройкой находилось жилище 24, также ориентированное углами по сторонам света. В его северном углу находилась печь-каменка, под которой также был выложен каменными плитками. Керамический материал аналогичен найденному в жилище 23.

Поселение Гореча II функционировало с III по VII в.¹⁴ Здесь исследованы глинобитные наземные жилища культуры карпатских курганов и полуземляночные жилища культуры пражского типа. К последней фазе культуры карпатских курганов принадлежит жилище 1. Это полуземлянка прямоугольной формы размерами 5,2×3,8 м, опущенная в материк на 1 м. В ее северо-восточном углу находилась прямоугольная печь-каменка размерами 1,5×1,4 м с подом, выложенным каменными плитками и сверху обмазанным глиной¹⁵. Сначала жилище отапливалось очагом, расположенным в яме глубиной 0,15 м и диаметром 0,55 м. В углах и посередине материковых стен находились столбовые ямы. Здесь же найдено много кусков глиняной обмазки с отпечатками плетня. Жилище 1 следует рассматривать как переходный тип от удлиненных прямоугольных углубленных жилищ культуры карпатских курганов к квадратным полуземлянкам с печами-каменками культуры пражского типа. Форма жилища и конструкция его стен характерны для углубленных жилищ культуры карпатских курганов, печь-каменка — для культуры пражского типа. На полу жилища найдены обломки лепных (76) и гончарных (шесть) сосудов. Среди лепной керамики преобладали горшки, расширенные в верхней части сосуда¹⁶. По составу глиняного теста эти горшки не отличаются от характерных для культуры карпатских курганов, по форме близки горшкам культуры пражского типа.

Приблизительно в таком же направлении и в таких же хронологических рамках происходит смена черняховской культуры культурой пражского типа в Среднем Поднестровье. Это подтверждают материалы

памятников позднечерняховского времени в Бакотѣ¹⁷, Устьѣ¹⁸, Каветчинѣ¹⁹, Теремпах и других пунктах среднего Днестра.

Позднечерняховские памятники на территории Черновицкой обл. исследовались на Пруте, в Рогизне. Здесь раскопаны остатки полуземлянки, опущенной в материк на 0,6 м. В ее северо-восточном углу находилась печь-каменка размерами 1,5×1,2 м. Ее под был выложен каменными плитками. В жилище найдены обломки лепной (преобладают) и гончарной керамики черняховского типа. Позднечерняховский комплекс керамики такого же состава происходит из мусорной ямы, раскопанной на этом же поселении, недалеко от полуземлянки. Среди находок в яме (глубина 0,5 м, диаметр 1,7 м) есть обломки жерновов, железная прямоугольная и серебряная пряжки, обломок глиняного конусовидного грузила, обломки гончарных и лепных (преобладают) горшков, сковородки и мисочки. Комплекс датируется серебряной овальной пряжкой с прямоугольным щитком V в., скорее его первой половиной. Такого типа пряжки найдены, например, в кладе серебряных предметов в с. Качин Волинской обл., где датируются серединой V в.²⁰

Таким образом, сравнительное изучение памятников черняховской культуры и культуры карпатских курганов в районе их стыка показало, что во время гуннского нашествия одновременно начался упадок обеих культур. Постепенно, на протяжении V в., в Украинском Прикарпатье и Среднем Поднестровье формируется культура пражского типа. Хронологического разрыва между культурами черняховской и карпатских курганов, с одной стороны, и культурой пражского типа — с другой, не было. Обращает на себя внимание тот факт, что на исследуемой территории одновременно с печами-каменками появляются лепные горшки так называемого пражского типа.

¹ Тимощук Б. А., Никитина Г. Ф. Памятники первых веков н. э. у с. Неполоковцы.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

² Винокур И. С. История та культура черняхівських племен. Київ, 1972, с. 56—60.

³ Смішко М. Ю. Звіт про розкопки в Комарові у 1957 р. Научный архив ИА АН УССР, № 1957/37, с. 45.

⁴ Цигилик В. П. Оселівське поселення.— Тези пленарних і секційних доповідей XV Наукової конференції Інституту археології АН УРСР. Одеса, 1972.

⁵ Баран В. Д. Поселення черняхівської культури поблизу Звенячина і Макарівки Чернівецької обл.— АДУ 1969 р. Київ, 1972.

⁶ Цигилик В. П. Оселівське поселення, с. 296.

⁷ Баран В. Д. Поселення черняхівської культури..., с. 222, 223.

⁸ Смішко М. Ю. Звіт про розкопки..., с. 45.

⁹ Вакулєнко Л. В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат. Київ, 1977, с. 8—11.

¹⁰ Никитина Г. Ф. Работы Средне-Дне-

стровской экспедиции.— АО 1977 г. М., 1978, с. 362.

¹¹ Никитина Г. Ф. Могилиник черняхівської культури у ст. Романковці.— АО 1974 г. М., 1975, с. 331, 332.

¹² Тимощук Б. А., Никитина Г. Ф. Памятники первых веков...

¹³ Смішко М. Ю. Карпатські кургани першої половини I тисячоліття н. е. Київ, 1960, с. 66.

¹⁴ Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976, с. 31, 32.

¹⁵ Там же, рис. 12, 3.

¹⁶ Там же, рис. 15; 17; 18.

¹⁷ Винокур И. С. История и культура черняхівських племен лесостепного Днестро-Днепровського междуречья. Автореф. док. дис. Киев, 1978, с. 26, 27.

¹⁸ Винокур И. С., Приходнюк О. М., Смилєнко А. Т. Исследование славянских памятников в Устьѣ на среднем Днестре.— АИУ в 1968 г. Киев, 1971, вып. 3, с. 212—223.

¹⁹ Приходнюк О. М. Поселение Лука Каветчинская.— АО 1976 г. М., 1977, с. 357.

²⁰ Петров В. П., Калищук А. П. Скарб срібних речей з с. Качин Волинської обл.— МДАПВ, 1964, 4.

ХРОНИКА

И. С. ВИНОКУР

СИМПОЗИУМ «ПОЗДНЕЙШИЕ СУДЬБЫ
ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

В сентябре 1981 г. в г. Каменец-Подольский был проведен симпозиум «Позднейшие судьбы черняховской культуры», организованный Институтом археологии АН СССР и Институтом археологии АН УССР и Каменец-Подольским государственным педагогическим институтом им. В. П. Затонского. Симпозиум продолжил хорошую традицию коллективного обсуждения важнейших проблем черняховской культуры, начатую конференциями в Киеве (1957 г.) и Львове (1967 г.).

Выбор проблематики симпозиума не был случайным.

Черняховская культура — яркое, сложное и очень важное явление в истории народов Юго-Восточной Европы первой половины I тысячелетия н. э. — привлекает внимание исследователей более 80 лет. В основных чертах определен ареал этой культуры, на территории Украины и Молдавии выявлено около 3 тыс. черняховских памятников, из которых более 100 поселений и 50 могильников изучено стационарными раскопками. В последние годы удалось выяснить локальные варианты черняховской культуры, установить, что лесостепная полоса Украины между Днестром и Днепром была основной территорией, на которой она формировалась и развивалась. Но в этом же регионе хорошо изучены и славянские древности V—VII вв., хронологически следующие за черняховскими.

Открыты такие черняховские памятники, в которых прослеживается своеобразная трансформация черняховской материальной культуры в культуру раннесредневековых славян. Такие памятники исследованы в Поднестровье, на Днепре, на верхнем Пруте. Некоторые из них датированы фибулами концом IV — серединой V в. В связи с этим возникла проблема позднейших судеб черняховской культуры, соотношения черняховских и раннесредневековых бесспорно славянских памятников, которая и находилась в центре внимания Каменец-Подольского симпозиума. На симпозиуме было заслушано 16 докладов*.

В докладе Л. В. Вакуленко и О. М. Приходнюка «Роль черняховской культуры в формировании раннесредневековых древностей Среднего Поднестровья» представлен анализ материалов из раскопок поселения Лука Каветчинская первой половины V — середины VI в.

Э. А. Сымонович и И. С. Винокур, выступившие в прениях, отметили большое значение исследований, проведенных в Луке Каветчинской, согласились с предложенными авторами доклада датировкой памятника и интерпретацией ряда признаков, сближающих древности типа Луки Каветчинской с раннеславянскими.

* Статьи, написанные по материалам 12 докладов, печатаются в настоящем выпуске (см. выше статью В. П. Будановой и следующие). Тезисы всех докладов опубликованы. См.: Тезисы докладов симпозиума «Позднейшие судьбы черняховской культуры». Каменец-Подольский, 1981.

Интерес вызвал доклад И. С. Винокура «Черняховская культура лесостепной полосы правобережной Украины и ее традиции в раннесредневековых славянских древностях». При его обсуждении выступили В. В. Кропоткин, Э. А. Сымонович и Е. В. Махно. В. В. Кропоткин и Э. А. Сымонович отметили конкретно-исторический характер доклада, важность исследования на среднем Днестре памятников черняховского типа, которые по датирующим материалам и стратиграфическим наблюдениям можно с уверенностью относить к концу IV — первой половине V в. Е. В. Махно подчеркнула, что открытия поздних черняховских памятников в Поднестровье очень важны для понимания исторических судеб черняховских племен. По ее мнению, материал таких памятников нуждается в более тщательном анализе, в результате которого, может быть, удастся выделить «чистые» черняховские комплексы V—VII вв., развивающиеся параллельно с памятниками типа Корчак, Пеньковка, культуры киевского типа и т. п. И. С. Винокур в заключительном слове указал, что археологические материалы, рассматриваемые в сочетании с данными письменных источников, лингвистики, исторической географии, позволяют говорить о лесостепной полосе правобережной Украины как о регионе, который и в черняховское, и в послечерняховское время был в основном заселен славянскими племенами, давшими впоследствии начало древнерусской народности.

В докладе Б. А. Тимощука был проведен параллельный анализ двух культур — черняховской и карпатских курганов. Выступивший по докладу Э. А. Сымонович отметил важность выявления общих черт памятников обеих культур как свидетельства общности исторических судеб их носителей.

Э. А. Сымонович в своем докладе представил типологию лепной посуды вновь открытых черняховских памятников Снагость, Букреевка, Воробьевка II, Новоселовка и др. на левобережье Днепра. Выступившие по докладу И. С. Винокур и А. Т. Смиленко указали на большое значение работ, проведенных Э. А. Сымоновичем в Подесенье и Посеймье, на северо-востоке черняховского ареала. А. Т. Смиленко отметила, что изученные здесь древности середины I тысячелетия н. э. подтверждают мысль, что черняховская культура внесла заметный вклад в развитие материальной культуры раннесредневекового славянского населения V—VII вв. Э. А. Сымонович в заключительном слове подчеркнул, что в сложении раннесредневековых древностей V—VII вв. в Юго-Восточной Европе принимали участие черняховская культура, культура киевского типа и др. Раннесредневековые славяне должны изучаться не только по памятникам корчакского типа, но и с учетом древностей типа Пеньковки, Колочина и др. Такое многообразие и своеобразие форм материальной культуры у одного этноса — характерная черта раннего средневековья Юго-Восточной Европы.

Доклад Р. В. Терпиловского был посвящен исследованию характера контактов между культурами киевского типа и черняховской. Выступивший в прениях В. В. Кропоткин высоко оценил доклад, отметив, что он базируется на новом, тщательно изученном материале. Выводы, содержащиеся в докладе, представляют интерес для освещения исторических судеб племен черняховской и соседних культур. В заключительном слове Р. В. Терпиловский остановился на необходимости дальнейшего исследования связей памятников киевского типа и черняховских. Он отметил также определенные связи колочинских и пеньковских древностей.

М. Ю. Брайчевский выступил с докладом «Проблема структурного изучения черняховской культуры», содержащим критику ряда методических положений, связанных с исследованием и интерпретацией черняховских древностей. По его мнению, традиционный способ определения территории археологической культуры путем картографирования памятников ошибочен, «так как отнесение каждого естественного (т. е. данного объективно) комплекса к конкретной культуре всегда может оказаться проблематичным». Более надежным представляется М. Ю. Брай-

чевскому метод определения территории культуры с помощью построения системы изосем, т. е. «картографирования отдельных признаков — как входящих в метакомплекс, так и противостоящих ему». Большинство черняховских памятников, по его мнению, не имеют индивидуальной даты и датируются в рамках существования культуры в целом, которые в свою очередь до сих пор точно не определены. Отсюда проистекает «доныне существующая невыясненность позднего хронологического рубежа культуры, определяемого разными исследователями по-разному в пределах амплитуды в несколько (двух-трех) столетий». Резко критически М. Ю. Брайчевский высказался о распространившемся в последние годы представлении о многоэтничности черняховской культуры, считая многоэтничность археологической культуры «теоретически неправомочной». По его мнению, наиболее яркой особенностью черняховской культуры является ее «типологическая монолитность», являющаяся следствием «внутренней монолитности общества, оставившего памятники черняховского типа». М. Ю. Брайчевский в целом весьма критически оценил работы современных археологов, ведущих исследования проблем черняховской культуры и раннесредневековых этапов славянского этногенеза.

Выступавшие по докладу М. Ю. Брайчевского, указывая на важность разработки методических приемов исследования и интерпретации археологического материала, не согласились в то же время со слишком критической оценкой того, что достигнуто в области изучения черняховских древностей.

В. П. Буданова посвятила доклад анализу древних письменных источников о так называемом государстве Германариха.

Выступившие по докладу В. В. Кропоткин и И. С. Винокур отметили, что подобные исследования дают возможность сопоставлять результаты изучения материальной культуры с выводами, полученными при анализе письменных источников. В целом они высоко оценили доклад В. П. Будановой.

Е. В. Махно в докладе «К вопросу о времени существования и судьбе черняховской культуры» отстаивала тезис о том, что уже сегодня в черняховской культуре можно выделить несколько территориальных групп, среди которых наиболее выразительна среднеднепровская.

Д. Н. Козак, исследуя материалы поселения Великая Слобода на среднем Днестре, попытался показать процесс внедрения в среду черняховских племен инородных северо-западных элементов с чертами пшеворской и вельбарской культур. Выступавшие по докладу Э. А. Сымонович и И. С. Винокур положительно оценили тот факт, что доклад основан на новых археологических материалах, но тем не менее предостерегли докладчика от поспешных выводов. По их мнению, вопрос о назначении постройки, исследованной на поселении Великая Слобода, остается спорным. В этой постройке нет отопительных устройств. Не исключено, что она должна трактоваться как помещение общественного пользования. Д. Н. Козак в заключительном слове еще раз указал на ряд материалов, которые позволяют говорить об инфильтрации в черняховскую земледельческую среду представителей иноэтничного, по-видимому германского, населения, что хорошо согласуется с общими представлениями о событиях эпохи «великого переселения народов».

Оживленную дискуссию вызвал доклад Б. В. Магомедова, посвященный характеристике черняховских памятников Причерноморья. По каменному домостроительству и ряду других признаков Б. В. Магомедов считает возможным выделить их в особую группу. Э. А. Сымонович отметил, что в докладе Б. В. Магомедова слишком категорично прозвучал вывод об окончательном сложении черняховской культуры в связи с приходом готов. Для современной науки, по мнению Э. А. Сымоновича, такой вывод является анахронизмом. Он не согласуется с конкретными результатами изучения черняховских древностей лесостепи и других районов. Каменные дома памятников Северо-Западного Причерноморья не имеют никакого отношения к германцам. То же самое можно сказать о

погребальном обряде на этой территории в первой половине I тысячелетия н. э. Е. В. Махно подчеркнула, что этнический состав населения Северо-Западного Причерноморья в первой половине I тысячелетия был очень сложен. Кроме черняховских, там много позднеантичных памятников, имевших совсем иную этническую принадлежность. В. В. Кротошкин согласился с тезисом докладчика о наличии готского населения в Причерноморье. Правда, определить его удельный вес по сравнению с другими этническими группировками пока затруднительно. А. В. Гудкова отметила, что традиция сооружения жилищ из камня прослеживается в Причерноморье с эпохи бронзы и связывается, по-видимому, с наличием камня, который легко мог быть использован как строительный материал. Поэтому каменное домостроительство в этом районе вряд ли можно использовать в качестве этнического признака.

В докладе А. И. Журко была рассмотрена одна из групп построек, изученных на черняховских памятниках, — углубленные в землю жилища. Выступившие по докладу Э. А. Сымонович и И. С. Винокур высоко оценили исследование докладчика, отметив их значение в дальнейшей разработке проблемы соотношения черняховских и раннесредневековых славянских памятников. Они согласились с тезисом о том, что все основные элементы полуземляночных жилищ черняховских памятников находят продолжение в жилищах славян V—VII вв. Э. А. Сымонович указал на необходимость дальнейшей работы по созданию типологии черняховских жилищ. Он подчеркнул также, что наземные и полуземляночные постройки на черняховских памятниках функционировали параллельно.

Особенностям памятников черняховской культуры долины Днепра в степной зоне посвятила свой доклад А. Т. Смиленко. В результате сравнения этих памятников с лесостепными, с одной стороны, и причерноморскими — с другой, она пришла к выводу, что степная группа ближе к лесостепной, нежели к причерноморской. Как важный и актуальный оценили доклад А. Т. Смиленко выступившие в прениях Э. А. Сымонович и А. В. Гудкова. Было отмечено, что в гуннское время количество черняховских памятников в долине Днепра сокращается, что, видимо, отражает уход части населения, увлеченного потоком «переселения народов».

В сообщении А. П. Савчука были приведены новые данные о памятниках середины I тысячелетия н. э. в левобережной части Киевской обл.

Сообщение Г. Е. Марченко было посвящено интерпретации орнаментальных систем и знаков на посуде черняховской культуры, в которых автор видит космографический смысл. Сообщение было высоко оценено И. С. Винокуром, который, согласившись с основными положениями докладчика, подчеркнул, что космографическая интерпретация орнаментальных систем и знаков на керамике показывает высокий уровень донаучных знаний черняховского населения.

Симпозиум заслушал также доклады Ю. А. Лихтер и Ю. Л. Щаповой «Стекланные изделия на памятниках черняховской культуры» и Г. А. Пашкевич «Культурные растения из памятников черняховской культуры территории Украины».

Вне программы симпозиума М. Ю. Брайчевским был прочтен доклад «О переселении готов из Скандзы», в котором развивалась мысль о том, что готы переселились не с севера, как это принято сейчас большинством исследователей, а из страны Скандза. Эту область докладчик на основании ряда лингвистических наблюдений пытался искать на Кавказе. Выступивший по докладу В. В. Кротошкин указал, что гипотеза о происхождении готов с юга неправомерна. Этимологии, приведенные М. Ю. Брайчевским, мало что дают для широких исторических выводов. Историю взаимоотношений готов с племенами Европы следует изучать прежде всего на основе конкретных археологических материалов с широким привлечением письменных источников. Начало такому подходу уже положено в работах современных исследователей черняховской культуры. В. П. Буданова отметила, что сама постановка вопроса М. Ю. Брайчев-

ским в качестве рабочей гипотезы возможна. Вместе с тем, по ее мнению, письменные источники нельзя анализировать изолированно, необходимо учитывать политическую ситуацию, в которой они создавались. Зачем, например, надо было писать Иордану о Скандзе (Кавказе, по М. Ю. Брайчевскому) и не сказать об этом? Этимологии, приведенные в докладе, в свете данных современной лингвистики, могут вызвать серьезные возражения. Ставить вопрос о том, относятся ли готы вообще к германцам, — значит, не учитывать всех данных письменных источников о германцах и той исторической традиции, которая сложилась по отношению к народам эпохи великого переселения народов. М. Ю. Брайчевский в заключительном слове отстаивал положения прочитанного им доклада, не соглашаясь с оппонентами. Он еще раз подчеркнул, что, по его мнению, полиэтничных археологических культур не бывает, а черняховская культура — монолитное в культурном отношении образование, которое принадлежало одному народу — славянам.

По общим вопросам симпозиума развернулась оживленная дискуссия.

В. В. Кропоткин отметил определенный прогресс в изучении исторических судеб черняховской культуры. В 70-х годах нашего века получены очень важные археологические материалы, свидетельствующие, что среди черняховских комплексов имеются такие, которые можно датировать концом IV — серединой V в. Необходимо на современном научном уровне расчленить черняховские материалы на хронологические стадии. Первые шаги в этом направлении сделаны М. Б. Щукиным, Г. Ф. Никитиной, В. Д. Бараном, Э. А. Рикманом.

Э. А. Сымонович также подчеркнул большой прогресс в изучении черняховской культуры за последние два десятилетия. Исследователи черняховской культуры находятся на правильном пути. Открытия последних лет на среднем и верхнем Днестре и в северо-восточной части черняховского ареала — в левобережном Подесенье и Посеймье — показывают, что носители черняховской культуры внесли весомый вклад в этногенез славян. Весьма перспективны исследования памятников киевского типа, в которых прослежены тесные связи населения, оставившего эти памятники, с носителями черняховской культуры. Материалы симпозиума свидетельствуют о значительном прогрессе в изучении позднейших судеб черняховского населения, о непосредственных связях черняховской культуры с культурой славянских племен V—VII вв.

Е. В. Махно говорила о несомненных достижениях в установлении роли черняховского населения в этногенезе славян. Она полагает, что уже в черняховское время определилась ведущая роль племен Среднего Поднепровья. Все остальные группы населения лесостепи как бы равнялись на Среднее Поднепровье, заимствуя отсюда прогрессивные формы хозяйственного и социально-экономического уклада.

И. С. Винокур остановился на этнической характеристике всего ареала черняховской культуры. По его мнению, в лесостепной полосе правобережной Украины в черняховское время скорее всего доминировал славянский этнос, хотя здесь имела место и некоторая инфильтрация фракийских, сарматских и германских племен. Юг черняховского ареала — Северо-Западное Причерноморье — был, несомненно, полиэтничным. Как указал И. С. Винокур, можно привести и другие примеры полиэтничных археологических культур. Он отметил также большие успехи археологии в исследовании поздних черняховских памятников, датированных IV—V вв. Генетические связи лесостепных черняховских памятников с последующими памятниками славян V—VII вв. основательно прослежены в Поднепровье и на левобережье Днепра. Ряд конкретных и теоретических разработок вывели вопрос о судьбах черняховских племен из тупика.

А. Т. Смиленко отметила большие сдвиги в выяснении исторических судеб носителей черняховской культуры. Открытия последних лет на Днестре и на левобережье Днепра показали, что черняховская культура не исчезла бесследно. Важной проблемой остается систематизация архео-

логических материалов периферии черняховской культуры. Пока еще мало внимания обращается на разграничение основной территории черняховцев (лесостепь) и сопредельных районов. Этот вопрос нуждается в дальнейших целенаправленных исследованиях.

В. В. Седов подчеркнул, что между вторым и третьим черняховскими симпозиумами накоплен большой новый материал для понимания исторических судеб черняховской культуры. Особенно оцутимы результаты изучения истоков средневекового славянского домостроительства. Оказалось, что генетические основы этнографически определенного интерьера славянского жилища следует искать именно в древностях черняховской культуры. Отмечая в целом полиэтничность черняховской культуры, В. В. Седов подчеркнул, что лесостепные древности правобережной Украины скорее всего представляют славянскую часть черняховского ареала.

А. В. Гудкова считает, что вопрос о периферии черняховской культуры очень важен для дальнейшего исследования позднейших судеб черняховской культуры и всего населения юго-востока Европы первой половины I тысячелетия н. э. На исследование этого вопроса следует обратить особое внимание. Оценивая работу симпозиума, она отметила большой прогресс в обобщении материалов об исторических судьбах черняховских племен.

Участниками симпозиума была единодушно принята резолюция, в которой констатировались достижения в области исследования исторических судеб черняховских племен и их роли в славянском этногенезе. Были определены и основные направления дальнейших исследований. Среди проблем, которым следует уделять в дальнейшем особое внимание, были названы: 1. Необходимость дальнейших экспедиционных изысканий; 2. Типологическая классификация памятников конца IV — середины V в.; 3. Изучение и обобщение материалов погребальной обрядности как важного элемента материальной и духовной культуры древности; 4. Углубленное изучение черняховской периферии; 5. Обоснование верхней даты черняховской культуры, связи черняховских древностей с раннесредневековыми славянскими; 6. Исследование вопросов духовной культуры черняховского населения (идеологические представления, религия и верования, искусство и т. п.); 7. Совершенствование методов исследования археологических материалов и их исторической интерпретации; 8. Необходимость шире привлекать к исследованию черняховских древностей специалистов смежных научных дисциплин — этнографов, антропологов, специалистов по технологии древнего керамического, стеклоделательного и других производств, палеозоологов и палеоботаников.

Важнейшим результатом симпозиума можно считать установление достаточно оцутимого вклада черняховских племен в развитие культуры славян V—VII вв. Черняховская культура не исчезла бесследно. В областях черняховского ареала и за его пределами некоторые черняховские традиции сохранялись довольно долго. Неоспоримо существование черняховских культурных традиций и в раннесредневековых славянских древностях.

РАБОТА СЕКТОРА СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1980—1982 гг.

Научные интересы сотрудников сектора скифо-сарматской археологии охватывали период от поздней бронзы до раннего средневековья.

Проблемами раннего железного века предскифского периода занимались А. И. Мелюкова, В. Б. Ковалевская, В. И. Козенкова, В. В. Дворниченко, Н. Л. Членова. Они исследовали взаимоотношения и взаимосвязи предскифских культур Причерноморья, Кавказа, Восточной Европы и Сибири. В. И. Козенкова продолжала исследовать варианты и особенности кобанской культуры на Северном Кавказе. В области скифской археологии разрабатывались вопросы собственно скифской культуры, а также ее локальных вариантов в Причерноморье и на периферии скифского мира (А. И. Мелюкова, В. С. Ольховский, В. Г. Петренко, А. И. Пузикова, Т. М. Кузнецова). Проблемами происхождения, расселения и хронологии позднесарматских племен, их взаимоотношениями с окружающими культурами занималась М. Г. Мошкова. Историю племен Центрального Предкавказья в сарматское время исследовала М. П. Абрамова. По-прежнему много внимания уделялось проблематике черняховской культуры. Вопросами погребальных обрядов черняховских племен занималась Г. Ф. Никитина; историей расселения черняховцев, хронологией, проблемами соотношения их памятников с раннеславянскими — В. В. Кропоткин и Э. А. Симонович. Исследовались также проблемы раннего железного века Восточной Европы, Кавказа, Западной Сибири и Средней Азии (Г. А. Брыкина, Ю. А. Краснов, В. Б. Ковалевская, Х. И. Крис, В. А. Могильников, К. А. Смирнов). Вопросы археологии стран Центральной Америки продолжали оставаться в центре интересов В. А. Башилова и В. И. Гуляева.

Сектор активно участвовал в подготовке многотомной «Археологии СССР». Сотрудники сектора выступают как авторы и редакторы томов, из которых один посвящен черняховской тематике, а другой — скифской. Кроме того, сотрудники сектора участвуют в написании тома, посвященного средневековой археологии Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока, и тома по археологии степей Азии и Горного Алтая в скифо-сарматское время.

За отчетный период в секторе завершено девять плановых тем: Х. И. Крис — в 1980 г.; В. И. Козенкова, М. Г. Мошкова, А. И. Пузикова, Э. А. Симонович, Н. Л. Членова — в 1981 г.; М. П. Абрамова, В. В. Дворниченко и В. И. Козенкова — в 1982 г. В 1981 г. А. И. Мелюкова успешно защитила докторскую диссертацию на тему: «Скифия и фракийский мир».

За указанные годы в печати опубликованы многочисленные работы сотрудников сектора и среди них — три монографии и два выпуска Свода археологических источников.

В монографии Г. А. Брыкиной «Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия н. э.» на основе анализа археологического материала исследуются хозяйственная деятельность, культура, идеология и культурные связи населения. А. И. Мелюкова в книге «Краснокутский курган» восстанавливает устройство насыпи и погребальных сооружений, расположение инвентаря, обосновывает датировку кургана и определяет его место среди других подобных памятников Скифии. В книге А. И. Пузиковой «Марицкое городище в Посеймье VI—V вв. до н. э.» на основании археологических материалов анализируются характер и устройство оборонительных сооружений и жилищ, планировка поселка, структура хозяйства, дается характеристика религиозных представлений и социаль-

ных отношений, обосновывается вывод о смене скифоидного населения южновским в V в. до н. э. Книга В. И. Козенковой «Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант)» * содержит детальное исследование предметов, обнаруженных, при раскопках поселений и могильников восточного варианта культуры. Книга Х. И. Крис «Кизил-кобинская культура и тавры» * содержит публикацию материалов из раскопок поселений и могильников VIII—V вв. до н. э. юго-западного Крыма.

За 1980—1982 гг. сотрудники сектора провели значительные полевые работы. Большинство полевых исследований тесно связано с плановыми темами. Часть работ проводилась на новостройках для спасения археологических памятников. Новостроечными экспедициями руководили Г. А. Брыкина, В. В. Дворниченко, В. А. Могильников, В. Г. Петренко, А. И. Пузикова.

Западновольтинская экспедиция (руководитель В. В. Кропоткин) исследовала могильник черняховской культуры у с. Думанов Хмельницкой обл. Обнаружено более 70 погребений, совершенных по обряду кремации и ингумации.

Ляйлякская экспедиция (руководитель Г. А. Брыкина) продолжала раскопки усадьбы Кайрагач, а также начала разведки и раскопки поселений и могильников в зоне строительства Ляйлякского водохранилища.

Северо-Осетинский отряд (начальник М. П. Абрамова) исследовал могильник VI—VII вв. н. э. у с. Чми Северо-Осетинской АССР.

Поволжская экспедиция (руководитель В. В. Дворниченко) работала в зоне строительства Калмыцко-Астраханской оросительной системы и канала Волго-Дон. Раскопано 25 курганов, содержащих разновременные и разнокультурные погребения. Проводились широкие разведки.

Курильский отряд под руководством В. И. Гуляева проводил разведки на Курильских островах. Открыто несколько стоянок каменного века.

Мало-Карачаевский отряд (начальник В. Б. Ковалевская) проводил разведки в Краснодарском и Ставропольском краях, работы по изучению средневековых укрепленных поселений и могильников в бассейнах рек Мзымта и Псоу, а также раскопки могильника Чми в Северной Осетии.

Западно-Скифская экспедиция (руководитель А. И. Мелюкова) проводила раскопки на поселениях типа Сахарна—Солончены в Молдавской ССР.

Алтайская экспедиция (руководитель В. А. Могильников) проводила широкие разведки и раскопки разновременных памятников в Омском Прииртышье, лесостепном Приобье и на Алтае.

Средне-Днестровская экспедиция (руководитель Г. Ф. Никитина) исследовала могильники черняховской культуры у сел Романковцы и Горошевы Черновицкой обл.

Степной отряд Крымской экспедиции (руководитель В. С. Ольховский) раскапывал скифские курганы степного Крыма. Раскопано 10 курганов V—III вв. до н. э.

Краснознаменская экспедиция (руководитель В. Г. Петренко) занималась разведками и раскопками памятников предскифского и скифского времени в Ставропольском крае. Обследованы курганные группы и поселения, раскопаны курганы с погребениями майкопской, катакомбной, кобанской и сарматской культур.

Курская экспедиция (руководитель А. И. Пузикова) завершила исследование городища Переверзево I и приступила к изучению открытых поселений скифского времени в зоне строительства Курского водохранилища.

Черняховская экспедиция (начальник Э. А. Сымонович) работала на черняховских поселениях у сел Сычавка и Атаманка.

Кабардино-Пятигорская экспедиция (руководитель Н. Л. Членова) закончила раскопки сооружения в Султаногорском могильнике.

* Монографии В. И. Козенковой и Х. И. Крис вышли в серии САИ.

Некоторые сотрудники сектора принимали участие в работах периферийных экспедиций. Так, М. Г. Мошкова вела раскопки в составе Западно-Казахстанской и Нижне-Волжской экспедиций. Раскапывался Лебедевский могильник сарматского времени. В. А. Башилов и В. И. Гуляев работали в составе Советско-Иракской экспедиции, а К. А. Смирнов — Советско-Венгерской.

Основной формой научной работы являются еженедельные заседания сектора. За период с 1980 по 1982 г. на 74 заседаниях сделано 82 доклада сотрудниками сектора, аспирантами, стажерами, а также сотрудниками других учреждений.

В секторе активно работает теоретический семинар, посвященный методическим и методологическим проблемам археологии. Прослушано несколько докладов: «Неолитическая революция» в культурах Мезоамерики (В. А. Башилов, В. И. Гуляев); Идеология древних обществ (В. И. Гуляев); К вопросу о принципах классификации черняховской керамики (Г. Ф. Никитина); Теоретическая археология Гардена; О социальной стратиграфии воинских погребений раннего железного века (В. Б. Ковалевская); Формула культурного слоя (И. С. Каменецкий); О методике графической реконструкции керамики (Х. И. Крис) и др.

Сотрудники сектора принимали участие в работе научных конференций, симпозиумов, конгрессов у нас в стране и за рубежом.

В 1980 г. во Всесоюзной конференции «Скифо-сибирское археологическое единство» (Кемерово) принял участие В. В. Кропоткин. В VII Уральской конференции (Ижевск) — К. Ф. Смирнов, В. А. Могильников, Н. Л. Членова. В симпозиуме по проблемам андроновской культуры (Челябинск, Петропавловск) — В. А. Могильников и Н. Л. Членова. В конференции «Эллинизм и Восток» (Ереван) — А. И. Мелюкова. В X Крупновских чтениях — В. Б. Ковалевская, В. И. Козенкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко, Н. Л. Членова. В XVIII научной конференции Института археологии АН УССР (Днепропетровск) — А. И. Мелюкова, В. Г. Петренко, А. И. Пузикова, Э. А. Сымонович. В конференции «Методика и методология археологических исследований» (Ашхабад) — В. В. Кропоткин. В симпозиуме «Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья» — В. Б. Ковалевская, В. И. Козенкова, А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко, Н. Л. Членова. В конференции «Памятники культуры Востока» (Эрмитаж, Ленинград) — Г. А. Брыкина. В работе V Конгресса по финно-угорской археологии (Турку, Финляндия) — К. А. Смирнов. В работе IV Конгресса по славянской археологии (София, НРБ) — В. В. Кропоткин, Э. А. Сымонович.

В 1981 г. во Всесоюзной конференции, посвященной 100-летию со дня открытия V археологического съезда (Тбилиси), принимали участие В. В. Кропоткин, М. П. Абрамова, В. Б. Ковалевская, В. И. Козенкова, А. И. Пузикова, Э. А. Сымонович. В XI Крупновских чтениях (Новороссийск) — М. П. Абрамова, В. И. Козенкова. В юбилейной сессии Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа «Контакты и взаимодействие древних культур» (Ленинград) — В. В. Кропоткин, В. И. Козенкова, А. И. Мелюкова, В. Г. Петренко. В конференции «Теория классификаций и анализ данных» (Новосибирск) — Г. Ф. Никитина и В. Б. Ковалевская. В симпозиуме по проблемам черняховской культуры (Каменец-Подольский) — В. В. Кропоткин и Э. А. Сымонович (Э. А. Сымонович был одним из организаторов этого симпозиума). В работе X Конгресса прото- и доисториков (Мехико, Мексика) — В. А. Башилов и В. И. Гуляев. В советско-американском симпозиуме по археологии центров древних цивилизаций — В. И. Гуляев.

В 1982 г. в XII Крупновских чтениях (Анапа) принимали участие М. П. Абрамова, В. И. Козенкова, В. Б. Ковалевская, В. Г. Петренко. В конференции «Эллинизм в Причерноморье» (Цхалтубо) — В. В. Кропоткин. На конференции Института этнографии АН СССР с докладом «Американские индейцы в прошлом и настоящем» выступали В. А. Башилов и В. И. Гуляев.

Сотрудники сектора проводят постоянную работу в области популяризации археологических знаний. Они печатают статьи в областных и районных газетах о значении археологических памятников и необходимости их охраны (В. В. Дворниченко, Х. И. Крис, А. И. Пузикова, Э. А. Сымонович). В экспедициях сотрудники проводят лекции и беседы с местными жителями, студентами, школьниками (Г. А. Брыкина, В. Б. Ковалевская, В. В. Дворниченко, Х. И. Крис, В. А. Могильников, Т. В. Мирошина, Г. Ф. Никитина, В. Г. Петренко, А. И. Пузикова, Э. А. Сымонович). Постоянную консультативную работу с местными музеями ведут Г. А. Брыкина, В. В. Дворниченко, Х. И. Крис, М. Г. Мошкова, А. И. Пузикова, В. С. Ольховский, В. Г. Петренко. Особенно необходимо отметить работу Х. И. Крис по созданию музея под открытым небом на городище Борщева. В. И. Гуляев и В. Б. Ковалевская постоянно публикуют статьи в научно-популярных журналах: «Наука и жизнь», «Вокруг Света», «Природа».

В. И. Гуляев сдал в печать научно-популярную книгу «Древние майя. Загадки цивилизации».

Развиваются международные связи членов сектора. Статьи В. Б. Ковалевской, Э. А. Сымоновича, М. Г. Мошковой, В. А. Башилова и В. И. Гуляева печатались в зарубежных изданиях. В. А. Башилов и В. И. Гуляев, будучи в научной командировке в Мексике, прочитали четыре доклада. В 1981 г. В. И. Гуляев сделал доклад «Атрибуты царской власти у древних майя» на X Конгрессе прото- и доисториков (Мехико). Доклад «Типология и структура древнейших городов Месопотамии и Мезоамерики» он прочел на заседании советско-американского симпозиума по археологии Ближнего Востока и Центральной Америки (Кембридж, США). В. А. Башилов в 1982 г. был в научной командировке в Колумбии, где читал лекции и знакомился с археологическими памятниками страны.

В 1980—1982 гг. при секторе окончили аспирантуру А. В. Кропоткин (руководитель Б. А. Рыбаков), А. А. Егорейченко (руководитель В. В. Седов), М. Хабдулина (руководители К. Ф. Смирнов, М. Г. Мошкова). В 1982 г. кратковременную стажировку при скифо-сарматском секторе проходили В. И. Гросу (Кишинев) и А. В. Найдено (Ставрополь).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИМ — Археологические исследования в Молдавии. Кишинев
 АДУ — Археологічні дослідження на Україні
 АИУ — Археологические исследования на Украине
 АО — Археологические открытия. М.
 АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
 АС — Археологический съезд
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград
 АЭ — Археологическая экспедиция
 БМОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВУАК — Всеукраїнський археологічний комітет
 ГИН — Геологический институт Академии наук СССР
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ИА — Институт археологии Академии наук СССР
 ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.
 ИЮОНИИ — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института
 КБИИФЭ — Кабардино-Балкарский институт истории, философии и экономики
 Кисл. М — Кисловодский музей
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
 АН УССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 Академии наук СССР
 МАК — Материалы по археологии Кавказа. М.
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
 МДАПВ — Матеріали та дослідження по археології Прикарпаття та Волині.
 Київ
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
 ОАК — Отчет Археологической комиссии. СПб.
 Пят. М — Пятигорский музей
 СА — Советская археология. М.
 САИ — Свод археологических источников СССР. М.; Л.
 СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной
 культуры. Л.
 СЭ — Советская этнография. М.
 УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
 АН — Archaeologia Hungarica. Budapest
 AM — Arheologia Moldovei. București
 AP — Archeologia Polski
 AR — Archéologické rozhledy. Praha
 Arch. Anz. — Archäologischer Anzeiger. Berlin
 Art As — Artibus Asiae. Ascona
 ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
 IA — Iranica Antiqua. Leiden
 FAP — Fontes archaeologiae Poznanienses
 JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago
 MAGW — Mitteilungen d. Archäologischen Gesellschaft in Wien
 MGH SS — Monumenta Germaniae Historica Scriptores
 MS — Materiały starożytne
 PZ — Prähistorische Zeitschrift. Berlin
 SHA — Scriptores Historiae Augustae
 ZDMG — Zeitschrift d. Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и публикации

<i>Н. Л. Членова.</i> Иранские прототипы «скифских оленей»	3
<i>Т. М. Кузнецова.</i> Анахарсис и Скил	11
<i>Т. Б. Барцева.</i> Металл скифского времени из районов днепровского лесостепного правобережья	17
<i>В. С. Пагрушев.</i> Булавки Старшего Ахмыловского и Аозинского могильников	21
<i>Н. А. Кренке.</i> Раскопки Дьякова городища в 1981 г.	25
<i>В. П. Данильченко.</i> Osteологический материал Селецкого городища	29
<i>В. П. Буданова.</i> Этническая структура «государства Германариха» (по данным письменных источников)	34
<i>Л. В. Вакуленко, О. М. Приходнюк.</i> Роль черняховской культуры в формировании раннесредневековых древностей Среднего Поднестровья	40
<i>И. С. Винокур.</i> Черняховская культура лесостепной полосы правобережной Украины и ее традиции в раннесредневековых славянских древностях	47
<i>А. И. Журко.</i> К вопросу об углубленных жилищах черняховской культуры	51
<i>Д. Н. Козак.</i> Поселение у с. Великая Слобода (к вопросу о памятниках вельбарской культуры на Волыни и в Подолии)	55
<i>Б. В. Магомедов.</i> Черняховские памятники причерноморского типа	60
<i>Е. В. Мазно.</i> К вопросу о времени существования и судьбе черняховской культуры	66
<i>А. Т. Смиленко.</i> Особенности памятников черняховской культуры степного Поднепровья	69
<u>Э. А. Сымонович</u> . Развитие культуры черняховских племен левобережья Днестра (по материалам лепной керамики)	73
<i>Р. В. Терпиловский.</i> О характере контактов киевской и черняховской культур	81
<i>Б. А. Тимощук.</i> Черняховская культура и древности культуры карпатских курганов (по материалам Черновицкой обл.)	86

Хроника

<i>И. С. Винокур.</i> Симпозиум «Позднейшие судьбы черняховской культуры»	92
<i>А. И. Пузикова.</i> Работа сектора скифо-сарматской археологии в 1980—1982 гг.	98
Список сокращений	102

Памятники железного века

КСИА, вып. 178

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор М. Л. Анучина
Корректоры
Т. С. Козлова, К. П. Лосева

ИБ № 28480

Сдано в набор 22.06.84.
Подписано к печати 23.10.84
Т-13380. Формат 70×108^{1/16}
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 9,1. Уч.-изд. л. 10,1. Усл. кр. отт. 9,45
Тираж 1750 экз. Тип. зак. 334
Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-типография издательства «Наука»
121090, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10